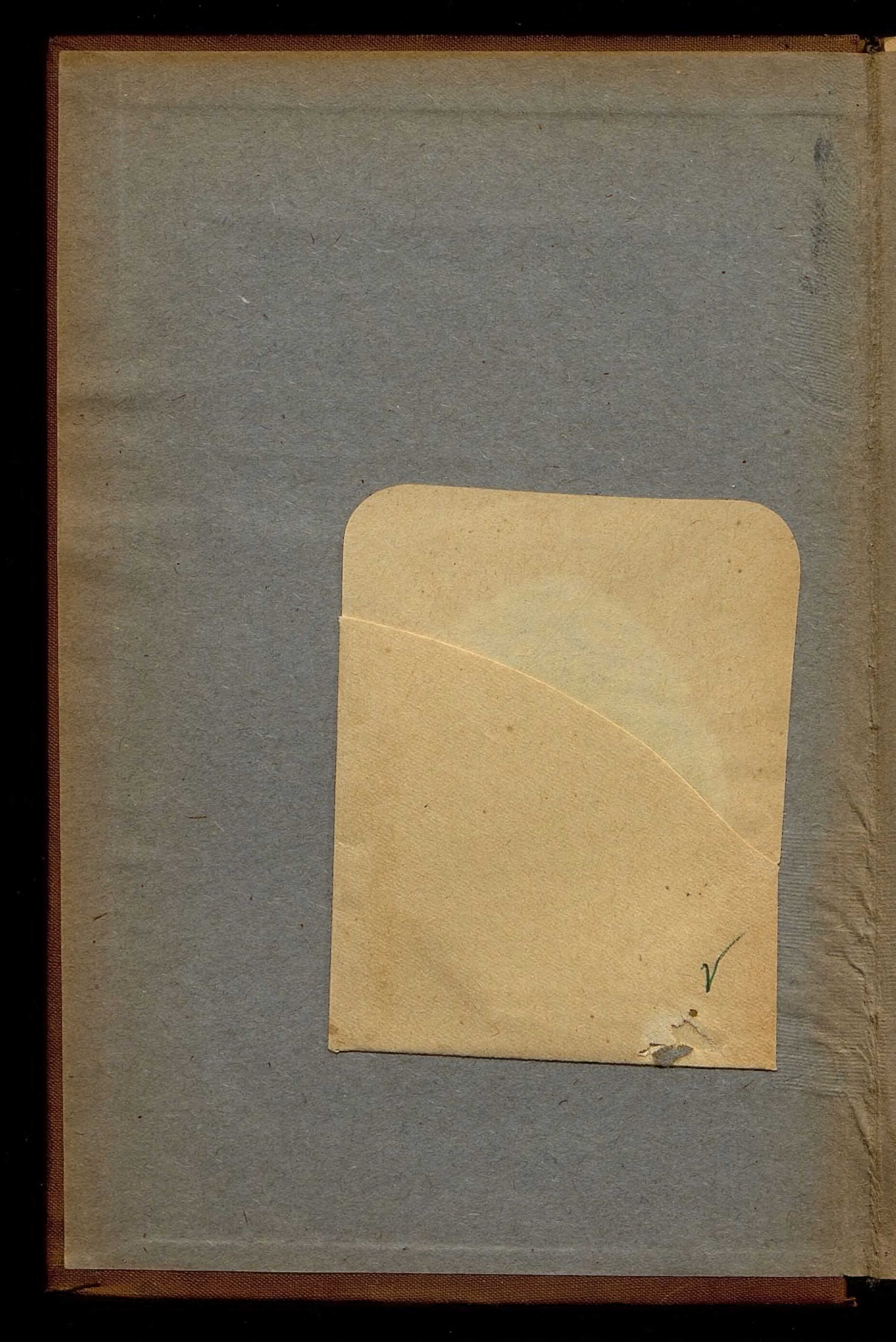
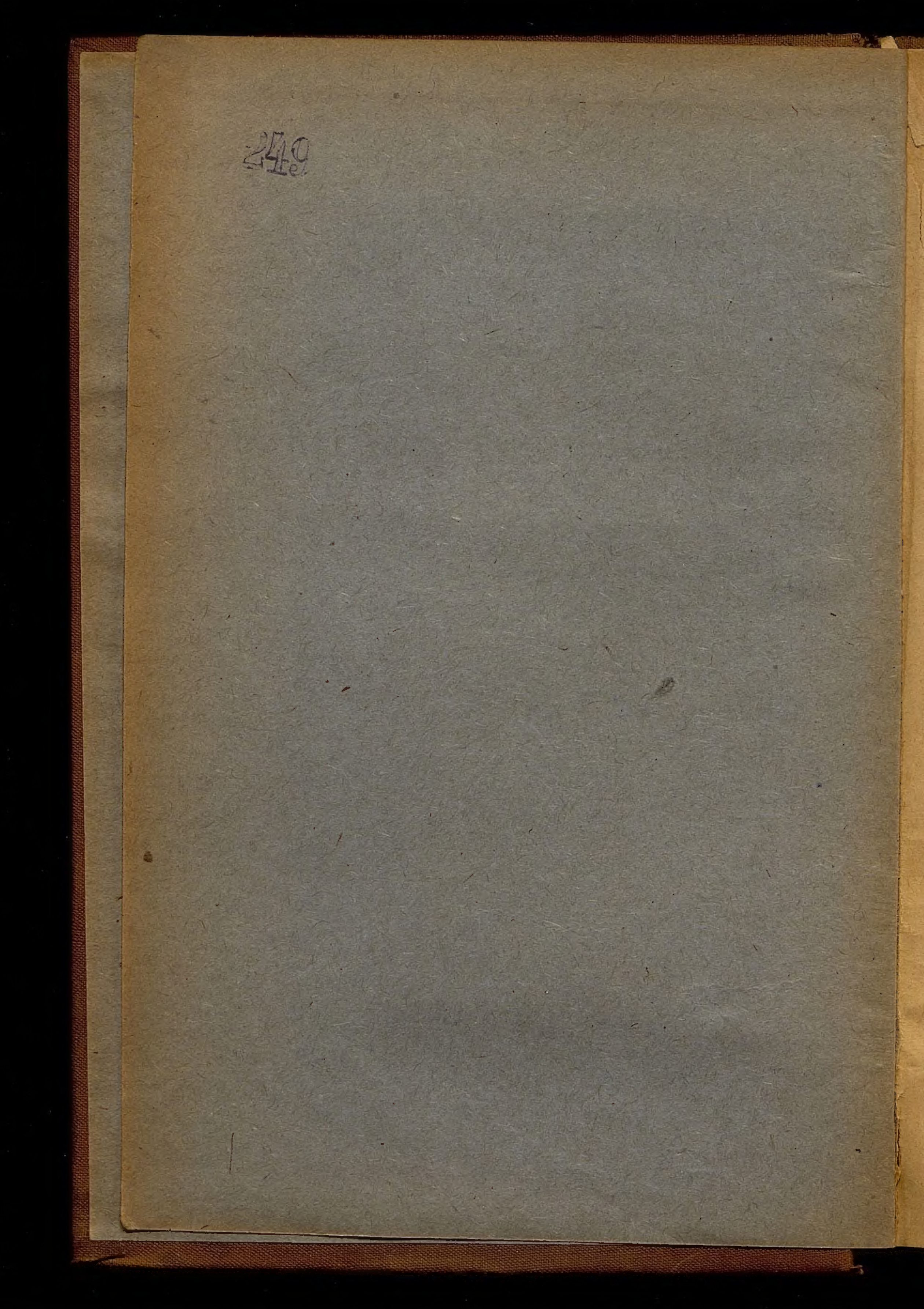
ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

НКЮ СОЮЗА ССР
ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1937

НКЮ СОЮЗА ССР
ЮРИДИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

(23—30 января 1937 года)

НКЮ СОЮЗА ССР
ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1937

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

ПО ДЕЛУ
АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО
ЦЕНТРА,

РАССМОТРЕННОМУ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
23—30 января 1937 года,

ПО ОБВИНЕНИЮ

ПЯТАКОВА Ю. Л., РАДЕКА К. Б., СОКОЛЬНИКОВА Г. Я., СЕРЕБРЯКОВА Л. П., МУРАЛОВА Н. И., ЛИВШИЦА Я. А., ДРОБНИСА Я. Н., БОГУСЛАВСКОГО М. С., КНЯЗЕВА И. А., РАТАЙЧАКА С. А., НОРКИНА Б. О., ШЕСТОВА А. А., СТРОИЛОВА М. С., ТУРОКА И. Д., ГРАШЕ И. И., ПУШИНА Г. Е. и АРНОЛЬДА В. В.

В ИЗМЕНЕ РОДИНЕ, ШПИОНАЖЕ, ДИВЕРСИЯХ, ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ И ПОДГОТОВКЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ, ТО ЕСТЬ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР

ОТЧЕТ СОСТАВЛЕН ПО ТЕКСТУ ГАЗЕТ «ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК» и «ПРАВДА» СО ВКЛЮЧЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

СОСТАВ СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Председательствующий:

Председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист *В. В. Ульрих.*

Члены:

Заместитель Председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР корвоенюрист *И. О. Матулевич* и

Член Военной коллегии Верховного суда Союза ССР диввоенюрист *Н. М. Рычков.*

Секретарь:

Военный юрист 1-го ранга *А. Я. Костюшко.*

Государственный обвинитель:

Прокурор Союза ССР тов. *А. Я. Вышинский.*

Защитники:

Члены Московской коллегии защитников тов. *И. Д. Брауде*, тов. *Н. В. Коммодов* и тов. *С. К. Казначеев.*

Утреннее заседание 23 января

В 12 час. 05 мин. председательствующий тов. Ульрих объявляет судебное заседание открытым.

Обращаясь к подсудимым, тов. Ульрих спрашивает — имеют ли они отводы против состава суда и представителя государственного обвинения. Все обвиняемые заявляют, что отводов у них нет.

Далее тов. Ульрих сообщает, что подсудимого Князева защищает член коллегии защитников Брауде И. Д., подсудимого Пушина — член коллегии защитников Коммодов Н. В., подсудимого Арнольда — член коллегии защитников Казначеев С. К. Тов. Ульрих сообщает также, что остальные подсудимые: Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц, Муралов, Дробнис, Богуславский, Ратайчак, Норкин, Шестов, Строилов, Турок и Граше при вручении обвинительного заключения отказались от защитника, заявив, что они будут защищаться сами. Он обращается к этим подсудимым с вопросом — не изменили ли они свое решение и не желают ли иметь защитников. Подсудимые подтверждают свой отказ иметь защитников. В связи с этим тов. Ульрих разъясняет подсудимым, которые отказались от защитников, что они имеют право задавать вопросы свидетелям, экспертам и подсудимым, а также давать разъяснения по каждому вопросу, который будет затронут на суде, имеют право произносить защитительные речи.

По делу вызваны в качестве свидетелей: Ромм В. Г., Логинов В. Ф., Тамм Л. Е., Штейн А. М., Бухарцев Д. П.; в качестве экспертов: инженеры Лекус П. А., Покровский Б. Н., Моносович Я. М. и в качестве переводчика — Ильк.

После опроса тов. Ульрихом подсудимых о вручении каждому из них копии обвинительного заключения, секретарь суда тов. Костюшко зачитывает текст обвинительного заключения.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольникова Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Лившица Я. А., Дробниса Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. А., Норкина Б. О., Шестова А. А., Строилова М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Пушина Г. Е. и Арнольда В. В., обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР.

Следствием по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, участники которого осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР 24 августа 1936 года, было установлено, что, наряду с вышеуказанным центром, существовал, так называемый, запасный центр, созданный по прямой директиве Л. Д. Троцкого на тот случай, если преступная деятельность троцкистско-зиновьевского блока будет разоблачена органами советской власти. Осужденные члены объединенного троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев, Каменев и др. показали, что в состав запасного центра входили известные по своей прошлой троцкистской деятельности Пятаков Ю. Л., Радек К. Б., Сокольников Г. Я. и Серебряков Л. П.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что, так называемый, запасный центр в действительности был параллельным троцкистским центром, который был организован и действовал по прямым указаниям находящегося в эмиграции Л. Д. Троцкого.

Свою преступную деятельность троцкистский параллельный центр наиболее активно развернул после злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова и последовавшего затем разгрома объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства, в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя. Л. Д. Троцкий и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи иностранных государств, с целью восстановления в СССР капиталистических отношений.

Эти изменнические замыслы против Советского Союза Л. Троцкий изложил в наиболее законченном виде в своем директивном

письме параллельному троцкистскому центру, полученном обвиняемым Радеком К. Б. в декабре месяце 1935 года.

Обвиняемый Радек по этому поводу на допросе от 22 декабря 1936 года показал:

«Надо понять, писал Троцкий, что без известного приравнения социальной структуры СССР к капиталистическим державам, правительство блока удержаться у власти и сохранить мир не сможет...

Допущение германского и японского капитала к эксплоатации СССР создаст крупные капиталистические интересы на советской территории. К ним потянутся в деревне те слои, которые не изжили капиталистической психологии и недовольны колхозами. Немцы и японцы потребуют от нас разряжения атмосферы в деревне, поэтому надо будет итти на уступки и допустить роспуск колхозов или выход из колхозов» (т. 5, л. д. 142, 143).

И далее:

«Мы с Пятаковым пришли к заключению, что эта директива подводит итог работы блока, ставит все точки над «и», выдвигая в самой острой форме вопрос о том, что власть троцкистско-зиновьевского блока может быть при всех обстоятельствах только властью реставрации капитализма» (т. 5, л. д. 146).

В свою очередь, обвиняемый Пятаков, излагая содержание своей беседы с Л. Троцким, имевшей место близ г. Осло в декабре месяце 1935 года, показал, что Л. Троцкий, требуя активизации диверсионной, вредительской и террористической деятельности троцкистской организации в СССР, подчеркнул, что, в результате договоренности с капиталистическими государствами, необходимо, как он выразился, отступить к капитализму. По показаниям обвиняемого Пятакова, Л. Троцкий говорил:

«Это значит, надо будет отступать. Это надо твердо понять. Отступать к капитализму. Насколько далеко, в каком размере, сейчас трудно сказать, — конкретизировать это можно только после прихода к власти» (т. 1, л. д. 269).

О том, что программа параллельного троцкистского центра была программой восстановления капитализма в СССР, показал обвиняемый Сокольников Г. Я. на допросе 30 ноября 1936 года:

«Эта программа предусматривала отказ от политики индустриализации, коллективизации и, как результат этого отказа, подъем в деревне на основе мелкого хозяйства капитализма, который в соединении с капиталистическими элементами в промышленности развился бы в капиталистическую реставрацию в СССР.

...Все члены центра сходились на признании того, что в нынешних условиях другой программы не может быть и что необходимо проводить в жизнь именно эту программу блока» (т. 8, л. д. 225).

Исходя из этих программных установок, Л. Д. Троцкий и его сообщники из параллельного центра вступили в переговоры с агентами иностранных государств, с целью свержения советского правительства при помощи военной интервенции.

В качестве базы для этих изменнических переговоров Л. Д. Троцкий и параллельный центр выдвинули: допущение в СССР развития частного капитала, роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, сдачу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий и предоставление этим иностранным государствам других экономических и политических выгод, вплоть до уступки части советской территории.

По этому поводу Л. Д. Троцкий в упомянутом выше письме к К. Радеку, по словам обвиняемого К. Радека, писал:

«Было бы нелепостью думать, что можно притти к власти, не заручившись благоприятным отношением важнейших капиталистических правительств, особенно таких, наиболее агрессивных, как нынешние правительства Германии и Японии. Совершенно необходимо уже сейчас иметь с этими правительствами контакт и договоренность...» (т. 5, л. д. 140).

Следствием установлено, что Л. Д. Троцкий вступил в переговоры с одним из руководителей германской национал-социалистской партии о совместной борьбе против Советского Союза.

Как показал обвиняемый Пятаков, Л. Троцкий, в беседе с ним в декабре 1935 года, сообщил, что в результате этих переговоров он заключил с означенным руководителем национал-социалистской партии соглашение на следующих условиях:

«1) Гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера;

2) согласиться на территориальные уступки;

3) допустить германских предпринимателей, в форме концессий (или каких-либо других формах), к эксплоатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (речь шла о железной руде, марганце, нефти, золоте, лесе и т. п.);

4) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий;

5) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте. Причем эта диверсионная работа должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским генштабом.

Эти основы соглашения, как рассказывал Троцкий, были окончательно разработаны и приняты при встрече Троцкого с заместителем Гитлера Гессом.

Точно также, сказал Троцкий, у него имеется вполне налаженная связь с ..... правительством» (т. 1, л. д. 267, 268).

О характере этого соглашения и о размерах территориальных уступок Л. Троцкий сообщил в своем письме обвиняемому Радеку в декабре месяце 1935 года.

В этом письме Л. Троцкий, по показаниям обвиняемого К. Радека, писал следующее:

«...Неизбежно придется пойти на территориальные уступки... Придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину.

Германии нужны сырье, продовольствие и рынки сбыта. Мы должны будем допустить ее к участию в эксплоатации руды, марганца, золота, нефти, апатитов и обязаться на определенный срок поставлять ей продовольствие и жиры по ценам ниже мировых.

Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплоатации золота. Мы должны будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан и не мешать Японии в захвате Китая...» (т. 5, л. д. 142, 144).

Не ограничиваясь своими личными переговорами с представителями иностранных государств, Л. Троцкий предложил членам параллельного центра установить связь с представителями этих государств в СССР.

По показаниям обвиняемого Пятакова, Л. Троцкий в своих письмах параллельному центру

«...требовал от Радека и Сокольникова, которые имели соответствующие возможности, нащупать здесь с официальными представителями держав необходимый контакт и поддержать то, что им, Троцким, практически проводится» (т. 1, л. д. 257).

В соответствии с этой директивой Л. Д. Троцкого, обвиняемые Радек К. и Сокольников Г. установили контакт с представителями тех же государств.

По этому поводу обвиняемый Радек на допросе 4 декабря 1936 года показал:

«...Утверждение Троцкого об его контакте с представителями ..... правительства не было простой болтовней. В этом я мог убедиться из разговоров, которые мне приходилось иметь на дипломатических приемах в 1934 — 35 гг., с военным атташе г. ..... и с пресс-атташе ..... посольства г. ....., очень хорошо осведомленным представителем Германии.

Оба они в осторожной форме давали мне понять, что у ..... правительства существует контакт с Троцким».

И далее:

«Я сказал г. К., что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело совершенно бесполезное, и что ..... правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков в СССР», т. е. от блока, когда последний придет к власти» (т. 5, л. д. 119, 121).

Обвиняемый Сокольников также признал, что, используя свое служебное положение заместителя народного комиссара по иностранным делам, он, по указаниям Л. Д. Троцкого, вел тайные переговоры с представителями одного иностранного государства.

Обвиняемый Сокольников показал:

«По окончании одной из официальных бесед, происходившей у меня в кабинете, когда г. ..... и секретарь посольства собрались уходить, г. ..... несколько задержался.

В это время оба переводчика вышли уже из кабинета. Воспользовавшись этим, г. ....., в то время, как я его провожал к выходу, обменялся со мной несколькими фразами. Г. ..... сказал мне: «Известно ли Вам, что г-н Троцкий сделал некоторые предложения моему правительству?»

Я ответил: «Да, я об этом осведомлен».

Г. ..... спросил: «Как Вы расцениваете эти предложения?»

Я ответил: «Я считаю эти предложения весьма серьезными».

Тогда г. ..... спросил: «Это только Ваше личное мнение?»

Я ответил: «Нет, это мнение также и моих друзей» (т. 8, л. д. 235, 236).

Главные свои надежды на приход к власти Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР возлагали на поражение Советского Союза в предстоящей войне с империалистическими государствами. В соответствии с этим, в своих переговорах с агентами иностранных государств лично Л. Д. Троцкий и параллельный центр, через обвиняемых Радека и Сокольникова, всячески стремились ускорить военное нападение этих государств на СССР.

Это подтверждается показаниями всех обвиняемых по настоящему делу.

Так, обвиняемый Радек на допросе от 22 декабря 1936 года приводит следующее место из письма к нему Л. Д. Троцкого:

«Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться... Так как главным условием прихода к власти троцкистов, если им не удастся этого добиться путем террора, было бы поражение СССР, надо, поскольку это возможно, ускорять столкновение между СССР и Германией» (т. 5, л. д. 143, 117).

Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР считали необходимым во время предстоящей войны занять активную пораженческую позицию, всячески помогая иностранным интервентам в их борьбе против СССР.

Так, например, обвиняемый Пятаков, передавая содержание своего разговора с Л. Троцким в декабре 1935 года, близ г. Осло, показал:

«Что касается войны, то об этом Л. Д. Троцкий сказал весьма отчетливо. Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее время.

Он, Троцкий, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Он считает, что приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением СССР» (т. 1, л. д. 258).

В соответствии с этим планом подготовки поражения СССР с целью захвата власти, Л. Д. Троцкий, Ю. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, Серебряков Л. П., Я. Лившиц и другие обвиняемые по настоящему делу развернули вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, направленную к подрыву экономической и военной мощи нашей родины, совершив, таким образом, ряд тягчайших государственных преступлений.

Следствием установлено, что по прямым указаниям Л. Троцкого и под непосредственным руководством параллельного троцкистского центра, ряд обвиняемых по настоящему делу: Турок, Князев, Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше и Пушин были непосредственно связаны с агентами-диверсантами германских и японских разведывательных органов, систематически занимались шпионажем в пользу Германии и Японии и совершили ряд вредительских и диверсионных актов на предприятиях социалистической промышленности и железнодорожного транспорта, особенно на предприятиях, имеющих оборонное значение.

Эту шпионскую и диверсионно-вредительскую деятельность указанные выше обвиняемые осуществляли, в соответствии с имевшимися у троцкистов по этому поводу соглашениями, с иностранными разведчиками.

Так, например, обвиняемый Радек, подтверждая показания Пятакова, на допросе от 22 декабря 1936 года показал, что одним из пунктов соглашения, достигнутого Троцким с представителем германской национал-социалистской партии, было обязательство —

> «...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом» (т. 5, л. д. 152).

Осуществляя взятые на себя обязательства перед представителями Германии и Японии, параллельный троцкистский центр организовал на ряде промышленных предприятий Советского Союза и железнодорожном транспорте диверсионно-вредительские группы, задачей которых было поставлено осуществление диверсионных и вредительских актов.

Обвиняемый Пятаков на допросе от 4 января 1937 года показал:

> «Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.
>
> В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах» (т. 1, л. д. 287).

Следуя этой установке обвиняемого Пятакова Ю., организованные параллельным центром группы совершили ряд диверсионно-вредительских актов на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте.

Так, например, как это было установлено на судебном процессе 19—22 ноября 1936 года по делу троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике, по указанию обвиняемого Дробниса был организован взрыв на шахте «Центральная», повлекший за собой гибель 10 и тяжелые ранения 14 рабочих.

(См. приобщенные к настоящему делу материалы и документы судебного следствия по Кемеровскому процессу от 19—22 ноября 1936 года.)

На Горловском азотно-туковом комбинате, под руководством обвиняемого Ратайчака, было организовано три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекших за собой человеческие жертвы и причинивших огромный материальный ущерб государству.

Аналогичные диверсионные акты, по поручению Ратайчака, были совершены участниками троцкистской организации и на других химических предприятиях Союза (Воскресенский химический комбинат и Невский завод).

Диверсионный характер этих взрывов установлен актами специальной технической экспертизы и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Пушина и Граше (т. 40, л. д. 30, 39, 50).

(См. акты технической экспертизы.)

Наиболее активную диверсионно-вредительскую деятельность на железнодорожном транспорте проводили обвиняемые по настоящему делу: Лившиц Я. А., Турок И. Д., Князев И. А. и Богуславский М. С.

Так, обвиняемый Князев, по прямому заданию параллельного троцкистского центра, организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся большими человеческими жертвами. Из этих крушений наиболее серьезными являются:

а) крушение воинского эшелона на ст. «Шумиха» 27 октября 1935 года, во время которого погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев ранено;

б) крушение на перегоне «Яхино» — «Усть-Катав» в декабре 1935 года;

в) крушение на перегоне «Единовер» — «Бердяуш» в феврале 1936 года.

Крушение воинских поездов обвиняемый Князев организовал не только по указаниям параллельного центра и, в частности, руководителя диверсионно-вредительской работы на железнодорожном транспорте обвиняемого Лившица, но и по прямым заданиям агента японской разведки г. Х.

По этому поводу на допросе 14 декабря 1936 года обвиняемый Князев показал:

«Что же касается шпионской работы и нанесения удара Красной армии, путем устройства крушений воинских поездов с человеческими жертвами, то я к этой работе приступил, лишь выяснив отношение троцкистской организации к шпионажу и диверсионной работе против Красной армии в пользу японской разведки.

Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, т. к. в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации» (т. 32, л. д. 61, 57).

О сотрудничестве с агентами японской разведки показал также и обвиняемый Турок И. Д. (т. 23, л. д. 106).

Совершая диверсионные акты в сотрудничестве с агентами иностранных разведок, организуя крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и промышленных предприятий, обвиняемые по настоящему делу не брезговали самыми гнусными средствами борьбы, идя сознательно и обдуманно на такие чудовищные преступления, как отравление и гибель рабочих, стремясь спровоцировать недовольство рабочих советской властью.

Так, обвиняемый Пятаков на допросе 4 декабря 1936 года по этому поводу показал:

«Мы учитывали, что, в случае необходимости прибегнуть, в целях осуществления вредительских планов, к диверсионным актам, — неизбежно будут человеческие жертвы. Мы это учитывали и принимали как неизбежность» (т. 1, л. д. 196, 197).

Еще более цинично об этом показал обвиняемый Дробнис:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно» (т. 13, л. д. 66).

О том, что эти враги народа, организуя диверсионные акты, сознательно шли на многочисленные человеческие жертвы, свидетельствует и следующее показание обвиняемого Князева от 26 декабря 1936 года:

«Лившиц дал особое поручение подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв» (т. 32, л. д. 92).

Аналогичные показания дал и обвиняемый Турок И. Д. (т. 23, л. д. 73).

Особо активную разрушительную работу на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, путем взрывов, поджогов, крушений поездов и т. п., троцкистский центр и руководимые им диверсионные группы на предприятиях и транспорте должны были развернуть во время войны, когда эти чудовищные акты предательства нанесли бы особо чувствительный удар обороноспособности Советского Союза.

Так, обвиняемый Пятаков дал указание обвиняемому Норкину подготовить поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Допрошенный об этом Пятаков Ю. Л. показал:

«Да, подтверждаю. Такое задание я Норкину действительно дал. Это было вскоре после моей встречи с Троцким, в которой он ставил передо мною вопросы о необходимости проведения в начале войны диверсионных актов на оборонных предприятиях. Именно в связи с этим я говорил с Норкиным о необходимости предусмотреть возможность совершения такого диверсионного акта в Кемерове» (т. 1, л. д. 309).

В свою очередь обвиняемый Князев на допросе от 14 декабря 1936 года показал, что по соглашению с параллельным центром он принял от агента японской разведки г. Х. задание на случай войны:

«...организовать поджог воинских складов, пунктов питания и пунктов санобработки войск» (т. 32, л. д. 68).

Еще более чудовищное задание, направленное против советского народа, обвиняемый Князев принял от того же агента японской разведки г. Х.:

«...особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения остро-заразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск...» (т. 32, л. д. 68).

Предательская связь обвиняемого Князева с японской разведкой установлена не только личными показаниями Князева, но и обнаруженными у него перепиской с г. Х. и фотоснимками (письма г. Х. с пометкой «15/XII» и от 23/VIII—36 года) (т. 32, л. д. 121).

Материалами предварительного следствия и собственными признаниями обвиняемых — Ратайчака С. А., Князева И. А., Турок И. Д., Пушина Г. Е., Граше И. И., Шестова А. А. и Строилова М. С. — установлено, что, наряду с диверсионно-вредительской деятельностью, троцкистский параллельный центр не менее серьезное значение в борьбе с Советским Союзом придавал организации шпионажа в пользу иностранных разведок.

Все указанные обвиняемые, будучи связанными с представителями германской и японской разведок, систематически снабжали их секретными сведениями важнейшего государственного значения.

Так, например, обвиняемый Князев И. А. снабжал японскую разведку, через упомянутого выше агента этой разведки г. Х., секретными сведениями о техническом состоянии, мобилизационной готовности железных дорог СССР и воинских перевозках (т. 32, л. д. 103).

Обвиняемые Ратайчак С. А., Пушин Г. Е. и Граше И. И. признали, что они были связаны с германской разведкой, которой передавали секретные материалы о состоянии и работе наших химических заводов.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый Граше показал:

«Организация, участником которой я был, вела по заданию германской разведки не только диверсионную, но и шпионскую работу на предприятиях химической промышленности» (т. 21, л. д. 40).

Обвиняемый Пушин Г. Е., признав свое участие в шпионаже, показал, что он и обвиняемый Ратайчак С. А. осуществляли связь с германской разведкой через монтера фирмы «Линде» — Ленца.

Обвиняемый Пушин Г. Е. на допросе от 26 октября 1936 года показал:

«Ленцу были переданы следующие материалы:

1) данные о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза за 1934 год;

2) программа работ всех химических предприятий Союза на 1935 год;

3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом.

Все эти материалы передал Ленцу лично я в разные сроки в первой половине 1935 года.

Кроме того, мне известно от Ленца, что непосредственно от Ратайчака он получил данные о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам. Помимо всего этого, Ленц систематически снабжался мною сведениями о простоях, авариях, о состоянии оборудования по азотным заводам» (т. 19, л. д. 31).

Аналогичную шпионскую работу в пользу германской разведки вели также и обвиняемые Шестов А. А. и Строилов М. С., изобличенные в преступной связи с рядом разведчиков, прибывших в СССР под видом иностранных специалистов, каким был, например, осужденный за шпионско-диверсионную работу по «Кемеровскому делу» инженер Штиклинг.

Шпионская деятельность троцкистов в пользу германской разведки в ряде случаев прикрывалась их связью с некоторыми немецкими фирмами.

Следствием по настоящему делу установлено, что между Л. Троцким и некоторыми германскими фирмами было заключено соглашение, в силу которого эти фирмы содержали троцкистов за счет фонда, созданного путем накидок на цены товаров, ввозимых в СССР из Германии.

По этому поводу обвиняемый Пятаков, в связи со своей беседой с находящимся в эмиграции сыном Троцкого — Л. Л. Седовым, показал:

«...Седов передал мне указания Троцкого, чтобы я старался разместить побольше заказов в фирмах «Демаг» и «Борзиг», с представителями которых Троцкий имеет связь.

Вам, — добавил Седов, — придется переплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу» (т. 1, л. д. 227).

В своих планах свержения советского правительства и захвата власти Л. Троцкий и параллельный центр первостепенное значение придавали террористическим актам против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что параллельный троцкистский центр, по прямым указаниям Л. Д. Троцкого, полученным Пятаковым Ю. Л. и Радеком К. Б., организовал ряд террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Сочи, Новосибирске и других городах.

По показаниям обвиняемого К. Радека, Л. Д. Троцкий требовал:

> «...организовать узкий коллектив надежных людей для выполнения террористических покушений против руководителей ВКП(б), в первую очередь, против Сталина» (т. 5, л. д. 102).

Такие же указания Л. Д. Троцкий дал обвиняемому Пятакову в беседе с ним в 1935 году.

Обвиняемый Пятаков показал, что

> «...в этой беседе Троцкий говорил: «Поймите, что без целой серии террористических актов, которую надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство.
>
> Надо борьбу еще более обострить, еще более расширить. Надо, буквально, не останавливаться ни перед чем, чтобы свалить Сталина» (т. 1, л. д. 263, 264).

Так агент фашизма Л. Д. Троцкий инструктировал троцкистскую организацию, подготовлявшую ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Организуя указанные выше террористические акты, троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Например, во время пребывания в Сибири в 1934 году председателя СНК СССР тов. Молотова В. М., троцкистские террористы, под руководством обвиняемого Шестова, покушались на убийство тов. В. М. Молотова, устроив автомобильную катастрофу.

Непосредственный исполнитель этого злодейского преступления, член троцкистской террористической группы, обвиняемый Арнольд, показал по этому поводу на допросе 21 сентября 1936 года следующее:

> «В сентябре 1934 года, точно дня не помню, Черепухин вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, что в Прокопьевск приезжает Молотов... Он тут же мне заявил, что я должен пожертвовать собой и во что бы то ни стало устроить катастрофу с моей машиной, которая будет подана Молотову. Я согласился и ответил, что все будет сделано» (т. 36, л. д. 32, 33).

Обвиняемый Шестов подтвердил это, показав:

> «По указанию Муралова, я в 1934 году проводил активную подготовку к террористическому акту против председа-

теля СНК СССР Молотова и секретаря западно-сибирского крайкома Эйхе» (т. 15, л. д. 157).

Покушение на жизнь председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова В. М. путем аварии с автомашиной, в которой он следовал от экспедиции шахты № 3 (Прокопьевское рудоуправление), по направлению к рабочему городку, было действительно совершено, но безрезультатно (т. 36, л. д. 48).

Такова подлая, предательская, антисоветская деятельность презренных фашистских наймитов, изменников родины и врагов народа — троцкистов.

Потерпев окончательно поражение в своей длительной борьбе против партии и советской власти, лишенные, вследствие полной победы социализма в СССР, всякой поддержки народных масс, представляя собой изолированную и политически обреченную группу бандитов и шпионов, заклейменных общим презрением советского народа, Л. Д. Троцкий и его сподвижники — Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц и остальные обвиняемые по настоящему делу совершили неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, изменили родине и превратились в шпионскую и диверсионно-вредительскую агентуру германских и японских фашистских сил.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным:

1) что, по указанию Л. Д. Троцкого, в 1933 году был организован параллельный центр в составе обвиняемых по настоящему делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольникова Г. Я. и Серебрякова Л. П., задачей которого являлось руководство преступной антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии;

2) что, по поручению того же Л. Д. Троцкого, этот центр, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, причем троцкистский центр обязался, в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок;

3) что, вместе с тем, этот центр, через своих членов и других участников преступной троцкистской организации, систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения;

4) что, в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности СССР, этим центром был организован и совершен на некоторых

предприятиях и железнодорожном транспорте ряд вредительских и диверсионных актов, повлекших за собой человеческие жертвы и гибель ценного государственного имущества;

5) что этот центр подготовлял ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, причем были сделаны попытки эти акты осуществить;

6) что активное участие в указанной выше преступной деятельности этого центра, кроме его руководителей — обвиняемых Пятакова Ю. Л., Сокольникова Г. Я., Радека К. Б. и Серебрякова Л. П., принимали обвиняемые: Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Турок И. Д., Ратайчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Строилов М. С., Граше И. И., Пушин Г. Е. и Арнольд В. В.

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в предъявленном им обвинении и уличаются имеющимися в деле документами, вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

На основании изложенного, обвиняются:

1. **Пятаков**, Юрий (Георгий) Леонидович, 1890 г. рождения, служащий;

2. **Сокольников**, Григорий Яковлевич, 1888 г. рождения, служащий;

3. **Радек**, Карл Бернгардович, 1885 г. рождения, журналист;

4. **Серебряков**, Леонид Петрович, 1888 г. рождения, служащий—

в том, что, будучи участниками антисоветского подпольного троцкистского центра, изменили родине, совершив преступления, указанные в п. п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

5. **Лившиц**, Яков Абрамович, 1896 г. рождения, служащий;

6. **Муралов**, Николай Иванович, 1877 г. рождения, служащий;

7. **Дробнис**, Яков Наумович, 1891 г. рождения, служащий;

8. **Богуславский**, Михаил Соломонович, 1886 г. рождения, служащий;

9. **Князев**, Иван Александрович, 1893 г. рождения, служащий;

10. **Ратайчак**, Станислав Антонович, 1894 г. рождения, служащий;

11. **Норкин**, Борис Осипович, 1895 г. рождения, служащий;

12. **Шестов**, Алексей Александрович, 1896 г. рождения, служащий;

13. **Строилов**, Михаил Степанович, 1899 г. рождения, служащий;

14. **Турок**, Иосиф Дмитриевич, 1900 г. рождения, служащий;

15. **Граше**, Иван Иосифович, 1880 г. рождения, служащий;

16. **Пушин**, Гавриил Ефремович, 1896 г. рождения, служащий;

17. **Арнольд**, Валентин Вольфридович, он же **Васильев**, Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи активными участниками той же антисоветской подпольной троцкистской организации, изменили родине, совершив преступления, указанные в п. п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

Вновь изобличенные материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского центра, находящиеся в эмиграции, Л. Троцкий и его сын Л. Л. Седов, в случае их обнаружения на территории СССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 10 июля 1934 года, все указанные выше лица подлежат суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 19 января 1937 года.

Прокурор Союза ССР

А. Вышинский.

После прочтения секретарем суда тов. Костюшко обвинительного заключения, на вопрос председательствующего тов. Ульриха каждому из подсудимых, все они полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Суд приступает к допросу обвиняемых. Первым допрашивается подсудимый Ю. Л. Пятаков.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

Вышинский: Скажите, когда начался последний период вашей подпольной троцкистской деятельности?

Пятаков: С 1931 года—это последний период, не считая 1926—1927 гг.

Вышинский: В чем выразилась эта деятельность?

Пятаков: В 1931 году я был в служебной командировке в Берлине. Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логинов. Меня также сопровождал Москалев. Был и Шестов.

В середине лета 1931 года в Берлине Смирнов Иван Никитич сообщил мне о том, что сейчас возобновляется с новой силой троцкистская борьба против советского правительства и партийного руководства, что он, Смирнов, имел свидание в Берлине с сыном Троцкого — Седовым, который дал ему по поручению Троцкого новые установки, выражавшиеся в том, что от массовых методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применять, это метод террора и, как он тогда выразился, метод противодействия мероприятиям советской власти.

Вышинский: Когда это было?

Пятаков: Я месяца сейчас точно не могу припомнить, но это было в середине лета.

Вышинский: Где вы тогда работали?

Пятаков: Я работал тогда в ВСНХ в качестве председателя Всехимпрома.

Вышинский: А Смирнов где работал?

Пятаков: Смирнов работал в Главтрансмаше.

Вышинский: О каком Смирнове вы говорите?

Пятаков: Известный троцкист Иван Никитич Смирнов.

Вышинский: Тот самый, который судился?

Пятаков: Да, тот самый, который впоследствии входил в объединенный зиновьевско-троцкистский центр.

Вышинский: Вы с ним как встретились — на служебной почве или специально на почве ваших подпольных дел?

Пятаков: Мне затруднительно ответить на этот вопрос, потому что у меня были неоднократные встречи с ним и на служебной почве. В одну из таких встреч, когда у меня никого не было в кабинете, он стал мне рассказывать о возобновлении троцкистской борьбы и о новых установках Троцкого. Тогда же Смирнов сказал, что одной из причин поражения троцкистской оппозиции 1926—27 гг. было то, что мы замкнулись в одной стране, что мы не искали поддержки извне. Тут же он передал мне, что со мной очень хочет увидеться Седов, и сам от

своего имени рекомендовал мне встретиться с Седовым, так как Седов имеет специальное поручение ко мне от Троцкого.

Я согласился на эту встречу. Смирнов передал Седову мой телефон, и по телефону мы условились относительно встречи. Есть такое кафе «Амцоо», недалеко от зоологического сада, на площади. Я пошел туда и увидел за столиком Льва Седова. Мы оба очень хорошо знали друг друга по прошлому. Он мне сказал, что говорит со мной не от своего имени, а от имени своего отца — Л. Д. Троцкого, что Троцкий, узнав о том, что я в Берлине, категорически предложил ему меня разыскать, со мной лично встретиться и со мной переговорить. Седов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысли о возобновлении борьбы против сталинского руководства, что было временное затишье, которое объяснялось отчасти и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность. Причем образуется или образовался, — это мне сейчас трудно вспомнить, — троцкистский центр; речь идет об объединении всех сил, которые способны вести борьбу против сталинского руководства; нащупывается возможность восстановления объединенной организации с зиновьевцами.

Седов сказал также, что ему известно, что и правые в лице Томского, Бухарина и Рыкова оружия не сложили, только временно притихли, что и с ними надо установить необходимую связь.

Это было как бы введение, прощупывание. После этого Седов мне задал прямо вопрос: «Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?» Я дал согласие. Седов не скрыл своей большой радости по этому поводу. Он сказал, что Троцкий не сомневался в том, что, несмотря на нашу размолвку, которая имела место в начале 1928 года, он все же найдет во мне надежного соратника.

После этого Седов перешел к изложению сущности новых методов борьбы: о развертывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, об организации массового движения не может быть и речи; если мы пойдем на какую-нибудь массовую работу, то это значит немедленно провалиться; Троцкий твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Дальше Седов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства — бессмыслица, что отмахиваться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется в этой борьбе иметь необходимое решение также и международного вопроса или, вернее, междугосударственных вопросов.

Вышинский: Об этой встрече вы рассказывали кому-нибудь из своих сообщников?

Пятаков: Да, я говорил. Я рассказывал Владимиру Логинову, который был управляющим треста «Кокс»; рассказал Биткеру, который работал в Берлине; рассказал Шестову, который был в той же комиссии по размещению заказов для угольной промышленности; рассказал моему секретарю, который являлся не только секретарем, но и доверенным мне человеком, — Москалеву.

Вышинский: Обвиняемый Шестов, вы слышали показания Пятакова?

Шестов: Да.

Вышинский: Передавая вам о своей беседе с Седовым, Пятаков солидаризировался с Седовым или же он излагал эту беседу фотографически?

Шестов: Безусловно солидаризировался.

Вышинский: И он на вас воздействовал, чтобы вы приняли эту установку?

Шестов: Да.

Вышинский (снова обращается к Пятакову): Когда вы рассказывали Шестову о своей беседе с Седовым, вы придавали ей характер простой передачи или при этом высказывали и свое отношение?

Пятаков: И с Шестовым, и с Владимиром Логиновым речь шла об осуществлении этой директивы.

Вышинский: Чем объяснить, что вы так быстро дали согласие возобновить борьбу против партии и советского правительства?

Пятаков: Беседа с Седовым не явилась причиной этого, она явилась лишь толчком.

Вышинский: Следовательно, и до этого вы стояли на своей старой троцкистской позиции?

Пятаков: Несомненно, у меня оставались старые троцкистские пережитки, которые в дальнейшем все больше и больше разрастались.

Пятаков на вопрос т. Вышинского показывает далее, что вскоре после первой встречи он имел второе свидание с Седовым. Как и первое свидание, это свидание было устроено И. Н. Смирновым. Встреча произошла опять в том же кафе.

Пятаков: Этот второй разговор был очень короткий, он длился не больше 10—15 минут, а может быть, и меньше, и сводился к следующему.

Седов без всяких околичностей сказал: «Вы понимаете, Юрий Леонидович, что, поскольку возобновляется борьба, нужны деньги. Вы можете предоставить необходимые средства для ведения борьбы».

Он намекал на то, что по своему служебному положению я могу выкроить кое-какие казенные деньги, попросту говоря, украсть.

Седов сказал, что от меня требуется только одно: чтобы я как можно больше заказов выдал двум немецким фирмам — «Борзиг» и «Демаг», а он, Седов, сговорится, как от них получить необходимые суммы, принимая во внимание, что я не буду особенно нажимать на цены. Если это дело расшифровать, то ясно было, что накидки на цены на советские заказы, которые будут делаться, перейдут полностью или частично в руки Троцкого для его контрреволюционных целей. Второй разговор на этом и закончился.

Вышинский: Кто назвал эти фирмы?

Пятаков: Седов.

Вышинский: Вы не поинтересовались, почему он именно эти фирмы называет?

Пятаков: Нет. Он сказал, что у него есть связи с этими фирмами.

Вышинский: У вас были связи и с другими фирмами?

Пятаков: Да, у меня связей было очень много. Но Седов назвал эти фирмы, очевидно, потому, что именно с ними у него были связи.

Вышинский: Вы и сделали, как советовал Седов?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Расскажите, в чем же это выразилось?

Пятаков: Это делалось очень просто, тем более, что я располагал очень большими возможностями, и достаточно большое количество заказов перешло к этим фирмам.

Вышинский: Может быть, этим фирмам передавались заказы потому, что это нам было выгодно?

Пятаков: Нет, не потому. Что касается фирмы «Демаг», то это легко можно было сделать. Здесь шла речь относительно цен—ей платили больше, чем, вообще говоря, следовало.

Вышинский: Значит, фирме «Демаг» в силу договоренности с Седовым вы, Пятаков, переплачивали за счет Советского государства некоторые суммы?

Пятаков: Безусловно.

Вышинский: А другой фирме?

Пятаков: «Демаг» — это сама по себе фирма очень качественная, совсем не надо было применять никаких усилий в смысле рекомендации ей заказов. А вот насчет «Борзиг» приходилось уговаривать, нажимать, чтобы этой фирме передавать заказы.

Вышинский: Следовательно, «Борзигу» вы также переплачивали в ущерб Советскому государству?

Пятаков: Да.

Вышинский: А вам не говорил Седов, что у Троцкого есть с этими фирмами договоренность?

Пятаков: Конечно, он с этого и начал. Он говорил, что если я этим фирмам сделаю заказы, то он от этих фирм получит деньги.

Вышинский: Об этой встрече с Седовым вы кому-нибудь говорили?

Пятаков: Эта встреча была сугубо конспиративного характера и особенно о ней распространяться не приходилось.

Как выясняется из дальнейшего допроса, Пятаков использовал эту вторую встречу с Седовым для уточнения некоторых вопросов. В частности, Пятаков запросил уточнения того, как понимать «противодействие мероприятиям советской власти», как выражался Седов.

Пятаков: Я просил по этому поводу дать мне дополнительные разъяснения от Троцкого. Седов сказал, что он послал письмо Троцкому и ожидает от него ответа. Я ему сказал, что в Берлине есть некоторые троцкисты и что если он не сумеет непосредственно мне передать ответ, то, в случае моего отъезда, он может передать мне ответ через доверенных людей. Я тогда назвал Шестова. Кроме того, я назвал Биткера и Логинова.

Вышинский: Через Шестова вы получали что-нибудь от Седова?

Пятаков: Да, в декабре 1931 года я был в Москве. Шестов, возвратившись из Берлина, зашел ко мне в ВСНХ, в служебный кабинет, и передал письмо.

Вышинский: Шестов явился к вам по служебному делу?

Пятаков: Он явился, чтобы передать письмо Троцкого и поговорить еще раз о развертывании троцкистской работы в Кузбассе.

Вышинский (обращаясь к подсудимому Шестову): Вы были у Пятакова?

Шестов: Да, был. Это было в ноябре 1931 года.

Вышинский: Вы передали письмо? От кого вы его получили?

Шестов: Я получил письмо от Седова в Берлине.

Вышинский: Через кого-нибудь?

Шестов: Нет, лично от Седова.

Вышинский: Где вы получили это письмо?

Шестов: Я получил его в ресторане «Балтимор», в заранее обусловленном месте. Это место явки мне было известно от Шварцмана, с которым связал меня Седов.

Вышинский: Что же вам Седов сказал?

Шестов: Он просто передал мне тогда не письма, а, как мы тогда условились, пару ботинок.

Вышинский: Значит, вы получили не письма, а ботинки?

Шестов: Да. Но я знал, что там были письма. В каждом ботинке было заделано по письму. И он сказал, что на конвертах писем есть пометки. На одном стояла буква «П» — это значило для Пятакова, а на другом стояла буква «М» — это значило для Муралова.

Вышинский: Вы передали Пятакову письмо?

Шестов: Я передал ему письмо с пометкой «П».

Вышинский: А другое письмо?

Шестов: Другое письмо с пометкой «М» я передал Муралову.

Вышинский: Подсудимый Муралов, вы получили письмо?

Муралов: Получил.

Вышинский: С ботинком или без ботинка? (В зале смех.)

Муралов: Нет, он привез мне только письмо.

Вышинский: Что было на конверте?

Муралов: Буква «М».

Вышинский: Больше вопросов к Муралову и Шестову у меня нет. (Обращаясь к Пятакову.) Что вы можете дальше рассказать о своей преступной троцкистской антисоветской деятельности?

Пятаков: Я получил письмо, которое выглядело так, как сейчас передавал Шестов, и, вскрыв его, крайне удивился: я ожидал записки от Седова, но оказалось, что в конверте записка не от Седова, а от Троцкого, и письмо было написано по-немецки и подписано «Л. Т.»

Вышинский: Значит, письмо вы получили от Троцкого через Седова и через Шестова?

Пятаков: Да.

Вышинский: Что же было в этом письме?

Пятаков: Письмо это, как сейчас помню, начиналось так: «Дорогой друг, я очень рад, что вы последовали моим требованиям...» Дальше говорилось, что стоят коренные задачи, которые он коротко сформулировал. Первая задача — это всеми средствами устранить Сталина с его ближайшими помощниками. Понятно, что «всеми сред-

ствами» надо было понимать, в первую очередь, насильственными средствами. Во-вторых, в этой же записке Троцкий писал о необходимости объединения всех антисталинских сил для этой борьбы. В-третьих, — о необходимости противодействовать всем мероприятиям советского правительства и партии, в особенности в области хозяйства.

Вышинский: Это письмо вы получили в конце ноября 1931 года?

Пятаков: Да, в конце ноября 1931 года.

Вышинский: После этого письма вы вскоре были еще раз за границей. В каком году?

Пятаков: В 1932 году. Это было во второй половине 1932 года и тогда же я встретился в третий раз с Седовым.

Вышинский: Что вы делали в промежуток времени между получением вами письма от Троцкого в 1931 году и вашим вторичным появлением в Берлине в 1932 году?

Пятаков: В это время я был занят восстановлением старых троцкистских связей. Я сосредоточился, главным образом, на Украине. Когда я разговаривал с Логиновым в Берлине, мы с ним уговорились относительно организации украинского троцкистского центра. Связь с этим центром была моей основной связью, если не считать впоследствии очень существенной моей связи, которая началась через Шестова с Западной Сибирью и с Н. И. Мураловым.

Прежде всего мы восстановили украинские связи. Это — Логинов, Голубенко, Коцюбинский и Лившиц, обвиняемый по данному делу. Мы уговорились сначала с Логиновым, а впоследствии с остальными, относительно того, что они образуют украинскую четверку.

Вышинский: С кем из них вы говорили об этом?

Пятаков: Со всеми четырьмя.

Вышинский: И в том числе с Лившицем?

Пятаков: Да.

Вышинский: Где Лившиц тогда работал?

Пятаков: На Украине, начальником дороги. Мы с ним давно были связаны по контрреволюционной троцкистской работе.

Вышинский: По какому поводу в 1931 году начальник дороги появляется у вас, у заместителя председателя ВСНХ? Был к этому какой-нибудь деловой, служебный повод?

Пятаков: Нет, он пришел, желая непосредственно от меня получить подтверждение того, что ему передал Логинов. Я изложил ему свою встречу с Седовым и передал о директивах Троцкого, о террористических методах борьбы, о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова о вашей встрече с ним?

Лившиц: Да, подтверждаю. Я пришел в ВСНХ проверить правильность переданных Логиновым от Пятакова директив. Пятаков мне рассказал то же, что и Логинов: что методы борьбы, которые проводились нами раньше, не дали никакого эффекта, что нужно итти на новые методы борьбы, т. е. на террор и на разрушительную работу.

Вышинский: У вас после этого бывали еще троцкистские разговоры?

Лившиц: Безусловно.

Вышинский: (к Пятакову): Итак, перейдем к вопросу о вашем втором приезде в Берлин.

Пятаков: Второй приезд в Берлин состоялся в середине 1932 года. Седов узнал о моем приезде в Берлин и решил со мной встретиться для того, чтобы получить, как он сказал, необходимую информацию для Троцкого.

Когда я ему стал рассказывать то, что мне тогда было известно относительно начавшегося разворота работы троцкистско-зиновьевской организации, он меня прервал и сказал, что он это знает, так как имеет непосредственные связи в Москве, и что он просит меня рассказать о том, что делается на периферии.

Я рассказал о работе троцкистов на Украине и в Западной Сибири, о связях с Шестовым, Н. И. Мураловым и Богуславским, который находился в то время в Западной Сибири.

Седов выразил крайнюю степень неудовольствия, не своего, как он сказал, а неудовольствия Троцкого тем, что дела идут крайне медленно и, в особенности, в отношении террористической деятельности. Он сказал: «Вы, мол, занимаетесь все организационной подготовкой и разговорами, но ничего конкретного у вас нет». Он мне сказал далее: «Вы знаете характер Льва Давидовича, он рвет и мечет, он горит нетерпением, чтобы его директивы поскорее были превращены в действительность, а из вашего сообщения ничего конкретного не видно».

Вышинский: Долго вы пробыли во второй раз в Берлине?

Пятаков: Месяца полтора — два. Осенью этого же года я вернулся в Москву и здесь произошла, очень существенная с точки зрения образования запасного, в дальнейшем параллельного, троцкистского центра, моя встреча с Каменевым.

Каменев пришел ко мне в наркомат под каким-то предлогом. Он очень четко и ясно сообщил мне об образовавшемся троцкистско-зиновьевском центре. Он сказал, что блок восстановлен, перечислил мне тогда ряд фамилий людей, которые входили в состав центра, и сообщил мне, что они обсуждали между собой вопрос относительно введения в центр таких вообще заметных в прошлом троцкистов, каким являюсь я — Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков, однако признали это нецелесообразным. Как сказал Каменев, они считают, что возможность провала этого главного центра очень велика, так как туда входят все «очень замаранные». Поэтому желательно иметь на случай провала основного центра запасный троцкистско-зиновьевский центр. Он был уполномочен официально запросить меня, согласен ли я на вхождение в этот центр.

Вышинский: Запасный, как он выразился?

Пятаков: Запасный. Я дал свое согласие Каменеву на вступление в запасный центр. Это было осенью 1932 года. Каменев проинформировал меня по основным направлениям работы троцкистско-зиновьевского центра. Прежде всего, сказал он, в основу положен вопрос о свержении власти при помощи террористических методов. И тут же он передал директиву о вредительстве. Дальше, в порядке информа-

ции, он сказал, что у них установлена теснейшая связь, не просто контакт, а связь с правыми: с Бухариным, Томским, Рыковым, и тут же сказал: «Так как вы, Юрий Леонидович, в очень хороших отношениях с Бухариным, не мешает, чтобы и вы с ним поддерживали соответствующий контакт». Это мною в дальнейшем и делалось.

Вышинский: Значит, вы этот контакт с Бухариным установили?

Пятаков: Да. На мой вопрос: «Собственно говоря, как же это мы устанавливаем связь с правыми?» — Каменев прямо сказал, что это, вообще говоря, с моей стороны проявление известного ребячества в политике, что вчерашние разногласия нас не могут разъединить, так как имеется единство цели: свержение сталинского руководства и отказ от построения социализма с соответствующим изменением экономической политики. В этом же разговоре Каменев сказал и по поводу «межгосударственных отношений», что без необходимого контакта с правительствами капиталистических государств нам к власти не притти, и этот контакт надо поэтому поддерживать. Что касается деталей, то он сказал, что я, Пятаков, не «международник», и тут Радек и Сокольников больше поставлены об этом в известность.

Вышинский: Что значит: вы не международник?

Пятаков: В троцкистских кругах я больше считался специалистом-хозяйственником, а не по международным вопросам.

Вышинский: Кто же считался международником?

Пятаков: Я уже сказал: Радек и Сокольников.

Вышинский: О чем вы с ними договаривались в 1932 году?

Пятаков: В 1932 году мы имели разговор с Радеком. Он тогда сказал, что надо проводить методы борьбы, которые приняты Троцким и основным объединенным троцкистско-зиновьевским центром.

В этом же разговоре с Радеком мы подняли вопрос о том, что в основном центре существует очень большое преобладание зиновьевцев и не следует ли поставить вопрос о некотором персональном изменении основного центра.

Вышинский: В каком направлении?

Пятаков: В направлении ввода кого-нибудь еще из троцкистской фракции в троцкистско-зиновьевский объединенный блок. Мы пришли к выводу, что сейчас ставить вопрос об изменении персонального состава центра нельзя, потому что это значит вызвать совершенно ненужные споры в троцкистском подполье.

У нас явилась мысль, чтобы, наряду с основным центром в составе Каменева, Зиновьева, Мрачковского, Бакаева, Смирнова, Евдокимова и др., иметь наш троцкистский параллельный центр, который будет играть роль запасного центра на случай провала основного, и в то же время будет самостоятельно вести практическую работу, согласно директив и установок Троцкого. Правда, особенного различия в установках между нами и зиновьевцами к тому времени уже не было. Но тогда Радек и я беспокоились о том, что при экономическом отступлении после захвата нами власти зиновьевская часть блока пойдет слишком далеко, а этому надо организовать известное противодействие.

Во всяком случае, мы тогда условились запросить об этом Троцкого. Через некоторое время (это было уже в 1933 году) в одну из встреч со мною Радек сообщил мне, что ответ от Троцкого им получен, что Троцкий ультимативно ставит вопрос о сохранении полного единства и блока с зиновьевцами, так как никаких расхождений у нас с ними нет, поскольку террористическо-вредительская платформа принята. Что касается отступления, то Троцкий писал, что Радек и я ошибаемся, думая, что отступление будет незначительным, — отступать придется очень далеко, и в этом отношении обоснован блок не только с зиновьевцами, но и с правыми. Что же касается превращения нашего центра в параллельный, то он сказал, что это будет усиливать собирание сил и подготовку необходимых террористических и вредительских актов.

В конце 1933 года в Гаграх я имел встречу с Серебряковым. Тогда мы с ним уговорились, что я, в основном, веду работу по Украине и Западной Сибири и в промышленности, он берет Закавказье и транспорт.

С Сокольниковым я имел встречу значительно позже — в середине 1935 года, когда мы уже конкретно говорили относительно превращения запасного или параллельного центра в центр действующий, поскольку к этому времени уже произошел разгром основного центра, члены которого все были арестованы и осуждены. Сокольников зашел ко мне в Наркомтяжпром и сказал, что пора начать действовать, так как после арестов было некоторое затишье.

Вышинский: Следовательно, можно считать, что с 1933 года уже действует «параллельный центр»?

Пятаков: Да.

Вышинский: Потому-то он и параллельный, что он действует одновременно с основным?

Пятаков: Да.

Вышинский: Обвиняемый Радек, что вы можете сказать по этой части показаний Пятакова?

Радек: Я подтверждаю их полностью.

Вышинский: Вы обсуждали вопрос о том, чтобы запросить Троцкого о «параллельном центре»?

Радек: Да. Мы этот вопрос рассматривали и с точки зрения личного состава основного центра и с точки зрения нашего политического недоверия к зиновьевской части, несмотря на то, что между нами был блок.

Вышинский: Как же это понимать?

Радек: Мы пришли к убеждению, что блок этот вряд ли сможет выдержать какое-нибудь серьезное испытание. Одной из первых забот Зиновьева будет оттереть троцкистов: личные моменты будут играть большую роль. Каменев и Сокольников пойдут значительно дальше в экономическом отступлении, которое мы считали необходимым, а Зиновьев будет в полной панике. Надо, сохраняя внешность блока, иметь, как противовес, собственную организацию.

Вышинский: Вести собственную политику?

Радек: Собственную политику или собственный корректив этой политики. Иметь собственную организацию.

Вышинский: Чтобы держать в руках троцкистско-зиновьевский центр?

Радек: Если возьмете состав старого центра, то со стороны троцкистов там не было ни одного из старых политических руководителей. Были — Смирнов, который являлся больше организатором, чем политическим руководителем, Мрачковский — солдат и боевик, и Тер-Ваганян — пропагандист. Мы имели к ним полное личное доверие, но не считали их способными, в случае чего, действительно руководить. Мы считали, что раз этот центр уже создан, то всякие изменения в центре вызовут разногласия с зиновьевцами, и поэтому идею запасного центра мы пытались применить в виде параллельного центра. Мы решили послать запрос Троцкому.

Вышинский: Кто писал Троцкому?

Радек: Писал письмо я.

Вышинский: Как вы передали это письмо?

Радек: Связь была установлена мною через Владимира Ромма, моего старого приятеля, бывшего тогда корреспондентом ТАСС за границей.

Ответ я тоже получил через Ромма. Письма я немедленно сжигал, но Пятакову известны все подробности о ходе информации Троцкого.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете показания Пятакова в этой части?

Радек: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Что вы можете сказать о той части показаний Пятакова, где содержится ссылка на ваше участие?

Серебряков: Действительно, в конце ноября 1933 года в Гаграх состоялась моя встреча с Пятаковым.

Вышинский: О чем вы беседовали?

Серебряков: Пятаков кратко информировал меня о встрече с Седовым и о своей работе, которую он проводил на Украине и в Западной Сибири. Он просил меня взять на себя работу по руководству связями с Грузией и на транспорте.

Вышинский: Почему он обратился к вам для связи с грузинскими троцкистами?

Серебряков: С грузинскими троцкистами у меня были хорошие отношения, в частности с Мдивани; я часто бывал в Грузии, в Закавказье. А по транспорту — потому, что я старый транспортник.

Вышинский: И вы дали согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Он вам говорил, что вы привлекаетесь к участию в запасном центре?

Серебряков: Да.

Вышинский: И вы тоже дали на это согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова?

Серебряков: Да.

Пятаков: Прошу разрешения сделать одно замечание.

Председательствующий: Пожалуйста.

Пятаков (обращаясь к тов. Вышинскому): Серебряков не совсем точно ответил на ваш вопрос. У меня не было с ним таких взаимоотношений, как у руководителя и подчиненного. Не то, что я ему предложил, а он дал согласие, — мы просто уговорились об этом.

Вышинский: Кто в вашей четверке был более влиятельным, вы или Серебряков?

Пятаков: (Молчит.)

Вышинский: Как Серебряков считает?

Серебряков: Я говорю не с точки зрения разделения ответственности. С этой точки зрения я несу полную ответственность за деятельность центра, но должен сказать, что для меня Пятаков являлся авторитетом. И я для него был в какой-то степени авторитетом.

Вышинский: Вы сносились непосредственно с Троцким?

Серебряков: Нет.

Вышинский: А он?

Серебряков: Он сносился.

Вышинский (к Пятакову): У вас в «параллельном центре» никому не принадлежала руководящая роль по отношению к остальным?

Пятаков: Да, никому.

Вышинский: Все были равноправными членами и каждый полностью отвечал за весь центр?

Пятаков: Да, каждый в своей области. В области международных вопросов Сокольников и Радек были авторитетами. В области промышленности и хозяйства, видимо, я был авторитетом.

Вышинский: Меня интересует: под чьим руководством действовал «параллельный центр»?

Пятаков: Троцкого.

Вышинский: Кто от имени центра осуществлял непосредственную связь с Троцким?

Пятаков: Радек, а потом я имел личную встречу с Троцким.

Вышинский: Следовательно, центр через вас и Радека непосредственно был связан с основным руководителем вашей преступной деятельности?

Пятаков: Правильно.

Вышинский: Какие практические мероприятия центр проводил в жизнь в течение 1933—34 гг.?

Пятаков: В 1933—34 гг. как раз развернулась организационно-подготовительная работа на Украине, в Западной Сибири, позже сформировалась московская группа. Развернулась работа на Урале, причем вся эта работа уже стала переходить в область осуществления той директивы Троцкого, о которой я показывал раньше, относительно применения вредительских и диверсионных методов.

Вышинский: Значит, в 1933—34 гг. под руководством «параллельного центра» возникают и оформляются на местах троцкистские ячейки, в частности, в Западной Сибири, на Урале, на Украине?

Пятаков: К этому времени появились троцкистские группы в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Киеве.

Вышинский: То есть центр уже имел свои ячейки?

Пятаков: Да. И они практически приступили к мероприятиям преступного характера.

Вышинский: К каким именно?

Пятаков: На Украине в основном работал Логинов и группа связанных с ним лиц в области коксовой промышленности. Их работа состояла в основном в вводе в эксплоатацию неготовых коксовых печей и потом во всяческой задержке строительства очень ценных и очень важных частей коксохимической промышленности. Вводили печи без использования всех тех, очень ценных, продуктов, которые получаются при коксовании; тем самым огромные богатства обесценивались.

Вышинский: Это по Украине. А в других местах?

Пятаков: В Западной Сибири — на Кемерове — действовал обвиняемый по этому делу Норкин. Ему помогал его главный инженер Карцев; в дальнейшем, в 1934 году, я направил туда еще Дробниса, тоже обвиняемого по этому делу, для усиления нашей работы, так как Норкин мне жаловался, что ему очень трудно одному справляться.

Вышинский: Дробниса вы направили в Кемерово специально для того, чтобы усилить вредительскую работу?

Пятаков: Я Дробнису ставил более широкие задачи. Посылая его в Западную Сибирь (я имел разговор с Седовым о посылке Дробниса, так как Троцкий его хорошо знает лично), я преследовал двоякую цель: с одной стороны, активизировать работу западно-сибирского центра; с другой стороны, оказать необходимое содействие Норкину для проведения вредительства на Кемеровском комбинате.

Вышинский: Вы послали его помощником начальника строительства и вместе с тем для разрушения строительства?

Пятаков: Да. В Кузбассе активно развернул вредительскую работу Шестов, который имел указание непосредственно от Седова и от меня.

На Урале стала складываться подпольная группа Юлина, которая была связана к тому времени уже с группой Медникова и другими.

Вышинский: Все эти группы организовывались, складывались и осуществляли свою преступную деятельность под вашим непосредственным руководством?

Пятаков: Конечно.

Вышинский: В какой мере остальные члены центра были осведомлены о вашей деятельности?

Пятаков: Об этом знали и Радек и Серебряков. Сокольникова я осведомил позже, уже в 1935 году.

Вышинский: Каково было ваше официальное служебное положение в 1933—34 гг.?

Пятаков: Я был заместителем народного комиссара тяжелой промышленности.

Вышинский: Следовательно, вам легче было использовать свои связи для троцкистских махинаций?

Пятаков: Да. В этом я признаю себя виновным.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 23 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

(продолжение)

Вышинский: Расскажите об известной вам конкретной вредительской работе троцкистских организаций.

Пятаков: Я уже показывал, что вредительская работа была развернута на Украине, главным образом, по линии коксохимической промышленности. Вредительская работа состояла в том, что вновь строящиеся коксовые печи вводились в эксплоатацию недостроенными, вследствие чего они быстро разрушались, и, главным образом, задерживалась и почти не строилась на этих заводах химическая часть, благодаря чему громадные средства, которые вкладывались в коксохимическую промышленность, наполовину, если не на две трети, обесценивались. Самая ценная часть угля, а именно химическая часть, не использовалась, выпускалась на воздух. С другой стороны, портились новые коксовые батареи.

Западно-сибирская троцкистская группа вела активную вредительскую работу в угольной промышленности. Эту работу вели Шестов и его группа. Там была довольно многочисленная группа, которая работала, главным образом, по линии создания пожаров на коксующихся углях в шахтах. Вредительская работа шла на Кемеровском химическом комбинате. На первых порах работа состояла в том, что задерживался ввод в эксплоатацию вновь строящихся объектов, средства распылялись по второстепенным объектам и, таким образом, огромнейшие сооружения находились все время в процессе стройки и не доводились до состояния эксплоатационной готовности. По линии электростанций проводилась работа, уменьшающая актив энергобаланса всего Кузнецкого бассейна.

Вышинский: Норкин, Карцев, Дробнис были в курсе этого дела?

Пятаков: Да, они были в курсе дела. В курсе дела были, конечно, Муралов и Богуславский.

На Урале было два основных объекта, на которых была сосредоточена вредительская деятельность. Один объект — это медная промышленность и второй объект — Уральский вагоностроительный завод.

В медной промышленности дело сводилось к тому, чтобы, прежде всего, снижать производственные возможности действующих медных

заводов. Красноуральский медный завод и Карабашский медный завод производственную программу не выполняли, происходило огромное расхищение меди, которая поступала на завод, были огромные потери. Карабашский завод все время находился в лихорадке. На Калатинском заводе обогатительная фабрика все время работала скверно, там также шло вредительство.

Вышинский: А кто конкретно, персонально вел вредительскую работу?

Пятаков: В основном эту работу вел Колегаев — управляющий Уралсредмеди.

Вышинский: Он вел это по собственной инициативе или по указаниям?

Пятаков: Вообще все это делалось не по собственной инициативе, а по директиве Троцкого, затем персонально по моим директивам.

На Урале строился большой медный завод Средуралмедстрой, который должен был сильно пополнить медные ресурсы страны. Но на этом заводе сначала Юлиным, начальником Средуралмедстроя, затем Жариковым велась вредительская работа, сводившаяся к тому, чтобы, прежде всего, распылять средства, не доводить до конца и вообще канителить со строительством.

Надо сказать, что когда я весной 1935 года был на этой стройке, то увидел, что вредительская работа так бессовестно грубо велась, что самому поверхностному наблюдателю было видно, что на строительстве неладно. Мне пришлось в этом отношении Жарикову, начальнику строительства, дать указание, чтобы быть осторожнее, как-нибудь сманеврировать, проявить хоть какую-нибудь энергию в строительстве, начать строительство, но, во всяком случае, с таким расчетом, чтобы до конца его не доводить.

На Урале же по линии медной промышленности и по линии бытовой шла преступная работа на Средуралмедстрое и Красноуральске, прежде всего, в смысле расположения поселка. Мы его приблизили на расстояние 1—2 километра к заводу, что, вообще говоря, не разрешается по санитарному закону, поскольку это производство вредное. С другой стороны, вообще задерживали строительство поселка и создавали невыносимое положение по Средуралмедстрою. Весь замысел Средуралмедстроя был в том, что он должен был скомбинировать металлургическую и химическую части. Химическая часть не строилась совсем. Я сделал так, что отделил эту химическую часть, передал ее в Главхимпром Ратайчаку, где она замариновалась окончательно. Но если плохо шло строительство самого завода, то еще больше отставала рудная база. Я лично, кроме всего прочего, отделил эту рудную базу от строительства завода с таким расчетом, что рудная база подготовлена не будет.

Теперь о вагоностроительном заводе на Урале, где работал начальником строительства троцкист, участник уральской группы — Марьясин. Правительство уделяло очень большое внимание этому заводу, отпускало на этот завод большие средства, чтобы как можно скорее его достроить, так как один этот завод должен был выпускать больше вагонов, чем все вагоностроительные заводы, вместе взятые.

Марьясин проводил вредительскую работу по следующим направлениям. Прежде всего, направлял средства на ненужное накопление материалов, оборудования и прочего. Я думаю, что к началу 1936 года там находилось в омертвленном состоянии материалов миллионов на 50.

Затем качество строительства. Цех крупного строительства, инструментальный цех, затем центральный — вагоносборочный цех завода систематически задерживались строительством.

За последнее время вредительство приобрело новые формы. Несмотря на то, что завод с 2—3-летним опозданием начал переходить к эксплоатационному периоду, Марьясин создал невыносимые условия работы, создал склоку, одним словом, всячески затруднял эксплоатационную работу.

Что касается Москвы, здесь определенную работу в химической промышленности проводил Ратайчак.

Вышинский: Нельзя ли уточнить, что значит «определенная работа»?

Пятаков: Я сейчас перейду к этому. Я могу припомнить следующие дела в этом направлении. Прежде всего, был составлен совершенно неправильный план развития военно-химической промышленности... Тут некоторые военные вопросы.

Председательствующий: Это придется отложить до закрытого заседания.

Пятаков: Затем в серно-кислотной промышленности, главным образом, скрывались и снижались мощности заводов и, тем самым, не давалось то количество серной кислоты, которое можно было дать.

По линии содовой промышленности, несмотря на то, что наша страна изобилует солью и сырья для соды сколько угодно и производство соды известно хорошо, в стране дефицит соды. Задерживалось строительство новых содовых заводов.

Вышинский: Чем это вызывалось?

Пятаков: Моей и Ратайчака деятельностью.

Вышинский: Какой деятельностью? У вас были две деятельности— официальная и скрытая.

Пятаков: Я сейчас, конечно, говорю о преступной деятельности. Те новые заводы, которые намечались, как Усолье, Баскунчак и т. д., всячески задерживались.

В отношении азотной промышленности. Здесь и Ратайчак и Пушин, главным образом Ратайчак, приложили свою вредительскую руку при моем непосредственном участии. Здесь шла систематическая переделка проектов, постоянное затягивание проектирования и тем самым затягивание строительства.

Вышинский: Искусственное?

Пятаков: Ну, конечно. Несмотря на принятое правительством решение, несколько заводов вообще не строилось.

Вышинский: Расскажите о вашей диверсионной деятельности.

Пятаков: Собственно, все происходило по нашим указаниям и по моим, в частности. Установка давалась, но я не могу конкретно

сказать, что я давал указания произвести именно такую-то и такую-то диверсию.

Вышинский: А насчет Кемерово не было так?

Пятаков: Нет, это тоже чересчур конкретно. Я подтвердил показание Норкина и сейчас подтверждаю, что, в соответствии с полученной мною установкой Троцкого, я сказал Норкину, что, когда наступит момент войны, очевидно, Кемерово нужно будет вывести тем или иным способом из строя.

Вышинский: Тем или иным способом, или же говорили об определенных способах?

Пятаков: Я не могу сейчас точно вспомнить.

Вышинский: Тов. председательствующий, разрешите задать вопрос Норкину.

Председательствующий: Подсудимый Норкин!

Вышинский: Подсудимый Норкин, вы припомните разговор с Пятаковым относительно того, чтобы вывести химкомбинат из строя на случай войны?

Норкин: Было сказано совершенно ясно, что нужно подготовить в момент войны вывод оборонных объектов из строя путем поджогов и взрывов.

Вышинский: А вы не припомните, когда он это вам говорил?

Норкин: В 1936 году в кабинете Пятакова в наркомате.

Вышинский: Не припомните ли вы подробностей? Шла ли речь о человеческих жертвах?

Норкин: Я помню такое указание, что вообще жертвы неизбежны и невозможно обойтись при проведении того или иного диверсионного акта без убийства рабочих. Такое указание было дано.

Вышинский: А насчет баранов был разговор?

Норкин: В общем трудно воспроизвести подлинную формулировку, но она была резка в том смысле, что нечего смущаться, и никого не надо жалеть.

Вышинский: Обвиняемый Норкин, не было ли разговора относительно того, на ком будет лежать ответственность за подобные вещи?

Норкин: Разговор был такой, что ответственность ляжет не на исполнителей диверсионных актов, а на руководителей партии и правительства.

Пятаков: Такой разговор был.

Вышинский: Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?

Пятаков: Да, были. Надо вернуться к установкам Троцкого для того, чтобы было яснее. Как я уже показывал, у меня была довольно близкая непосредственная связь с Радеком. Радек непосредственно установил и поддерживал связь с Троцким и не раз получал от Троцкого по разным коренным вопросам соответствующие указания. Радек все время держал меня в курсе дела. По мере поступления соответствующей директивы от Троцкого он в тот же день или через пару дней заходил ко мне и рассказывал, что получена такая-то директива.

Вышинский: Что же сообщал вам Радек об этих директивах?

Пятаков: О терроре специальных новых директив не было: считалось, что эта директива принята к исполнению, только были неоднократные требования и напоминания о проведении этой директивы.

Вышинский: В письме к Радеку было упомянуто об этом?

Пятаков: Было. Троцкий говорил, что мы только болтаем.

Вышинский: Чего же Троцкий требовал?

Пятаков: Требовал проведения определенных актов и по линии террора и по линии вредительства. Я должен сказать, что директива о вредительстве наталкивалась и среди сторонников Троцкого на довольно серьезное сопротивление, вызывала недоумение и недовольство, шла со скрипом. Мы информировали Троцкого о существовании таких настроений. Но Троцкий на это ответил довольно определенным письмом, что директива о вредительстве это не есть что-то случайное, не просто один из острых методов борьбы, которые он предлагает, а это является существеннейшей составной частью его политики и его нынешних установок.

В этой же самой директиве он поставил вопрос — это была середина 1934 года — о том, что сейчас, с приходом Гитлера к власти, совершенно ясно, что его, Троцкого, установка о невозможности построения социализма в одной стране совершенно оправдалась, что неминуемо военное столкновение и что, ежели мы, троцкисты, желаем сохранить себя, как какую-то политическую силу, мы уже заранее должны, заняв пораженческую позицию, не только пассивно наблюдать и созерцать, но и активно подготовлять это поражение. Но для этого надо готовить кадры, а кадры одними словами не готовятся. Поэтому надо сейчас проводить соответствующую вредительскую работу.

Помню, в этой директиве Троцкий говорил, что без необходимой поддержки со стороны иностранных государств правительство блока не может ни притти к власти, ни удержаться у власти. Поэтому речь идет о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, какими являются Германия и Япония, и что им, Троцким, со своей стороны, соответствующие шаги уже предприняты в направлении связи как с японским, так и с германским правительствами.

Тут же Троцкий выразил неудовольствие нашими действиями. Ему стало известно, что Сокольников на прямой демарш ..... посла г. .....

Председательствующий: Подсудимый Пятаков, я категорически запрещаю упоминать фамилии иностранных представителей в Москве. Если хотите дать показания по этому вопросу, то можете их дать на закрытом заседании.

Пятаков: Хорошо. Троцкий выразил неудовольствие, что Сокольников неясно себе представляет те шаги, которые предпринимаются Троцким, и что он недостаточно активно поддержал их. Дальше мне известно, что, во исполнение директивы Троцкого, у Радека были встречи и разговоры в том направлении, в каком Троцкий об этом говорил.

Вышинский: С какими лицами? Иностранцами?

Пятаков: С немцами, попросту говоря (смех в зале).

Вышинский: Откуда вам это известно?

Пятаков: Относительно встреч и разговоров Радека — Радек мне сам рассказывал, а относительно Сокольникова мне впервые стало известно из записки Троцкого, затем мне Радек об этом сказал, а позже, в половине 1935 года, сам Сокольников рассказывал мне об этом своем шаге и приводил разговоры, где он санкционировал переговоры Троцкого с японским правительством...

Вышинский: До момента отъезда за границу больше у вас не было разговоров с Радеком на эту тему?

Пятаков: Промежуток времени — с половины 1935 года до конца 1935 года и начала 1936 года — характерен для нашей преступной работы тем, что это был период, когда «параллельный центр» попытался из параллельного превратиться в основной и активизировать свою деятельность по тем директивам, которые мы имели от Троцкого, так как здесь у нас произошел ряд встреч с Сокольниковым, с Томским. Одним словом, мы попытались выполнить то решение основного центра, которое в 1934 году было передано всем четырем различными членами основного центра: Каменевым мне и Сокольникову, Мрачковским — Радеку и Серебрякову.

Вышинский: Это когда к вам явился Сокольников и сказал: «Пора начинать»?

Пятаков: Да, как раз была новая фаза. Это был первый разговор, где я поделился с Сокольниковым о том, что у нас есть, какие имеются террористические группы, какие троцкистские организации. В общих чертах я Сокольникову рассказал о том, что вредительская работа ведется в соответствующих направлениях, Сокольников, в свою очередь, мне рассказал о тех связях, которые он имел, он упомянул о группе Закс-Гладнева и Тивеля.

В этом же разговоре, я помню, мы очень много внимания уделяли вопросу о расширении блока. И Сокольникову и мне было известно от Каменева о том, что основной центр имел прямые и непосредственные организационные связи с правыми. С другой стороны, у меня, как я уже говорил, имелся непосредственный контакт с Бухариным, который потом перешел к Радеку.

Мы с Сокольниковым обсудили тогда вопрос и решили, что необходимо безусловно оформить как-то эти отношения, с тем, чтобы работу по свержению советского правительства организовать вместе с правыми.

Мы тогда говорили, что необходимо обязательно встретиться с кем-нибудь из лидеров правых, т. е. с Рыковым, Томским или Бухариным, причем говорили обо всех троих, но, в конце концов, остановились на Томском, так как, по нашим сведениям, Томский располагал наиболее многочисленным и организованным кадровым составом, наиболее был приспособлен именно для такой нелегальной организаторской работы. Сокольников взялся повстречаться с Томским и увиделся с ним.

С Сокольниковым мы встретились вторично не то в конце ноября, не то в начале декабря 1935 года. Он передал, что Томский выразил свое

полное согласие на организационное вхождение в блок. Я, со своей стороны, рассказал Сокольникову о том разговоре, который был у меня с Томским по этому поводу. Томский в разговоре со мной сказал, что он считает абсолютно необходимым организовать террористическую и всякого рода иную работу, но что он должен посоветоваться со своими товарищами, с Рыковым и Бухариным. Это он и сделал потом, и уже давал ответ от имени всех троих.

Вышинский: Кроме Томского, велись разговоры с кем-нибудь из этой группы?

Пятаков: Я не вел. Радек имел связь с Бухариным. Я имел связь с Бухариным до 1934 года, т. е. до ухода его из наркомата. Когда он был в наркомате, то мне легко было с ним встречаться, а когда он перешел в «Известия», эта связь перешла к Радеку. Он с ним контрреволюционную связь поддерживал и продолжал.

Примерно к концу 1935 года Радек получил обстоятельное письмо-инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь, против Сталина и ближайших его помощников.

Второй вариант, который был с точки зрения Троцкого более вероятным, — это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а, значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти. Но так как здесь был очень остро поставлен вопрос о пораженчестве, о военном вредительстве, о нанесении чувствительных ударов в тылу и в армии во время войны, то у Радека и у меня это вызвало большое беспокойство. Нам казалось, что такая ставка Троцкого на неизбежность поражения объясняется в значительной мере его оторванностью и незнанием конкретных условий, незнанием того, что здесь делается, незнанием того, что собою представляет Красная армия, и что у него поэтому такие иллюзии. Это привело и меня и Радека к необходимости попытаться встретиться с Троцким.

Вышинский: Подсудимый Радек, были ли получены вами в 1935 году, или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?

Радек: Одно письмо — в апреле 1934 года, второе — в декабре 1935 года.

Вышинский: Содержание их соответствует тому, что здесь говорил Пятаков?

Радек: В основах — да. В первом письме по существу речь шла об ускорении войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые,

два варианта — прихода к власти во время мира и прихода к власти в случае войны. В первом письме социальные последствия тех уступок, которые Троцкий предлагал, не излагались. Если идти на сделку с Германией и Японией, то, конечно, для прекрасных глаз Троцкого никакая сделка не совершится. Но программы уступок он в этом письме не излагал. Во втором письме речь шла о той социально-экономической политике, которую Троцкий считал необходимой составной частью такой сделки по приходе к власти троцкистов.

Вышинский: В чем это заключалось?

Радек: Если спросить о формуле, то это было возвращение к капитализму, реставрация капитализма. Это было завуалировано. Первый вариант усиливал капиталистические элементы, речь шла о передаче в форме концессий значительных экономических объектов и немцам и японцам, об обязательствах поставки Германии сырья, продовольствия, жиров по ценам ниже мировых. Внутренние последствия этого были ясны. Вокруг немецко-японских концессионеров сосредоточиваются интересы частного капитала в России. Кроме того, вся эта политика была связана с программой восстановления индивидуального сектора, если не во всем сельском хозяйстве, то в значительной его части. Но если в первом варианте дело шло о значительном восстановлении капиталистических элементов, то во втором — контрибуции и их последствия, передача немцам в случае их требований тех заводов, которые будут специально ценны для их хозяйства. Так как он в том же самом письме отдавал себе уже полностью отчет, что это есть возрождение частной торговли в больших размерах, то количественное соотношение этих факторов давало уже картину возвращения к капитализму, при котором оставались остатки социалистического хозяйства, которые бы тогда стали просто государственно-капиталистическими элементами. В первом письме не было социальной программы, во втором она есть. Первое было короткое — об ускорении войны, а второе письмо — с оценкой международного положения, здесь рассматривалась тактика на случай войны. Если первое письмо надо рассматривать как толчок для пораженческой тактики, то второе письмо давало полную разработанную программу, поэтому оно и отличается по своему объему. Первое письмо было на 2—3 страничках, а второе — 8 страничек на английской тонкой бумаге, подробное письмо.

Вышинский: В этом втором письме, которое было названо развернутой программой пораженчества, было ли что-нибудь об условиях, которым должна удовлетворить пришедшая к власти группа параллельного центра в пользу иностранных государств?

Радек: Вся программа была направлена на это.

Вышинский: Самих условий Троцкий не излагал?

Радек: Излагал.

Вышинский: Конкретно говорил о территориальных уступках?

Радек: Было сказано, что, вероятно, это будет необходимо.

Вышинский: Что именно?

Радек: Вероятно, необходимы будут территориальные уступки.

Вышинский: Какие?

Радек: Если мириться с немцами, надо итти в той или другой форме на их удовлетворение, на их экспансию.

Вышинский: Отдать Украину?

Радек: Когда мы читали письмо, мы не имели сомнений в этом. Как это будет называться — гетманской Украиной или иначе,— дело идет об удовлетворении германской экспансии на Украине. Что касается Японии, то Троцкий говорил об уступке Приамурья и Приморья.

Вышинский: Обвиняемый Сокольников, вы подтверждаете показания Пятакова в той части, которая касается разговора с лицом, о котором шла речь и имя которого председатель просил не называть?

Сокольников: Да. Подтверждаю.

Вышинский: И содержание этого письма подтверждаете?

Сокольников: Да, правильно.

Вышинский (Пятакову): Расскажите, при каких обстоятельствах вы выехали за границу? Какой был официальный повод для поездки и что у вас произошло там неофициально?

Пятаков: Я уже показывал, что в конце 1935 года в разговоре моем с Радеком встал вопрос о необходимости тем или иным способом встретиться с Троцким. Так как в этом году я имел служебную командировку в Берлин на несколько дней, я условился, что постараюсь встретиться с Троцким, и тогда же Радек рекомендовал мне в Берлине обратиться к Бухарцеву, который имеет связь с Троцким, с тем, чтобы он помог мне организовать эту встречу. Я выехал в Берлин и встретился с Бухарцевым.

Вышинский: Когда это приблизительно было?

Пятаков: Это было около 10 декабря, в первой половине декабря. В тот же день или на другой день я встретил Бухарцева, который, улучив момент, когда никого не было, со своей стороны мне передал, что он узнал о моем приезде за несколько дней, сообщил об этом Троцкому и по этому поводу ждет от Троцкого извещения. На следующий день Троцкий прислал своего посланца, с которым Бухарцев и свел меня в парке Тиргартен, в одной из аллей, буквально на пару минут. Он мне предъявил маленькую записочку от Троцкого, в которой было написано несколько слов: «Ю. Л., подателю этой записки можно вполне доверять». Слово «вполне» было подчеркнуто, и из этого я понял, что человек, приехавший от Троцкого, является доверенным лицом. Он условился со мной на следующее утро встретиться на Темпельгофском аэродроме. На следующий день рано утром я явился прямо к входу на аэродром, он стоял перед входом и повел меня. Предварительно он показал паспорт, который был для меня приготовлен. Паспорт был немецкий. Все таможенные формальности он сам выполнял, так что мне приходилось только расписываться.

Сели в самолет и полетели, нигде не садились и в 3 часа дня, примерно, спустились на аэродром в Осло. Там был автомобиль. Сели мы в этот автомобиль и поехали. Ехали мы, вероятно, минут 30 и приехали в дачную местность. Вышли, зашли в домик, неплохо обставленный, и там я увидел Троцкого, которого не видел с 1928 г. Здесь состоялся мой разговор с Троцким.

Вышинский: Сколько времени продолжалась ваша беседа?

Пятаков: Около двух часов.

Вышинский: Расскажите, о чем вы беседовали.

Пятаков: Разговор начался, прежде всего, с моей информации. Я рассказывал о том, что троцкистско-зиновьевским центром уже сделано. К этому времени Троцкий уже получил письмо Радека, и он был особенно возбужден. Во время беседы он меня прерывал, бросал всякие ехидные словечки и реплики насчет примиренчества, непонимания обстановки, вроде: «Живете по старинке», и всякие такие колкие слова, проявляя явные признаки недовольства. Когда дело дошло до вредительства, он разразился целой филиппикой, бросал колкости вроде того, что «не можете оторваться от сталинской пуповины, вы принимаете сталинское строительство за социалистическое».

Тут же очень резко, я бы сказал, пожалуй впервые, он так отчетливо и ясно сформулировал свою позицию относительно вредительства. Он сказал, что социализм в одной стране построить нельзя и что крах сталинского государства совершенно неизбежен. С другой стороны, капитализм оправляется от кризиса, начинает крепнуть и, ясно, долго терпеть дальнейшее усиление, в особенности военной промышленности, обороноспособности Советского государства, он не может. Военные столкновения неизбежны и, если мы будем относиться к этому пассивно, то в руинах сталинского государства погибнут и все троцкистские кадры. Именно поэтому он считает, что вредительский метод является не просто одним из острых приемов борьбы, которые можно было бы применить, а можно было бы и не применять, а это совершенно неизбежная вещь, вытекающая из самой сущности его позиции.

Речь идет о том, какую позицию троцкистские кадры должны занять: будут ли они связывать свою судьбу с судьбой сталинского государства или будут противостоять и организовываться для других задач, для свержения правительства, подготовляя приход к власти другого правительства — троцкистского правительства?

Далее он говорил, что многие из нас, троцкистов, до настоящего времени находятся в состоянии иллюзии, будто бы возможны какие-то массовые методы, организация масс. Организация массовой борьбы невозможна прежде всего потому, что рабочие массы, крестьянские массы в основном находятся сейчас под гипнозом огромного строительства, которое идет в стране, строительства, которое воспринимается ими, как социалистическое строительство. Всякая попытка наша в этом направлении означала бы полную безнадежность, быстро привела бы к полному провалу, к ликвидации тех сравнительно немногочисленных троцкистских кадров, которые сейчас в стране имеются. Поэтому речь идет о другом — речь идет в полном смысле этого слова о государственном перевороте со всеми вытекающими отсюда последствиями и в области тактики и в области приемов борьбы.

Вышинский: А практическая часть?

Пятаков: Одно и другое очень тесно связано. Троцкий тут опять сказал, что война, по его мнению, на носу, что ему очень хорошо из-

вестно, что вопрос измеряется не пятилетием, а коротким сроком. Он мне прямо тогда сказал, что речь идет о 37-м годе. Очевидно, информация эта была не собственным его изобретением. Тут он опять развил два варианта. Что касается международной обстановки, то речь идет в значительной мере о ликвидации пролетарского революционного движения и о торжестве фашизма. Если мы имеем намерение притти к власти, то реальными силами в международной обстановке являются, в первую очередь, фашисты и с этими силами нам надо, так или иначе, в той или иной форме, установить связь, поддерживать ее и обеспечить благоприятное к себе отношение на случай прихода к власти как без войны, так и, в особенности, в случае войны и поражения СССР, которое Троцкий считал неизбежным. Тут он мне рассказал, что ему известно о тех разговорах, которые вели Радек и Сокольников. Троцкий был недоволен, что они проявили недостаточную активность, чересчур осторожничали. Я имею в виду разговоры, которые Радек и Сокольников вели с лицами, представителями некоторых иностранных государств, называть которых запретил гр-н председатель.

В связи с международным вопросом Троцкий особенно остро ставил вопрос о подготовке диверсионных кадров. Он упрекал нас, что мы недостаточно энергично занимаемся диверсионной, вредительской и террористической работой. Он сказал, что договорился совершенно определенно с фашистским германским правительством и с японским правительством о благоприятном отношении на случай прихода троцкистско-зиновьевского блока к власти. Причем тут же оговорился, что, само собой разумеется, это благоприятное отношение является не плодом какой-то особой любви этих правительств к троцкистско-зиновьевскому блоку. Он просто исходит из реальных интересов фашистских правительств и из того, что мы обещали для них сделать в случае прихода к власти.

Вышинский: Что же обещали?

Пятаков: Тут я должен сделать сначала одно пояснение. Троцкий снова сказал, что и под этим углом зрения, под углом зрения тех переговоров, которые он ведет, и того, что он уже достиг, чрезвычайно важно усилить активную диверсионную, вредительскую, террористическую деятельность, чтобы иностранные правительства видели, что они имеют перед собой не просто человека, который говорит от своего собственного имени, а конкретную, реальную силу. Тут он мне сказал, что он вел довольно длительные переговоры с заместителем председателя германской национал-социалистской партии — Гессом. Я, правда, не могу сказать, есть ли какой-то договор, подписанный им, или есть только договоренность, но Троцкий мне все это излагал как существующее соглашение, которое, правда, подлежит еще оформлению через некоторых других лиц, о которых я буду говорить на закрытом судебном заседании.

К чему, собственно говоря, сводится это соглашение, если кратко сформулировать?

Первое. — Немецкие фашисты обещают троцкистско-зиновьевскому блоку благоприятное отношение и поддержку в случае прихода

блока к власти как в военное время, так и до войны, если это удастся. Но за это фашисты получают нижеследующую компенсацию: общее благоприятное отношение к германским интересам, к германскому правительству во всех вопросах международной политики; известные территориальные уступки, которые нужно будет сделать, причем эти территориальные уступки конкретизировались, в частности, речь шла о завуалированной форме территориальных уступок, которая именовалась «непротиводействие украинским национально-буржуазным силам в случае их самоопределения».

Вышинский: Что это означает?

Пятаков: Это в завуалированной форме означает то, о чем говорил здесь Радек: если немцы посадят свое украинское правительство,— причем править будут не через своего германского генерал-губернатора, а, может быть, это будет гетман, но во всяком случае немцы «самоопределят» Украину,— троцкистско-зиновьевский блок этому не будет противодействовать. По существу это начало расчленения СССР.

Следующий пункт соглашения касался того, в какой форме немецкий капитал получит возможность эксплоатации в СССР необходимых ему сырьевых ресурсов. Речь шла относительно эксплоатации золотых рудников, нефти, марганца, леса, апатитов и т. д.

Вышинский: А насчет диверсионных актов на случай войны?

Пятаков: Это последний пункт. В случае военного нападения надо координировать подрывные силы троцкистской организации, которые будут действовать внутри страны, с теми внешними силами, которые будут действовать под руководством германского фашизма. Диверсионная, вредительская работа, которая ведется троцкистско-зиновьевской организацией в СССР, должна вестись по указаниям Троцкого, которые должны согласовываться с немецким генеральным штабом.

К концу беседы вышел у нас такой разговор. Приход к власти будет означать, что мы должны сильно отступить по направлению к капитализму. В этой связи Троцкий говорил, что по сути дела у нас одна программа с правыми, поскольку правые приняли диверсионно-вредительскую программу и считают, что надо отступить к капитализму. Троцкий выразил очень большое удовлетворение, когда я рассказал о разговоре Сокольникова с Томским и о своем разговоре с Томским, а также о том, какой контакт у меня и у Радека имеется с Бухариным. Он сказал, что это не только тактическое мероприятие, т. е. объединение в борьбе против одного и того же неприятеля, но и объединение, имеющее известное принципиальное значение.

Вышинский: Итак, что нового вам сказал Троцкий в 1935 году по сравнению с тем, что было вам сказано раньше и чем вы руководствовались в своей преступной деятельности?

Пятаков: Новое, если хотите, было сформулировано в достаточной мере отчетливо: троцкистская организация по существу превращается в придаток фашизма.

Вышинский: Теперь я хочу вас спросить относительно вашей преступной деятельности в области организации террористических актов. В чем это конкретно выражалось?

Пятаков: Прежде всего, это организация террористических групп в Западной Сибири, через западно-сибирский центр, для убийства Эйхе.

Вышинский: Еще для какой цели они организовались в Западной Сибири?

Пятаков: В Западной Сибири была попытка покушения на Молотова...

Вышинский: Далее?

Пятаков: На Украине — на Косиора и Постышева.

Затем на Украине были разговоры с украинскими троцкистами о том, что если нужно будет перебросить троцкистские террористические кадры в Москву, то это надо будет сделать.

Вышинский: Для какой цели перебросить в Москву?

Пятаков: Для совершения террористических актов.

Вышинский: Против кого?

Пятаков: Против руководителей партии и правительства: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе... Речь шла о более или менее одновременном совершении террористических актов. Троцкий на этом особенно сильно настаивал.

Вышинский: Речь шла также и относительно Закавказья?

Пятаков: Да, речь шла и относительно закавказских террористов.

Вышинский: С кем вы говорили от Закавказья?

Пятаков: С Мдивани. Серебряков говорил с Мдивани о том, чтобы в случае необходимости перебросить в Москву закавказских троцкистов-террористов.

Вышинский (Серебрякову): Подсудимый Серебряков, вы подтверждаете это показание Пятакова относительно вашего разговора с Мдивани?

Серебряков: Да. Это предвиделся террористический акт на Ежова.

Вышинский (Пятакову): Следовательно, мы уже насчитали ряд террористических актов, которые подготовлялись при вашем участии?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Кто действовал непосредственно под вашим руководством в Москве?

Пятаков: В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлина, куда входили Оскольдов, Докучаев, Колосков.

Вышинский: Что она ставила своей задачей?

Пятаков: Убийство Сталина и Кагановича.

Вышинский: И вы непосредственно этим руководили?

Пятаков: Да, непосредственно, как член центра.

Затем мне были известны террористические группы, которые были связаны с Сокольниковым и Радеком. Одна группа Закс-Гладнева и Тивеля, связанная с Сокольниковым, и другая группа — Пригожина, которая была связана с Радеком. Кроме того, мы все время предполагали вызвать Дрейцера сюда, так как нам было известно, что у него есть террористические связи.

Вышинский: Вы относительно Дрейцера с кем-нибудь разговаривали?

Пятаков: Я разговаривал с Радеком.

Вышинский: Подсудимый Радек, скажите, был у вас разговор относительно Дрейцера?

Радек: В июле 1935 года был разговор.

Когда мы в первый раз собрались после убийства Кирова, то встал вопрос о том, что бессмысленно убивать единицы. Это не даст никакого политического результата, а даст лишь разгром организации. Надо поэтому выяснить точно, есть ли силы для серьезных действий или нет этих сил?

Вышинский: Так я вас понимаю: мало убить товарища Кирова, а надо еще убить других?

Радек: Или надо отказаться от террора или приступить к серьезной организации массовых террористических актов, что поставило бы вопрос о приближении к власти.

Вышинский: Больше вопросов у меня нет. Я прошу вызвать для допроса свидетеля Бухарцева.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ БУХАРЦЕВА

Председательствующий (обращаясь к свидетелю Бухарцеву): Вы — Бухарцев, Дмитрий Павлович?

Бухарцев: Да.

Председательствующий: Ваша должность в последнее время и занятие?

Бухарцев: Корреспондент «Известий» в Берлине.

Председательствующий: Вы вызваны в качестве свидетеля по делу Пятакова, Радека и других. Обязуетесь давать правильные показания.

Тов. Вышинский, поскольку свидетель Бухарцев вызван по вашей просьбе, пожалуйста, предлагайте вопросы.

Вышинский: Свидетель Бухарцев, вы знакомы с Радеком?

Бухарцев: Знаком.

Вышинский: Много времени?

Бухарцев: Я знаком с ним, примерно, с 1924 года.

Вышинский: Вы знакомы также и с Пятаковым?

Бухарцев: С Пятаковым я познакомился в 1935 году.

Вышинский: Кто вас познакомил с Пятаковым?

Бухарцев: С Пятаковым я познакомился при следующих обстоятельствах. Когда он был в Берлине, я к нему подошел и представился. Он уже знал обо мне.

Вышинский: Вам пришлось с Пятаковым вступать в какие-нибудь отношения на почве троцкистской подпольной работы?

Бухарцев: Я узнал о приезде Пятакова в Берлин в начале декабря 1935 года. Через несколько дней мне позвонил некий Густав Штирнер. С ним меня связал в свое время Радек.

Вышинский: Зачем он позвонил?

Бухарцев: Он позвонил, и мы встретились. Он был человек Троцкого.

Вышинский: Откуда это вам известно?

Бухарцев: Известно потому, что, когда я уезжал из Москвы в мае 1934 года, мне тогда Радек сказал, что по приезде в Берлин я получу письмо, в котором будет сказано, что приехавший из Вены журналист должен мне передать привет от Карла, — это будет человек Троцкого.

Вышинский: Что значит человек Троцкого?

Бухарцев: То есть человек, которому я смогу передавать, если мне Радек поручит что-либо, для Троцкого.

Вышинский: Дальше, относительно Пятакова?

Бухарцев: Когда Густав Штирнер мне позвонил, я ему сказал, что в ближайшие дни ожидается приезд Пятакова. Он заявил мне, что это очень интересно, что он постарается поставить в известность об этом Троцкого и что Троцкий, вероятно, захочет с ним повидаться. Через несколько дней он еще раз позвонил и на свидании мне заявил, что Троцкий обязательно хочет видеть Пятакова, что у Штирнера есть письмо или записка для Пятакова и, как только приедет Пятаков, ему нужно обязательно встретиться с ним.

Когда приехал Пятаков, я зашел к нему, улучил момент, когда он был один в кабинете, и сказал, что здесь имеется человек Троцкого, который хочет ему передать письмо и который организует ему встречу с Троцким. Пятаков сказал, что он очень рад этому, что это вполне соответствует его намерениям и что он охотно пойдет на это свидание.

Я увиделся со Штирнером, условился с ним, сказал, что Пятаков готов поехать, и встреча произошла в Тиргартене на «Аллее побед».

Вышинский: Вы присутствовали при разговоре?

Бухарцев: Да, я присутствовал. После этого я ушел, а через несколько дней, повидимому, перед отъездом Пятакова из Берлина в Москву, я встретил Пятакова в полпредстве в Берлине и спросил его, удалась ли его поездка. Он сказал, что был и видел.

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Был у вас разговор с Бухарцевым по возвращении из Осло?

Пятаков: Разговора, собственно, не было. Я только сказал, что был и видел.

Вышинский: К Бухарцеву вопрос. Вам известно, откуда Штирнер достал паспорт? Откуда он достал самолет? Как это так легко сделать в Германии?

Бухарцев: Когда я разговаривал со Штирнером, я ему задал вопрос, как он достанет паспорт. Штирнер сказал: не беспокойтесь, я это дело организую. У меня есть связи в Берлине.

Вышинский: Какие связи?

Бухарцев: Он мне не сказал, какие. Я представлял себе, что это такие связи, в таких кругах, которые могут это сделать.

Вышинский: Какие это круги?

Бухарцев: Германские правительственные чиновники.

Вышинский: А самолет? Вы — опытный журналист, вы знаете, что летать через границу из одного государства в другое — дело не простое.

Бухарцев: Я понял это так, что он, Штирнер, может сделать это через германских официальных лиц. Имелась в виду поездка к Троцкому. Они не ради прекрасных глаз Штирнера это делали.

Вышинский: А без вас нельзя было обойтись в этом деле? Ради чего вы участвовали в этой операции?

Бухарцев: Я был членом троцкистской организации.

Председательствующий: Объявляется перерыв до 11 часов утра завтрашнего дня.

Утреннее заседание 24 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАДЕКА

Председательствующий: Заседание продолжается. Приступаем к допросу подсудимого Радека. Подсудимый Радек, вы подтверждаете свои показания, которые давали на предварительном следствии в декабре?

Радек: Подтверждаю.

Вышинский: Расскажите коротко о вашей прошлой троцкистской деятельности.

Радек: Во время партийной борьбы в 1923 году я примкнул к троцкистской оппозиции, принадлежал к ней и ее руководству до момента ссылки в январе 1928 года. В ссылке оставался на позиции Троцкого до момента подачи заявления в ЦК ВКП(б) в июле 1929 года. Все это время я принадлежал к политическому центру троцкистской организации.

Из дальнейших показаний Радека выясняется, что в партию он вернулся двурушником; вскоре после возвращения из ссылки Радек восстановил свои троцкистские связи и по коренным вопросам политики продолжал придерживаться троцкистских взглядов.

Вышинский: С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек: Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И. Н. Смирновым, связан с Дрейцером, с его ближайшим помощником Гаевским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан,— с Пятаковым, Преображенским, Смилгой, Серебряковым.

Вышинский: Это было в 1930—31 гг.?

Радек: Да, это было в 1930 и 1931 гг. Уже тогда, в 1931 году, я переоценивал силу сопротивления кулачества, испугался затруднений и стал, таким образом, отражением враждебных пролетариату сил.

Вышинский: Когда вы узнали о существовании и деятельности объединенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале — марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда писал?

Радек: Троцкий сообщал, что сведения, какими он располагает, приводят к выводу, что я убедился в его правоте в том, что без реализации троцкистских требований политика упрется в тупик. Далее Троцкий писал, что, так как он знает меня, как активного человека, он убежден, что я вернусь к борьбе.

Вышинский: Что же, Троцкий призывал вас к борьбе?

Радек: В конце письма Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово террор не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Троцкий сообщал, что не только троцкисты, но и зиновьевцы решили вернуться к борьбе и что ведутся переговоры об объединении. Я не дал никакого ответа, считая, что тут нужно продумать до конца. Приблизительно к концу сентября или октября 1932 года я принял решение о возвращении на путь борьбы.

Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил итти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу и как далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь объединились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу.

Вышинский: Какую подготовительную работу?

Радек: Ясно, что раз новым положением был террор, то подготовительная работа должна была заключаться в собирании и создании террористических кадров. После Мрачковский мне сказал, что так как борьба предстоит очень острая и жертвы будут громадные, то мы бы хотели сохранить известные кадры на случай поражения, т. е. на случай ареста, и сказал, что «поэтому мы тебя и не ввели в первый центр». Говорил он это обо мне, Пятакове и Серебрякове.

Вышинский: Известно ли вам было от Мрачковского о подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства?

Радек: В апреле 1933 года Мрачковский меня запросил, не могу ли я ему назвать среди троцкистов человека, который взялся бы за организацию террористической группы в Ленинграде.

Вышинский: Против кого?

Радек: Против Кирова, понятно.

Вышинский: И что же?

Радек: Я ему назвал такого человека.

Вышинский: Кто это?

Радек: Пригожин.

Вышинский: Это было в апреле 1933 года?

Радек: Да.

Вышинский: А когда был убит Киров?

Радек: Киров был убит в декабре 1934 года.

Вышинский: Следовательно, за много месяцев до этого злодейского преступления вам, Радеку, было известно, что троцкисты готовят убийство Кирова?

Радек: Мрачковский мне тогда сказал, что в Ленинграде зиновьевцы готовят покушение, и я совершенно ясно знал, что дело идет о Кирове.

На вопрос тов. Вышинского, — знал ли подсудимый, кто был руководителем террористической группы зиновьевцев в Москве, — Радек отвечает:

— Это я узнал от Дрейцера. Дрейцер сказал мне: «Общее руководство у Бакаева по линии зиновьевцев, как у Мрачковского — в нашей организации троцкистов. В Москве руководит Рейнгольд».

Вышинский: Таким образом, вы были полностью осведомлены о деятельности этих террористических групп?

Радек: Конечно, как член центра, я был полностью осведомлен.

Вышинский: И вы были осведомлены о том, что идет практическая подготовка убийств?

Радек: О практической подготовке, собирании кадров, организации этих кадров, обучении этих кадров я знал, как соучастник троцкистско-зиновьевского блока, от начала его возникновения.

Вышинский: В том числе и как соучастник террористических актов, одним из которых явилось убийство Кирова?

Радек: В том числе и террористических актов, одним из которых явилось убийство Кирова.

Вышинский: Таким образом, можно считать установленным, что вы о терроре узнали от Мрачковского?

Радек: Да.

Вышинский: Это было до того, как вы получили письмо от Троцкого?

Радек: Это было после получения письма от Троцкого. Письмо от Троцкого было получено в феврале или марте 1932 года.

Вышинский: Если правильно говорят материалы предварительного следствия, то весною 1932 года вы были в Женеве?

Радек: Да.

Вышинский: В Женеве вы встречались с кем-либо и говорили на подобного рода темы?

Радек: В Женеве единственным троцкистом, с которым я имел встречу, был В. Ромм. Он мне привез письмо от Троцкого.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фридлянда. Заместитель Дрейцера Гаевский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр — он назвал Коцюбинского, Голубенко и, кажется, Логинова — формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; как будто назвал при этом и фамилию Муралова.

Кроме этого он говорил, что в Туле возникла или возникает какая-то террористическая группа...

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилии?

Радек: Он не назвал фамилий руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитятевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белобородовым группы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Мдивани сформировал группу. В 1935 году я узнал о зиновьевской группе, это была группа Закса-Гладнева, с которой был связан в Москве мой сотрудник Тивель.

Далее государственный обвинитель задает подсудимому **Радеку** ряд вопросов о его связях с террористическими группами и, в частности, с группой Пригожина.

Вышинский: Группа была создана вами?

Радек: Группа была создана Пригожиным.

Вышинский: Это был человек, посланный вами на это дело?

Радек: Человек, найденный мною для организации террористической группы. Я ему сказал: «Задача центра сформировать в Ленинграде террористическую группу, подбери людей и покажи, как дело выглядит».

Вышинский: Кто же руководил Пригожиным в этой подготовительной работе?

Радек: Я, Радек.

Вышинский: С кем еще вы говорили о терроре?

Радек: Я говорил с членами центра, с которыми мне приходилось встречаться и с которыми я должен был разрешать известные вопросы.

Вышинский: Кого вы можете назвать?

Радек: Я называл Преображенского. Могу назвать, с кем был разговор в общей форме — со Смилгой.

Вышинский: А группа правых?

Радек: Само собою, я был с Бухариным связан.

Вышинский: Даже само собою понятно! Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой правых?

Радек: У меня была связь только с Бухариным. Томского я видел только в 1933 году, когда он говорил в очень острой форме о внутрипартийном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 года, после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили, как члены двух контактирующихся центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?» Он сказал:

«Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует итти вперед к групповому террористическому акту.

Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины — к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Вы стояли за первую или за вторую систему террористической борьбы?

Радек: Я стоял за старую систему до момента, когда пришел к убеждению, что эта борьба вообще есть партизанщина. Потом я стоял за планомерную террористическую борьбу.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял. Поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжаем борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжаем». Тогда мы решили покончить с таким положением, когда никто не несет ответственности за террористическое дело. Мы решили вызвать Дрейцера, которого считали наиболее подходящим для руководства террористическими актами после ареста Мрачковского, с ним выяснить, что он полагает делать, и совместно выработать план.

Вышинский: Следовательно, раньше всего вы захотели объединить руководство террористическими группами?

Радек: Да.

Вышинский: И кого наметили в качестве руководителя?

Радек: Дрейцера.

Вышинский: Вы связались с ним?

Радек: Я Дрейцеру написал письмо, сам ехать к нему в Кривой Рог не мог. Проходит несколько месяцев, а от Дрейцера ответа нет; затем наступили новые события: декабрьская инструкция Троцкого, который поставил все вопросы во весь рост. Здесь уже шла речь не о плане, а гораздо шире.

Вышинский: В каком году это было?

Радек: В 1935 году. Я написал Дрейцеру письмо в категорической форме, что «к концу февраля, к началу марта, ты должен быть» и получил от него ответ: «Приеду».

Вышинский: Пока вы выясняли ваши силы, искали Дрейцера, все эти группы продолжали существовать и действовать?

Радек: Они продолжали существовать и действовали.

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 года Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более, что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальне-восточным и неким средне-европейским государствами и что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами. Содержание письма я сообщил Пятакову. Сокольников навестил меня в редакции «Известий» и сообщил мне содержание разговора между ним и г. .....

Сокольников говорил: «Представьте себе, веду в НКИД официальные переговоры. Разговор кончается. Переводчик и секретарь вышли. Официальный представитель одного иностранного государства г. ..... очутился передо мной и поставил вопрос: «Знаю ли я о предложениях, которые Троцкий сделал его правительству». Я, говорит Сокольников, ответил, что знаю, что это серьезные предложения и советы, и что я и мои единомышленники с ними согласны. Сокольников сказал также, что Каменев его раньше предупреждал о том, что к нему или ко мне могут обратиться представители иностранной державы.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально, как центр,

но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 года, на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель среднеевропейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вождь спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики; нереальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страною, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понимал, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Это все связано с первым письмом?

Радек: Это было в результате первого письма, но это был не единственный результат этого письма.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольникова, Серебрякова.

Вышинский: Вы им говорили также о самом содержании письма Троцкого?

Радек: О содержании письма Троцкого я говорил с полной точностью.

Вышинский: Там какие стояли вопросы?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, итти на уступки.

Вышинский: Значит, вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению? Как было сказано в письме Троцкого?

Радек: Поражение неизбежно, и оно создает обстановку для нашего прихода к власти, поэтому мы заинтересованы в ускорении войны. Вывод: мы заинтересованы в поражении.

Вышинский: А вы были за поражение или за победу СССР?

Радек: Все мои действия за эти годы свидетельствуют о том, что я помогал поражению.

Вышинский: Эти ваши действия были сознательными?

Радек: Я в жизни несознательных действий, кроме сна, не делал никогда. (Смех.)

Вышинский: А это был, к сожалению, не сон?

Радек: Это, к сожалению, был не сон.

Вышинский: А было явью?

Радек: Это была печальная действительность.

Вышинский: Да, печальная для вас действительность. Вы говорили с членами центра о пораженчестве?

Радек: Мы приняли это для выполнения.

Вышинский: Было ли что-нибудь практически сделано вами лично и вашими сообщниками по претворению в жизнь этой директивы?

Радек: Понятно, что мы действовали.

Вышинский (к Пятакову): Вы подтверждаете свою осведомленность о письме Троцкого на имя Радека?

Пятаков: Я уже вчера показывал и подтверждаю, что это полностью соответствует действительности.

Вышинский (к Сокольникову): Такой же вопрос.

Сокольников: Мне тоже это известно.

Вышинский: Вы также разделяли эту позицию?

Сокольников: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Вы также разделяли эту позицию пораженчества?

Серебряков: Я не возражал.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 года. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе Советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической, он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств объектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплоатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего

класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию. Наполеон I был не реставрацией — реставрация пришла позже, а это было попыткой сохранить главные завоевания революции, то, что можно было из революции сохранить. Это было новое. Он отдавал себе отчет в том, что хозяином положения, благодаря которому блок может притти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм другой — дальневосточной — страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может притти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выравнивания, которая была псевдонимом реставрации капитализма, и была тем специфически новым, что бросилось сразу нам в глаза, когда мы эту директиву получили.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась, как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас — поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое — раздел страны. Германии намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал это без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет придунайских стран?

Радек: О придунайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма, и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность увязывалась со всей программой и на нее указывалось, как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: Говорилось специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми удастся заключить соглашение, т. е. со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский (к Пятакову): Подсудимый Пятаков, когда вы давали указания Норкину в случае войны произвести поджог Кемеровского химкомбината, вы исходили из какой-нибудь общей установки?

Пятаков: Я исходил из тех установок о «конкретизации», которые были даны Троцким.

Вышинский: А ваши разговоры с Сокольниковым имели место после возвращения в 1935 году из Берлина, после личного свидания с Троцким?

Пятаков: После.

Вышинский: А в личном свидании с Троцким были сформулированы эти требования?

Пятаков: Безусловно.

Вышинский (к Радеку): Не было ли речи относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Вся конкретизация касалась войны, так что для транспорта не могло быть исключения.

Вышинский: Подсудимый Серебряков, вы помните разговор с Радеком о письме Троцкого в 1935 году?

Серебряков: Да.

Вышинский: Увязывал ли Радек директиву Троцкого с вашей преступной деятельностью в области транспорта?

Серебряков: Это, естественно, увязывалось у меня. Еще в 1934 году и в декабре 1935 года, когда мы обменивались мнениями с Лившицем, который был в то время заместителем народного комиссара путей сообщения, мы говорили, что в определенный период могли встать вопросы

активизации диверсионной и вредительской деятельности на транспорте.

Вышинский: Вы говорили с Лившицем?

Серебряков: Да. Тогда мы предполагали, что возможна загрузка, зашивка важнейших узлов в целях срыва перевозок.

Вышинский: А относительно организации диверсионных актов?

Серебряков: Вопрос ставился в такой плоскости, что нужно усилить вербовку кадров для диверсионных актов.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, что вы об этом скажете?

Лившиц: Подтверждаю разговор насчет усиления вербовки членов организации для диверсионных актов и проведения вредительских актов во время войны.

Вышинский: Вы были заместителем наркома путей сообщения и в это время обсуждали вопрос о том, как сорвать движение на железных дорогах на случай войны?

Лившиц: Да. Я считал, что, раз мы ведем борьбу за приход к власти троцкистско-зиновьевского блока, необходимо это делать.

Вышинский: О чем вы говорили с Пятаковым?

Лившиц: О той работе, которую ведут троцкисты на транспорте, т. е. о срыве приказов, обеспечивающих улучшение работы железнодорожного транспорта.

Вышинский: Давал ли вам Пятаков прямые директивы и указания усилить вредительскую и диверсионную работу на транспорте?

Лившиц: Давал.

Вышинский: Вы их принимали?

Лившиц: Да.

Вышинский: Выполняли?

Лившиц: Да, то, что смог, — выполнял.

Вышинский: Вредили?

Лившиц: Да.

Вышинский: Срывали работу?

Лившиц: Да.

Государственный обвинитель снова переходит к допросу Радека, выясняя отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 года и директивам, привезенным Пятаковым от Троцкого.

На вопрос государственного обвинителя тов. Вышинского, к чему сводилась программа Троцкого в 1935 году, Радек отвечает:

— В 1935 году был поставлен вопрос — идти назад к капитализму.

Вышинский: До каких пределов?

Радек: То, что предлагал Троцкий, было без пределов. До таких пределов, каких затребует противник.

Вышинский: Значит поражение опять-таки стояло в порядке дня?

Радек: Да, новое теперь было то, что поражение связывалось с иностранными указаниями.

Вышинский: То есть здесь имеется уже прямое согласование с иностранными генштабами, — а раньше этого не было?

Радек: Раньше этого не было.

Вышинский: Это заставило вас задуматься?

Радек: Заставило больше задуматься не только это, но и та обстановка, которая была в стране раньше — в 1934 году и потом.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня троекратное приглашение для поездки в Осло с докладом студенчеству. Если бы Пятаков не имел командировки, я, имея это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или моя, или Пятакова.

Мы решили для себя, что за директиву Троцкого мы не можем брать на себя ответственность. Мы не можем вести вслепую людей. Мы решили созвать совещание. Пятаков поехал к Троцкому. Я не знаю, почему Пятаков не говорил об этом здесь, хотя это, пожалуй, было самое существенное в его разговоре с Троцким, когда Троцкий сказал, что совещание есть провал или раскол. Пятаков вернулся и рассказал о своем разговоре с Троцким. Тогда же мы решили, что мы созываем совещание, несмотря на запрет Троцкого. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто — «за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И, наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть потому, что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране. Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Что означала директива о согласовании вредительства с иностранными кругами? Эта директива означала для меня совершенно простую вещь, понятную для меня, как для политического организатора, что в нашу организацию вклинивается резидентура иностранных держав, организация становится прямой экспозитурой иностранных разведок. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход это было идти в ЦК партии сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел. Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: Были ли вы за поражение?

Радек: Если бы мог отвратить поражение, то был бы против него.

Вышинский: Вы считаете, что вы не могли отвратить его?

Радек: Я считал его неизбежным фактом.

Вышинский: Вы неправильно отвечаете на мой вопрос. Вы приняли все установки Троцкого, которые были вам даны в 1934 году?

Радек: Я принимал все установки Троцкого в 1934 году.

Вышинский: Была ли там установка на поражение?

Радек: Да, это была установка на поражение.

Вышинский: Вы ее приняли?

Радек: Принял.

Вышинский: Значит, раз вы ее приняли, вы были за поражение?

Радек: С точки зрения...

Вышинский: Вы шли к поражению?

Радек: Да, понятно.

Вышинский: Значит, вы были за поражение?

Радек: Понятно, раз да, — значит шел.

Вышинский: В 1934 году вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит, вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, вы исходили из слабости страны?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принял.

Вышинский: А в 1935 году видели, что страна сильна и это не оправдается?

Радек: Что поражение не не оправдывается, а что его не будет, что это нереальная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на нереальных основах.

Вышинский: Потому, что это было нереально, поэтому вы были против?

Радек: О других мотивах не буду говорить.

Вышинский: Правильно ли, что вы были в 1935 году против программы поражения потому, что считали ее нереальной?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, в 1934 году вы считали реальной и были за это, а в 1935 году считали нереальной и были против?

Радек: Да.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и письме, означала предложение об измене родине?

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с господином ..... в ноябре 1934 года — это есть измена родине?

Радек: Я сознавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Вы подтверждаете свои показания о том, что вы сказали господину ....., что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело бесполезное?

Радек: Таков был смысл моего показания.

Вышинский: Подтверждаете?

Радек: Да.

Вышинский: И что ..... правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков» в СССР?

Радек: Да.

Вышинский: Вы сказали господину ....., что блок может пойти на эти уступки?

Радек: Да, мы подтвердили мандат Троцкого на переговоры о том, в чем эти уступки должны были заключаться.

Вышинский: Я вас спрашиваю, вы обещали от имени блока господину ..... эти реальные уступки или нет?

Радек: Да.

Вышинский: Это измена?

Радек: Да.

Вышинский: Вас спрашивали на допросах после ареста — виновны ли вы перед партией и Советским государством. Что на это вы отвечали?

Радек: Я отвечал, что нет.

Вышинский: Спрашивали ли вас о связи с другими участниками террористической группы? Что вы отвечали?

Радек: Отрицал.

Вышинский: Это было 22 сентября 1936 года?

Радек: Да.

Вышинский: Вас поставили на очную ставку с Сокольниковым?

Радек: Да.

Вышинский: Сокольников изобличал вас?

Радек: Да.

Вышинский: А вы?

Радек: Все отрицал от начала до конца.

Вышинский: Сколько месяцев вы отрицали?

Радек: Около трех месяцев.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

Вечернее заседание 24 января

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РОММА

Председательствующий: Ваше служебное положение?

Ромм: Я был корреспондентом «Известий» в Соединенных Штатах.

Вышинский: Как долго вы были знакомы с подсудимым Радеком?

Ромм: С 1922 года.

Вышинский: Что вас связывало с Радеком в прошлом?

Ромм: Сначала я был знаком с ним по литературным делам, затем в 1926—27 гг. меня с ним связывала совместная троцкистская антипартийная работа.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве и в Париже. В Женеве с 1930 года по 1934 год.

Вышинский: Меня интересует ваш женевский период. Будучи в Женеве, вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему письмо Троцкого, которое получил от Седова незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Расскажите, как вы получили письмо от Троцкого, какое поручение вы имели при этом, как вы выполнили это поручение?

Ромм: В 1931 году летом при проезде через Берлин я встретился с Путна, который предложил свести меня с Седовым. Я с Седовым встретился, и на его вопрос, готов ли я, если понадобится, взять на себя поручение по связи с Радеком, ответил согласием и дал ему свои адреса — парижский и женевский.

За несколько дней перед моим отъездом в Женеву, будучи в Париже, я получил по городской почте письмо, в котором была короткая записка от Седова с просьбой передать вложенное в конверт письмо Радеку. Я это письмо взял с собой в Женеву и передал Радеку при встрече с ним.

Вышинский: Радек прочел письмо при вас или без вас?

Ромм: Он при мне его быстро прочел и положил его в карман.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об объединении с зиновьевцами, о переходе к террористическому методу борьбы против руководства

ВКП(б), в первую очередь — против Сталина и Ворошилова. Затем Радек уехал в Москву и я не видел его до осени 1932 года.

Вышинский: Что же случилось осенью 1932 года и где вы находились в это время?

Ромм: Я был корреспондентом ТАСС в Женеве и Париже, приехал в Москву в командировку и встретился с Радеком, который сообщил мне, что, во исполнение директивы Троцкого, троцкистско-зиновьевский блок организовался, но что он и Пятаков не вошли в этот центр. Далее Радек сказал, что возникла мысль о создании запасного или параллельного центра с преобладанием троцкистов, чтобы в случае провала действующего центра был запасный центр. Он сказал, что хочет по этому вопросу запросить директиву Троцкого и послать со мною письмо.

Вышинский: Что же в этом письме было написано? Вам было это известно?

Ромм: Да, потому что мне было письмо вручено, затем вложено в корешок немецкой книги перед моим отъездом в Женеву обратно осенью 1932 года.

Вышинский: Кто вам дал это поручение?

Ромм: Радек. Проездом через Берлин в Женеву я с вокзала послал бандеролью эту книгу на обусловленный адрес, который дал мне Седов, до востребования в один из берлинских почтамтов и одновременно — небольшое письмо с указанием, что в этой книге и где именно заделано письмо.

Вышинский: Было это письмо получено Седовым? Вам известно об этом?

Ромм: Предполагаю, что да, потому что при следующей моей встрече с ним было ясно, что оно было получено.

Вышинский: Была у вас еще встреча с Седовым?

Ромм: Моя следующая встреча с Седовым была в июле 1933 года.

Вышинский: По какому поводу, где и как встретились вы снова?

Ромм: В Париже. Я приехал из Женевы и через несколько дней мне позвонил по телефону Седов и назначил свидание в кафе на бульваре Монпарнас. Седов сказал, что хочет устроить мне встречу с Троцким. Через несколько дней он мне позвонил и назначил встречу в том же кафе. Оттуда мы отправились в Булонский лес, где встретились с Троцким.

Вышинский: Это было когда?

Ромм: В конце июля 1933 года.

Вышинский: Как долго длилась эта встреча с Троцким?

Ромм: Минут 20—25.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Как я понял, — для того, чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письме вез в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании параллельного центра. Он сказал, что опасность преобладания зиновьевцев налицо, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С идеей параллельного центра он согласен, но при непременном условии сохранения блока с зиновьевцами и, далее, при условии, что этот параллельный

центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирая вокруг себя наиболее стойкие кадры. Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и вредительская деятельность в промышленности и в народном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видно, есть еще колебания, но надо понять, что человеческие жертвы при вредительских актах неизбежны и что основная цель — это через ряд вредительских актов подорвать доверие к сталинской пятилетке, к новой технике и тем самым — к партийному руководству. Подчеркивая необходимость самых крайних средств, Троцкий процитировал латинское изречение, которое говорит: «Чего не излечивают лекарства, то излечивает железо, чего не излечивает железо, то излечивает огонь». Я, помню, задал несколько недоуменный вопрос о том, что это же будет подрывать обороноспособность страны, в то время как сейчас, с приходом Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность нападения на СССР со стороны Германии, становится особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но Троцким была брошена мысль о том, что именно обострение военной опасности может поставить на очередь вопрос о пораженчестве.

Затем он передал мне книгу — роман Новикова-Прибоя «Цусима», сказав, что в переплет этой книги заделано письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире.

Вышинский: Это когда было?

Ромм: Это было в августе 1933 года.

Вышинский: Дальше.

Ромм: Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отпуска он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись из отпуска, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Троцкому, заделанное опять-таки в переплет немецкой книги.

Вышинский: Когда это было?

Ромм: В конце сентября 1933 года. Письмо это, вернее книгу с заделанным в нее письмом, я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Затем следующая моя встреча с Седовым была в апреле 1934 года в Париже.

Вышинский: По какому поводу?

Ромм: Он мне позвонил и выразил желание со мной встретиться. Мы встретились с ним в Булонском лесу. Я ему сообщил, что в скором времени буду назначен в Америку, так что по части связи помогать не смогу. Он об этом пожалел и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, о работе всей организации.

Вышинский: Вы выполнили поручение?

Ромм: Да, выполнил. Я передал Радеку это поручение и в мае 1934 года, перед моим отъездом в Америку, он мне вручил письмо, опять-таки заделанное в книгу; насколько помню, это был англо-русский технический словарь. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и параллельного центра о развер-

тывании политической и диверсионной работы. Это письмо, вернее книгу с этим письмом, я передал в Париже Седову.

Вышинский: Это все ваши передачи?

Ромм: Да. Всего было передано в обе стороны пять писем.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Ромм: Седов сказал мне, что, в связи с моей поездкой в Америку, имеется просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, информировать его. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал: «Это вытекает из установок Троцкого на поражение СССР. Поскольку вопрос о сроках войны Германии и Японии с СССР в известной мере зависит от состояния советско-американских отношений, это не может не интересовать Троцкого».

Вышинский: Иначе говоря, вы получили через Седова предложение информировать Троцкого об отношениях между Америкой и Советским Союзом с точки зрения ориентации Троцкого и его линии?

Ромм: С точки зрения его пораженческой установки.

Вышинский: Значит, вы, по совместительству, были корреспондентом «Известий» и спецкорреспондентом Троцкого, так?

Ромм: Да. Я согласился присылать интересующую Троцкого информацию.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛЬНИКОВА

Вышинский: Подсудимый Сокольников, расскажите, пожалуйста, о вашем отношении к объединенному троцкистско-зиновьевскому террористическому центру.

Сокольников: Мне был известен состав объединенного центра, были известны террористические установки, было известно, что еще осенью 1932 года объединенный центр намечал подготовку террористических актов против Сталина и Кирова. Было известно, что Бакаеву поручена работа по сосредоточению всех связей с террористическими группами объединенного центра. Было известно, что московские террористические группы подчинены Рейнгольду.

Вышинский: Когда вы говорили с Пятаковым и Радеком по поводу вашей практической работы в параллельном центре?

Сокольников: Моя работа в параллельном центре началась летом 1935 года. До этого она выразилась только в выполнении поручения относительно переговоров с одним дипломатическим представителем.

Вышинский: А когда вы имели разговор с этим представителем иностранного государства?

Сокольников: Это было в середине апреля 1934 года.

Вышинский: А в 1934 году вам приходилось вести с кем-нибудь разговоры относительно пораженческой установки блока?

Сокольников: У меня был разговор с Каменевым в начале 1934 года. В этом разговоре Каменев мне сообщил о пораженческих установках

Троцкого и собственных пораженческих взглядах. Конкретным выводом из этой беседы было, между прочим, предупреждение Каменевым меня о том, что ко мне могут обратиться с запросом.

Вышинский: Кто может обратиться?

Сокольников: Дипломатический представитель одной страны.

Вышинский: Вам говорил Каменев, с каким запросом обратятся к вам?

Сокольников: Да, он мне говорил, что ко мне обратятся за подтверждением того, что переговоры, которые ведутся Троцким за границей, ведутся им не от своего собственного лица, а что за Троцким действительно стоит организация, представителем которой он и является.

Вышинский: Такой вопрос был обращен к вам?

Сокольников: Да, в середине апреля, после окончания одной из официальных бесед с представителем одной страны, с которым я часто встречался по своим служебным обязанностям. Разговор произошел по окончании официальной беседы, когда переводчики вышли в соседнюю комнату. В то время, когда я провожал своего собеседника к выходу, он спросил меня, известно ли мне, что Троцкий обратился с некоторыми предложениями к его правительству? Я подтвердил, что мне это известно. Он спросил далее — являются ли эти предложения серьезными? Я подтвердил и это. Он спросил — является ли это моим личным мнением? Я сказал, что это не только мое мнение, что это мнение и моих друзей.

Этот его вопрос я понял как подтверждение того, что правительство этой страны действительно получило предложение Троцкого убедиться в том, что действительно предложения Троцкого известны организации и что право Троцкого на эти переговоры не оспаривается.

Вышинский: Какую официальную должность вы занимали тогда?

Сокольников: Заместителя народного комиссара иностранных дел.

Вышинский: Вы передавали кому-нибудь об этой своей беседе с представителем иностранного государства?

Сокольников: Об этой беседе я, примерно, через месяц разговаривал с Радеком, а потом с Пятаковым. В июле 1935 года Радек мне сообщил, что Троцкий выражал неудовольствие, что я выполнил это поручение формально, т. е. подтвердил полномочия, но не подтвердил предложения по существу, не защитил их, не агитировал за них.

Летом 1935 года, несколько месяцев спустя после арестов зиновьевцев и части троцкистов, я, зная, что я выделен в параллельный центр, считал, что я обязан связаться с его членами.

Я обратился первоначально не к Пятакову, а приблизительно недели за три или за месяц я встретился с Радеком.

Вопросы, которые мы обсуждали с Радеком, были вопросы выполнения террористических установок и вопросы организационного порядка в этой связи. Затем мы обсуждали и некоторые программные вопросы.

Вышинский: Какие, например?

Сокольников: Программные вопросы в связи с изменением международной обстановки. Я забыл сказать, что мне известно было

о переговорах, которые вели члены объединенного центра с правыми.

Вышинский: С кем персонально?

Сокольников: Я знаю, что Каменевым велись переговоры с Бухариным и Рыковым; знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым.

В этих переговорах была установлена общность основных программных вопросов и общность тактических установок, в частности, принятие террористического способа борьбы.

Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, будучи согласны со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с объединенным центром.

Что касается программных установок, то еще в 1932 году и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскиапского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму...

Вышинский: Вы с Пятаковым говорили после того, как он вернулся из-за границы?

Сокольников: Да. Это было в январе 1936 года. Пятаков сообщил мне о том, что Троцкий вел переговоры с Гессом. В этих переговорах Гесс был уполномочен выставлять требования, которые касались не только германских интересов, но также интересов еще одной страны. Пятаков передавал мне, что он понял Троцкого таким образом, что это были переговоры по ряду вопросов, по которым и было достигнуто соглашение. Конечно, предполагалось, что этот проект соглашения будет направлен и в официальные круги, а не останется соглашением только этих двух собеседников. И Пятаков, и я, конечно, очень колебались, видя в развернутом и законченном виде это соглашение. Здесь получился, как ни печально это сказать, концентрированный букет. Мы понимали, что дело не в наших чувствах — хороших или плохих; мы рассуждали как политики, и следовательно мы должны были решать политический вопрос. Если мы превращаемся просто в придаток немецкого фашизма, который нас использует и выбросит потом, как грязную тряпку, то мы осуждены, опозорены, доказано полнейшее наше ничтожество.

Вышинский: А вы думали, что вас постигнет иная судьба, чем использование вас фашизмом, а потом выбрасывание, как ненужной тряпки?

Сокольников: Конечно. Если бы мы рассчитывали только на такой конец, нам надо было бы полностью ликвидировать блок.

Вышинский: Вы думали, что вам удастся удержать некую самостоятельность?

Сокольников: Я говорю с точки зрения того дня. Мы считали, что у нас остаются известные шансы. В чем мы их видели? Мы видели их в игре международных противоречий. Мы считали, что, скажем, полное засилие немецкого фашизма в Советском Союзе не может быть осуществлено, потому что оно встретится с возражениями других империалистских соперников, что тут могут быть некоторые международные столкновения, что тут мы сможем опереться на другие силы, которые не заинтересованы в укреплении фашизма.

Мы считали, что внутри страны мы сможем опереться на известные слои. Я должен только сказать — мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу капитализма, потому что тогда сможем опереться на некоторые слои в стране...

Вышинский: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вышинский: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вышинский: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вышинский: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так. Блок должен был привести к тому, что эти остаточки должны были расшириться. Конечно, я повторяю, что наша программа сделки с немецким фашизмом, которая обеспечила бы приход блока к власти, обозначала и крупнейшие социальные сдвиги в Советском Союзе, и появление сил, которые поддерживали бы правительство блока.

Вышинский: В каком направлении сдвиги?

Сокольников: Сдвиги в сторону реставрации капитализма. Те элементы, которые были бы в этом заинтересованы и приняли это, как благодеяние, были бы довольны такой политикой и поддержали бы блок. Но я хочу сказать, что эта перспектива не очень многим лучше, чем перспектива оказаться просто придатком немецкого фашизма. Но это была перспектива на то, что блок может удержать власть в стране, опять-таки лавируя известным образом между различными классами, опираясь на одних против других.

Вышинский: Словом, коротко говоря, через какие этапы лежал ваш путь к власти, по вашему представлению?

Сокольников: Путь к власти лежал через постепенное восстановление капиталистических элементов, которые бы вытесняли и, в известной мере, замещали элементы социалистические.

Вышинский: А относительно агрессоров?

Сокольников: Мы шли на соглашение с ними, которое бы привело к тому, что в ходе войны и в результате поражения СССР правительство блока могло бы оказаться у власти.

Вышинский: Таким образом, правильно ли я формулирую в обвинительном заключении: «Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства, в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя...» Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, правильна.

Вышинский: Далее, в обвинительном заключении я говорю: «Л. Д. Троцкий и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи иностранных государств, с целью восстановления в СССР капиталистических отношений». Правильна эта формулировка?

Сокольников: Правильна.

Вышинский: Вы сказали, что вы исходили из необходимости опереться на известные социальные слои населения. Вы назвали кулака, как опору блока. Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, как такую силу, которая, получая от правительства блока определенные выгоды, будет заинтересована в сохранении власти этого блока.

Вышинский: Кроме этого, на какие еще элементы вы рассчитывали? Рассчитывал ли блок в своей борьбе ограничиться только своими собственными силами или он имел в виду объединить и другие антисоветские элементы в стране?

Сокольников: Несомненно. Это вытекало из той экономической политики, которую намечал блок. Естественно, если блок предполагал предоставление концессий иностранному капиталу, сдачу в аренду отдельных заводов иностранному капитализму, предполагал, во всяком случае в начале, частичный роспуск колхозов, то очевидно, что это создавало не только прямые элементы крупного капитализма, но и мелко-капиталистическую среду, мелких торговцев, мелкую буржуазию, которая была бы заинтересована в сохранении этого режима и поддерживала бы таким образом блок.

Вышинский: А вот в связи с тем, что вы говорите относительно социально-экономических планов: каково было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательное. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к концессионерам.

Вышинский: То есть вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от нынешней политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Это входило в план тех социально-экономических мероприятий, которые намечал блок?

Сокольников: Мне кажется, я об этом говорил. Это входило в план

блока, и мы также понимали, что из этого вытекает отказ от курса на непосредственное строительство бесклассового общества.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма — это и есть восстановление классов.

Вышинский: Значит, устанавливаем для полной ясности: всю совокупность этих мероприятий вы понимаете как программу капиталистической реставрации?

Сокольников: Эта программа есть неизбежный и обязательный вывод из программы правых, т. е., попросту говоря, программы отступления или реставрации капитализма.

Вышинский: Известно вам о привлечении к вашей троцкистской, антисоветской, преступной деятельности нечленов троцкистской организации, других настроенных антисоветски людей?

Сокольников: Мне передавал Пятаков, что в директиве Троцкого о развертывании вредительской работы содержалось указание на то, что группа блока, ведущая вредительскую работу, должна связаться с другими контрреволюционными группами.

Вышинский: Какими именно?

Сокольников: Этого я уточнить не могу. С другими контрреволюционными группами, ведущими такую же работу. Указывалось на то, чтобы найти бывшие вредительские организации среди специалистов.

Вышинский: Среди бывших вредителей периода Промпартии, шахтинского процесса?

Сокольников: Да.

Председательствующий: Скажите, пожалуйста, подсудимый Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935—36 гг.?

Сокольников: В 1935 году ко мне пришел Тивель и сообщил, что он связан с террористической группой Закса-Гладнева. Тивель спрашивал указаний о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорил тогда, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина.

Председательствующий: Можно отсюда сделать вывод, что группа Закса-Гладнева была под вашим непосредственным руководством, если к вам обращались за советом?

Сокольников: Я не руководил ее оперативной работой, но я непосредственно санкционировал продолжение ее деятельности.

Председательствующий: А сколько раз и когда вы имели беседы с представителями этой группы Закса-Гладнева?

Сокольников: В начале 1936 года, весной 1936 года.

Председательствующий: Значит, весной 1936 года, в период ваших «колебаний», вы непосредственно были связаны с деятельностью террористической группы, той группы, которая готовила покушение на товарища Сталина?

Сокольников: Я был связан с Тивелем непосредственно, Тивель был непосредственно связан с группой Закса-Гладнева. Был ли Тивель сам членом этой группы, я не знаю.

Председательствующий: Известно вам было о подготовке в 1934 году покушения на тов. Кирова? Известен ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществил покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовится покушение против Кирова. Что касается того, кто его выполняет, этого я не знал. О деталях этого дела меня не осведомили. Но в 1932 году я слышал о составе ленинградского центра.

Председательствующий: Значит, вы подтверждаете ваши показания, что вам известно было о существовании в Ленинграде террористического центра, и в частности, что в центр входили Левин, Котолынов, Мандельштам и другие. Это вы подтверждаете?

Сокольников: Да, подтверждаю, это мне было известно в 1932 году.

Председательствующий: Вам известно, что непосредственное руководство подготовкой террористического акта в отношении тов. Кирова осуществлял Бакаев?

Сокольников: Мне не говорилось об этом непосредственно, но то, что руководство подготовкой террористического акта возложено на Бакаева, мне было известно.

Председательствующий: В какой мере вы были связаны с Рейнгольдом по его террористической деятельности?

Сокольников: Рейнгольд руководил террористическими группами в Москве. Я с ним имел встречи, но относительно его работы он мне никаких сообщений не делал. Относительно тех функций, которые на него возложены, я знал от Каменева.

Председательствующий: С вами Рейнгольд непосредственно был больше связан, чем с Каменевым?

Сокольников: Но никаких сообщений относительно своей деятельности он мне не делал.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СЕРЕБРЯКОВА

Вышинский: Скажите, пожалуйста, когда вы возобновили свою антисоветскую преступную деятельность?

Серебряков: Осенью 1932 года. Ко мне зашел Мрачковский и информировал меня о создании троцкистско-зиновьевского блока, назвал состав этого центра и тут же сообщил, что центр решил на случай своего провала выдвинуть запасный центр.

Вышинский: Как вы отнеслись к этому предложению?

Серебряков: Для меня оно не было неожиданностью. Я хотя и отошел от контрреволюционной деятельности троцкизма, но все-таки у меня остались контрреволюционные настроения, несмотря на подачу заявления в 1929 году.

Вышинский: Когда вы подали заявление в 1929 году, вы в действительности оставались троцкистом?

Серебряков: Да, внутренне оставался троцкистом... Осенью 1933 года я встретился с Пятаковым в Гаграх, тогда же он сказал мне, что надо

принять активное участие в троцкистской работе. В частности, он ведет вредительскую работу в промышленности, и перед ним стоит также вопрос о развертывании вредительства на транспорте. Я — старый транспортник, связи у меня сохранились, у меня возражений не было и эту часть работы я взял на себя. Кроме того, я взял на себя связь и руководство грузинскими делами через Мдивани.

В 1934 году или, может быть, в конце 1933 года по приезде в Москву я зашел в НКПС, повидал там А. М. Арнольдова. Я его знал по 1926 и 1927 гг. Он выразил полную готовность взять на себя осуществление и руководство вредительской работой на транспорте. Там мы с ним и наметили программу этой вредительской работы. Мы с ним поставили задачу совершенно конкретную и точную: срыв перевозок, уменьшение ежесуточной погрузки методом увеличения пробега порожних вагонов, методом неувеличения заниженных уже до этого норм пробега вагонов и паровозов, путем недоиспользования тяговой силы мощности паровоза и т. д. В 1934 году, по предложению Пятакова, ко мне в Цудортранс пришел Лившиц, он был начальником Южной дороги. Я его информировал о своем разговоре с Арнольдовым. Он мне сообщил, что у него на Южной дороге имеется заместитель — Зорин и что тот сможет развернуть работу. В этом же 1934 году я привлек к вредительской работе на транспорте начальника Томской дороги Миронова, которого я знал по НКПС в 1926—27 гг. Он тоже дал согласие принимать участие во вредительской работе. Я имел сведения в 1934 году, что привлечен Фуфрянский, работающий в НКПС, а также Емшанов — заместитель начальника дороги Москва—Донбасс. Называлась также фамилия Князева, как члена организации.

В 1935 году, когда пришел на транспорт Л. М. Каганович и у меня возникли большие опасения о возможности провала всей группы, Арнольдов меня успокоил, что вредительская деятельность на транспорте очень хорошо замаскирована вот этими самыми «нормами», что «предельные нормы» получили, так сказать, права гражданства на транспорте. Несмотря на то, что «предельные нормы» получили право гражданства, Каганович разоблачил все это. Арнольдов проводил эту работу не только сам, а с помощью теоретиков «предельных норм», среди которых были не только члены организации. Он был с ними как-то связан, фамилии их он мне не называл.

Арнольдова Каганович снял после разоблачения предельщиков. Тогда Арнольдов сказал, что в НКПС заместителем наркома идет Лившиц, и предложил, чтобы все связи по транспорту передавались Лившицу.

Вот, примерно, кратко о вредительской работе на транспорте.

В 1934 году в Москву приехал Мдивани и выразил желание встретиться со мной и с Пятаковым. И вот в какой-то рабочий день после службы мы пошли на Тверскую улицу; там против почтамта есть какой-то ресторанчик, где и произошел разговор. Мдивани сообщил, что работа развертывается, что центр намечен, и просил нашей санкции. Мы трех человек знали — Мдивани, Кавтарадзе и Мишу Окуджава, а двух — Чихладзе и Кикнадзе Нико — мы совершенно не

знали — ни я, ни Пятаков. Мдивани дал нам их характеристики, как старых троцкистов и очень боевых людей, и просил некоторого доверия. Мы не возражали и этим как бы утвердили центр.

Стоял вопрос о террористическом акте против Берия, но мы с Пятаковым не рекомендовали этого делать, мы поставили вопрос так, что террористический акт против Берия может сорвать террористический акт против Сталина. Мы предложили, если есть силы, взяться за подготовку террористического акта против Сталина, не приостанавливая подготовки террористического акта против Берия.

Вышинский: Не приостанавливая?

Серебряков: Не приостанавливая. Осуществлять акт против Берия мы ни в какой мере не рекомендовали раньше, чем они осуществят террористический акт против Сталина.

Вышинский: Следовательно, я правильно понимаю, что вместо одного покушения, которое предлагал Мдивани, вы предложили два покушения?

Серебряков: Да. Когда в 1935 году я встретился опять с Пятаковым, возник вопрос о подготовке еще одного террористического акта, а именно против Ежова.

Было дано задание Мдивани поставить вопрос о возможном объединении с дашнаками в Армении, с муссаватистами в Азербайджане и грузинскими меньшевиками в Грузии.

Вышинский: Что было реально сделано во исполнение этого решения?

Серебряков: Насчет дашнаков и муссаватистов в конце 1935 года Мдивани мне сообщил, что он нащупал только связь, а с меньшевиками он заключил соглашение. Контакт с меньшевиками у него был установлен на той основе, что Грузии предоставляется превалирующее влияние на территории Закавказья.

Вышинский: Грузия подчиняет своему влиянию Армению и Азербайджан?

Серебряков: Да. Она — самостоятельное государство, играющее в Закавказьи ведущую роль.

Вышинский (к подсудимому Лившицу): Показания Серебрякова в части, касающейся связи с вами, подсудимый Лившиц, не вызывают каких-либо замечаний? Все, что говорил Серебряков, так и было?

Лившиц: Так это и было.

Председательствующий: Скажите, подсудимый Серебряков, говорил ли вам Пятаков в 1935 году о том, что необходимо расширить сеть террористических организаций на транспорте?

Серебряков: Не Пятаков, а Лившиц мне это сообщил, ссылаясь на Пятакова.

Председательствующий: При этом разговоре Лившиц указывал на особое значение вашей работы в предмобилизационный период. В своих показаниях вы говорите: «Мы с Лившицем между собой говорили и пришли к выводу, что, помимо действий организаций и в центре и на местах, которые должны вначале внести путаницу и неразбериху в работу транспорта, надо будет также обеспечить возмож-

ность в первые дни мобилизации занять наиболее важные железнодорожные узлы, создав в них такие пробки, которые бы привели в расстройство транспорт и снизили бы пропускную способность железнодорожных узлов». Вы подтверждаете это?

Серебряков: Да.

Председательствующий: Подсудимый Лившиц, вы подтверждаете разговор, который вел Серебряков на эту тему?

Лившиц: Разговор я подтверждаю.

Председательствующий: Подсудимый Пятаков, вы подтверждаете, что такого рода указания вы давали Лившицу?

Пятаков: Да, конечно.

Председательствующий: У защиты есть вопросы?

Защитники: Нет.

Председательствующий: Заседание закрывается. Объявляется перерыв до 11 часов утра 25 января.

Утреннее заседание 25 января

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЛОГИНОВА

Суд переходит к допросу свидетеля Логинова — бывшего управляющего треста «Кокс».

Вышинский: Что вам известно о троцкистской подпольной деятельности Пятакова?

Логинов: С Пятаковым я встречался в начале 1928 года. Я был исключен в это время из партии и направлен в Верхнеудинск. Я ехал вместе с Лившицем и Голубенко. В Москве мы зашли к Пятакову для того, чтобы получить указания, как нам быть. Пятаков дал нам директиву о том, что, очевидно, в ближайшее время нужно будет подать двурушническое заявление об отходе от оппозиции, чтобы вернуться в партию и тем самым получить возможность снова группировать вокруг себя троцкистские кадры и продолжать борьбу против партии.

Вышинский: Вы последовали совету Пятакова относительно подачи двурушнического заявления?

Логинов: Да. Было условлено с Пятаковым, что если борьба примет более затяжной характер, то он сам подаст заявление об отходе от оппозиции, и это должно послужить сигналом нам для подачи соответствующих заявлений на местах. Мы так и поступили, т. е. когда Пятаковым было опубликовано такого рода заявление, мы на местах — я, Голубенко и Лившиц — подали заявление о присоединении к заявлению Пятакова и были восстановлены в партии.

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Вы подтверждаете эти показания свидетеля?

Пятаков: Двурушнических целей у меня не было, по поскольку я партии не выдал своих сообщников, скрытых троцкистов, и поскольку у меня еще оставались расхождения по внутрипартийным вопросам, в частности, по вопросу относительно репрессии в отношении оппозиции...

Вышинский: Это вы говорили.

Пятаков: В этом смысле я не договорил до конца.

Вышинский: И в этом смысле ваше поведение было двурушническим?

Пятаков: Да.

Вышинский (обращаясь к Логинову): Я хочу выяснить, был ли разговор о двурушничестве в это время или не был. Логинов, вы подтверждаете?

Логинов: Да.

Вышинский: Были ли у вас встречи с Пятаковым, когда вы находились за границей?

Логинов: Я имел там целый ряд встреч с Пятаковым. В одну из наших встреч Пятакова интересовал вопрос, каково настроение бывших троцкистов, которых знал Пятаков хорошо, таких лиц, как Коцюбинский и Лившиц.

Пятаков тогда поставил передо мною вопрос о том, что нужно снова воссоздавать троцкистскую организацию. В последующую встречу Пятаков сказал, что основной формой борьбы должна быть отныне террористическая деятельность; при этом Пятаков сказал, что это не его личная точка зрения, а точка зрения Троцкого.

Вышинский: Говорил вам Пятаков, против кого направлены террористические акты?

Логинов: Да. Пятаков указывал, что террористический акт должен быть направлен в первую очередь против Сталина. В последующие встречи Пятаков сказал мне, что, исходя из указаний Троцкого, нужно внести во всю эту борьбу определенные моменты организованности. Пятаков предложил создать на Украине троцкистский центр, в который вошли бы Коцюбинский, Голубенко, Лившиц и я.

Вышинский: Это было в каком году?

Логинов: Это было, примерно, летом 1931 года.

Вышинский: Встречались ли вы после 1931 года с Пятаковым, где, когда и каковы были предметы встреч и бесед?

Логинов: После 1931 года моя встреча с Пятаковым произошла в конце 1932 года. Я сообщил Пятакову, что украинский центр создан в том составе, какой был намечен Пятаковым, и что мы приступили уже к подпольной работе на Украине. Пятаков сказал мне тогда, что в соответствии с директивами Троцкого уже фактически осуществилось объединение троцкистов и зиновьевцев в основном на почве террористической деятельности и что в Москве работа уже развернута достаточно широко. Предлагал и на Украине переходить от разговоров о терроре к практическим действиям.

Вышинский: А вам было известно, что Пятаков в 1932 году вновь был за границей?

Логинов: Да, это стало мне известным в 1934 году, когда я встретился с Пятаковым. Пятаков передал мне целый ряд совершенно новых установок от имени Троцкого. Он выразил недовольство тем, что вопрос о террористической борьбе попрежнему ограничивается у нас общими фразами. Пятаков сказал, что основное внимание должно быть уделено именно террору и что один исполнитель значительно дороже ряда широких организаций. Кроме того Пятаков сказал тогда, что сейчас авторитет Центрального Комитета и доверие к его политике в стране исключительно выросли, и поэтому Троцкий очень настойчиво требует усиленно развернуть работу по дискредитации политики, проводимой Сталиным.

В начале лета 1935 года Пятаков поставил мне вопрос, подготовлены ли мы всерьез для террористической борьбы. Я указал, что да, нами — украинским центром — отобран целый ряд лиц, которые дали свое согласие быть исполнителями террористических актов. Эти лица подготовлены и ждут только сигнала со стороны центра. Пятаков сказал, что сейчас троцкистский параллельный центр подготовляет одновременный террористический удар. Он указал тогда, что надо совершенно твердо готовить террористические акты против Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, а на Украине — против Коспора и Постышева. Я ответил, что основные наши исполнители предназначены для террористических актов на Украине, кроме ряда отдельных лиц, которые предназначались для вызова в Москву.

Вышинский: Много их было?

Логинов: В Одессе под руководством Голубенко была организована группа лиц, которую возглавлял Калашников и которая подготовляла террористический акт против Сталина; в Днепропетровске возглавлял группу Жуков, подготовлявший террористический акт против Ворошилова. Во время этой же встречи Пятаков поставил вопрос, что сейчас нужно встать на путь широкой деятельности в области разрушения тяжелой промышленности.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно было быть уделено химической части коксо-химической промышленности, ибо она имеет оборонное значение. Поэтому Пятаков сказал, что химию надо сорвать всеми путями. Мы встали на путь задержки строительства и пуска новых цехов химической промышленности. Вместе с управляющим трестом «Коксохиммонтаж» Яновским мы построили работу по новому строительству таким путем, что химические цеха вступали в эксплоатацию на год, на два года позже коксовых печей. Это было нами сделано в отношении Мариупольского завода. На том же заводе были пущены коксовые печи без единого обслуживающего цеха, т. е. без угольного склада, без которого совершенно невозможно давать доброкачественный кокс, без подсобных мастерских, химических лабораторий и т. д.

Система вредительских мероприятий была осуществлена на Ново-Енакиевском коксо-химическом заводе и на Криворожском заводе.

Были еще аналогичные акты по Горловскому заводу. Задержано было строительство мойки на строительстве Старо-Енакиевской углеобогатительной фабрики.

Вышинский: Не было ли у вас разговора с Пятаковым о его новой поездке за границу?

Логинов: Пятаков указывал, что он в 1935 году вновь был за границей. Он мне говорил, что получил от Троцкого подтверждение директивы о том, чтобы установить связь с иностранцами-фашистами, находящимися внутри Союза, более решительно, чем это проводилось до этого времени. При этом Пятаков мне указывал, что имеется совершенно твердая договоренность Троцкого с фашистскими организациями в Германии и договоренность с руководящими правящими кругами в Японии о совместной борьбе против советской власти.

Вышинский: На каких условиях?

Логинов: Он сказал, что вопрос идет о больших территориальных уступках как на Востоке, так и на Украине и что мы сейчас должны будем всеми мерами содействовать поражению Советского Союза.

Вышинский: Когда он вам говорил это?

Логинов: Он говорил мне об этом в начале 1936 года.

Вышинский: О совещании в этот период Пятаков вам не говорил?

Логинов: Не говорил.

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Вы говорили, что после получения директивы от Троцкого вы хотели собраться и обдумать, как дальше быть. Вы говорили об этом с кем-нибудь из членов центра?

Пятаков: Я говорил об этом с Радеком и Сокольниковым. Мы предполагали собрать сначала самый центр с привлечением Томского. А после центра — собрать круг людей, которые были, если можно так выразиться, областными организаторами.

Вышинский: Решая вопрос о том, что это должен быть узкий круг людей, вы исходили из остроты вопроса?

Пятаков: Это был разговор между Радеком, мной и Сокольниковым. И я и Радек понимали, что постановка такого вопроса перед активом троцкистской организации неминуемо повлечет за собой и обсуждение, и дискуссии, и, по всей вероятности, раскол; поэтому речь шла об очень узком круге людей.

Вышинский (обращаясь к Логинову): Теперь о Ратайчаке. Скажите, как вы были с ним связаны по преступной деятельности? На какой почве вы соприкасались?

Логинов: Так как Ратайчак хорошо знал коксо-химическую промышленность, я рассказывал ему, какие мероприятия мы намечали.

Вышинский: Мероприятия преступного порядка?

Логинов: Да, были общие точки соприкосновения в преступной деятельности.

Когда стал вопрос об установлении связи с фашистскими организациями, я Ратайчаку сказал, что ему надо было бы поговорить с Граше, которого я не знал лично, но слыхал о нем от Москалева.

Вышинский: Что вы говорили Ратайчаку о связи с Граше и агентами иностранной разведки?

Логинов: Я говорил, что перед нами стоит задача установления связи с иностранными разведками.

Вышинский: Как Ратайчак отнесся к вашему сообщению?

Логинов: Ратайчак в этот момент как раз искал через кого можно было бы установить связи с иностранной разведкой, и я ему указал на Граше.

Вышинский (обращаясь к Ратайчаку): Был у вас такой разговор с Логиновым?

Ратайчак: Да, такой разговор имел место. Логинов сообщил мне, что имеет соответствующую директиву от Пятакова. Скоро от Пятакова получил директиву и я.

Вышинский: Обвиняемый Пятаков, вы подтверждаете это показание?

Пятаков: В основном подтверждаю.

Вышинский: Ссылаясь на вас, Логинов говорил, что с ним Ратайчак советовался, как найти человека, через которого можно установить связи с агентами немецкой контрразведки. Правильна ссылка Ратайчака на вас?

Пятаков: Правильна.

Вышинский (обращаясь к Логинову): Кроме этого разговора с Ратайчаком, у вас были еще беседы по поводу конкретных преступных действий?

Логинов: С Ратайчаком у меня был еще разговор относительно вредительской работы в коксохимии.

Вышинский: Известно ли вам что-либо о преступной деятельности Лившица?

Логинов: Вернувшись из Берлина в 1931 году в конце лета или в начале осени, я встретился с Лившицем и передал полученные мною в Берлине от Пятакова директивы. Я сообщил Лившицу о создании Пятаковым украинской троцкистской организации, куда входил также и Лившиц.

В 1932 и 1933 гг. в троцкистском подполье на Украине нам пришлось с Лившицем проводить совместную работу. Мне было известно о той работе, какую Лившиц начал проводить в Харькове на железной дороге. Известны были те лица, которые были вовлечены Лившицем в состав троцкистской подпольной организации. Лившиц разделял позиции террористические. Уехал он с Украины в 1933 году— тогда, когда к практической деятельности по террору мы еще не приступили. Снова встретился с Лившицем в начале 1936 года и узнал от него, что он довольно успешно работает на железной дороге, что он связан не только с теми лицами, каких я знал по Украине, но что у него есть целый ряд связей с другими лицами.

Вышинский (обращаясь к Лившицу): Вы не имеете никаких замечаний по поводу показаний свидетеля Логинова?

Лившиц: Нет.

Председательствующий: У защиты есть вопросы к свидетелю?

Коммодов (обращаясь к Логинову): К какому году относится ваш разговор с Ратайчаком относительно Граше?

Логинов: Ко второй половине 1934 года.

Коммодов: Вредительские акты, о которых вы говорили, в частности на Горловском заводе, предшествовали этому разговору?

Логинов: Это было в 1935 году.

Вышинский (обращаясь к Ратайчаку): После разговора с Логиновым вы потом связались с Граше?

Ратайчак: Да.

Вышинский: Следовательно, оправдалось то, что Граше может связаться с агентами германской разведки?

Ратайчак: Оправдалось.

Председательствующий: У подсудимых нет вопросов?

Подсудимые: Нет.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БОГУСЛАВСКОГО

Председательствующий: Подсудимый Богуславский, вы подтверждаете свои показания, которые давали на предварительном следствии?

Богуславский: Да, подтверждаю.

Вышинский: Расскажите, в чем выражалась ваша преступная троцкистская деятельность в Сибири?

Богуславский: В Сибири моя деятельность началась с начала февраля 1928 года, когда я приехал туда после исключения меня XV съездом из партии. В Новосибирске, куда я приехал для работы, находилось несколько активных, видных в прошлом, троцкистов. Там были: Муралов, Кроль, Сумецкий, Сурнов. Кроме того, в Барнауле был Сосновский, в Минусинске был Смилга и скоро в Томск приехал Радек.

В конце февраля 1928 года я получил через Сосновского директиву Троцкого о создании сибирского троцкистского подпольного центра. Задачи, которые ставились тогда этому центру, сводились, во-первых, к тому, чтобы максимально сохранить в Сибири те кадры троцкистов, которые не были подвергнуты государственным репрессиям или репрессиям партийного порядка — исключению и т. д. Во-вторых, — к объединению и направлению подпольной деятельности находящихся в разных местах Сибири троцкистов. В-третьих,—к распространению, в первую очередь по районам сосредоточения ссыльных троцкистов, подпольных документов и, наконец, последнее — к организации материальной помощи троцкистам, которые находились в Сибири в ссылке.

Этот центр был организован в следующем составе: руководитель центра — Муралов Н. И., я — Богуславский, Сумецкий, Кроль, Сурнов, Сосновский, Белобородов, а затем по приезде и Радек.

Вышинский: Радеку объявили об этом?

Богуславский: Да, объявили. Причем вопросы текущего непринципиального характера разрешались тем составом центра, который постоянно находился в Новосибирске, а вопросы принципиального характера разрешались, согласовывая их тем или иным способом с теми членами центра, которые находились вне Новосибирска в других районах Сибири.

Отвечая на вопросы государственного обвинителя, с кем в Москве был связан сибирский центр, Богуславский показывает, что в 1928 году — с Эльциным, в 1930—31 и 32 гг. — со Смирновым.

Вышинский: Когда и где вы встречались с Пятаковым?

Богуславский: В начале 1932 года, месяца не помню, видимо в феврале, в Наркомтяжпроме, в кабинете Пятакова.

Вышинский: В последующие годы встречи были?

Богуславский: Были.

Вышинский: Когда и где?

Богуславский: В 1933 году — там же, в Наркомтяжпроме, в 1934 году — на квартире у Пятакова.

Вышинский: Не можете ли вы припомнить, о чем вы с ним говорили в 1932—1933 и 1934 гг.?

Богуславский: В 1932 году Пятаков информировал меня о свидании, которое имело место в Берлине между Пятаковым, Смирновым и Шестовым — с одной стороны, и Седовым — с другой. Он сказал мне о том, что во время этих встреч была получена директива Троцкого, которая ставит на иные рельсы работу троцкистов, а именно: основным методом работы становится террор, т. е. осуществление террористических актов против руководителей партии и правительства, а затем, как он тогда мне сказал, задача заключается в том, чтобы чинить всяческие затруднения в хозяйственной работе Советского Союза.

Это указание Пятакова в отношении террора меня не очень удивило, ибо я об этом знал со слов И. Н. Смирнова, в конце 1931 года. Тут я должен сказать о создании нового сибирского центра. Это совпадало с 1932 годом.

Вышинский: В чем было дело?

Богуславский: Произошло это вот в связи с чем. В 1929 году Смирнов передал нам директиву Троцкого о том, чтобы, не складывая оружия, не разоружаясь идейно, разоружаться организационно, заявлять о прекращении фракционной работы, возвращаться в партию, причем, насколько можно, в своих заявлениях сохранить кое-какой идейный багаж из старого троцкистского арсенала, что мы с И. Н. Смирновым и сделали. В связи с новой директивой Троцкого, о которой я говорю и которую мне передал в части террора Смирнов, а в другой части—Пятаков, встал вопрос о воссоздании в том или ином виде троцкистского сибирского центра. Смирнов прямо сказал, что этот центр должен состоять из руководителя Муралова Н. И., меня — Богуславского и Сумецкого, которые все были членами старого троцкистского центра, благодаря чему сохранялась преемственность в работе.

Позднее, в 1934 году, в состав сибирского центра был введен также и Дробнис.

Работа в 1932 году, главным образом, сводилась к налаживанию растерянных связей и подготовке к организации террористических актов. Причем непосредственное руководство террористической работой принял на себя руководитель центра Муралов.

Одновременно я лично нащупывал возможность проведения в жизнь второй части директивы о создании, так называемых, затруднений в проведении хозяйственной политики советского правительства и партии. Я был связан по своей работе с хозяйственными кругами Сибири, и эта работа была возложена на меня.

Тогда в разгаре было строительство Кузнецкого металлургического завода. Поэтому в промышленности вредительская работа должна была проводиться по линии Кузбасса и затем, одновременно с этим, — на транспорте.

Давая мне директиву о создании затруднений в хозяйственной политике партии и правительства, Пятаков сказал, что в Кузбассе

работает Шестов, человек ему известный, и что этот Шестов имеет директиву приступить к осуществлению вредительских действий в Кузбассе, в угольной промышленности и на важнейших стройках.

По возвращении в Новосибирск, я о своем разговоре рассказал Муралову. Он подтвердил, что действительно имеет директивы и предложил заняться проведением вредительской работы на транспорте. Я тогда же приступил к этой работе. В том же 1932 году мне стало известно от Муралова о том, что в Новосибирске организована террористическая группа под руководством Ходорозе, причем эта террористическая группа имеет задание от него, Муралова, подготовить, и когда ей будет указано—совершить покушение на секретаря западно-сибирского краевого комитета партии Эйхе. Кроме той террористической группы, о которой я упоминал, группы Ходорозе, в 1933 году Муралов сообщил, что создана террористическая группа в Кузбассе, имеющая задачей подготовить покушение на руководителей партии, которые бывают в Кузбассе. Муралов сообщил мне также, что руководитель первой группы Ходорозе командировал одного из участников этой группы Николая Иванова в Москву для совершения убийства Сталина. В 1933 году мною были созданы троцкистские ячейки на Омской дороге.

Вышинский: Конкретно, для каких целей?

Богуславский: По проведению всех мероприятий, намеченных по транспорту. В конце 1933 года я имел разговор с руководителем этой организации на Омской дороге Финашиным, который мне сообщил, что работа поставлена в нескольких депо Омской дороги, причем главное внимание направлено на паровозное хозяйство. Что же касается Томской дороги, то там была организована группа в 1933 году — руководитель Оберталлер, Житков — руководитель локомотивного отдела паровозной службы Томской дороги и Эйдман — главный инженер. Оберталлер сообщил, что на Томской дороге также поставлено вредительство.

Вышинский: Кто такой Оберталлер?

Богуславский: Он был начальником строительства дороги. Оберталлер назвал мне депо, где были созданы низовые ячейки троцкистов и где, опять-таки, вредительская работа направлена, главным образом, на паровозное хозяйство.

В 1934 году работа сибирского центра и в частности моя работа переходит на новые рельсы. В 1934 году я имею вторую встречу с Пятаковым, причем эта встреча была на квартире у Пятакова. Найдя работу нашу совершенно неудовлетворительной, Пятаков поставил уже задачи, которые хотя были не новы, но звучали по-новому. В 1934 году впервые в нашем лексиконе появляется громко сказанное слово — «вредительство». В ответ на мои якобы некоторые упадочнические настроения, которые были вызваны арестом Смирнова И. Н. и целого ряда лиц в 1933 году (а этот разговор был в начале 1934 года), Пятаков сказал:

Надо развернуть работу, тем более, что от Троцкого имеются письма, директивы. Он обвиняет нас в ничегонеделании, граничащем, как он тогда говорил, с саботажем его, Троцкого, директив.

Вышинский: Вы делали что-нибудь по этим директивам в 1934 году?

Богуславский: По отдельным встречам, которые у меня были с членами центра Мураловым и Сумецким, я знал о том, что Дробнис осуществил связь с Норкиным, что привлечена довольно значительная группа инженерно-технического персонала и что там работа эта развернута.

Что касается работы на транспорте, которой руководил я сам, то в 1934 году значительно увеличивается количество аварий на железной дороге, которые осуществлял Житков. В 1934 году значительно увеличивается количество и процент выхода из строя паровозов. И, наконец, в 1934 году осуществляется особенно значительно вредительская работа на строительстве новых железных дорог, в частности, на дороге Эйхе — Сокол.

В 1934 году мне стало известным, что кроме тех террористических групп, о которых я говорил, группы Ходорозе и Шестова, Муралов поручил директору одного из совхозов—Кудряшеву—совершить террористический акт против Председателя Совнаркома Молотова, приезд которого ожидался в Сибирь, и в частности в этот совхоз. Об этом мне сказал Муралов.

Вышинский: Кто готовил этот террористический акт?

Богуславский: Кудряшев, по поручению Муралова.

Вышинский (о б р а щ а я с ь к М у р а л о в у): Обвиняемый Муралов, было такое дело?

Муралов: Поручение было дано не Кудряшеву, а Шестову и Ходорозе.

Вышинский (о б р а щ а я с ь к Ш е с т о в у): Вы подтверждаете показание Муралова, что он вам поручил организовать покушение на товарища Молотова?

Шестов: Да, подтверждаю.

Вышинский (о б р а щ а я с ь к Б о г у с л а в с к о м у): Обвиняемый Богуславский, разъясните.

Богуславский: Подготовка террористических актов велась таким образом, чтобы они не были сосредоточены в одном месте. Шестову поручено было организовать террористический акт против Молотова, если он приедет в Кузбасс, что и было сделано обвиняемым Арнольдом. Но параллельно это же было поручено Кудряшеву. Я это утверждаю, об этом мне сказал сам Кудряшев. Организация Шестовым террористических групп таким образом, чтобы они могли осуществить террористический акт в любом месте Кузбасса, не исключает подготовки этого акта в совхозе...

Вышинский: От кого Кудряшев получил такое задание?

Богуславский: От Муралова.

Вышинский: О подготовке покушения на Молотова Шестовым вам было известно от кого?

Богуславский: От Муралова.

Вышинский: На кого готовил покушение Житков?

Богуславский: Это было покушение, которое подготавливал Житков против Кагановича, но это было позже, это было в 1935 году.

Вышинский: А против тов. Кагановича еще кто-нибудь готовил покушение, кроме Житкова?

Богуславский: Да, Шестов. Он готовил группы, которые должны были действовать, если кто-нибудь из членов правительства, в том числе и Каганович, приехали бы в Сибирь.

Вышинский: А известно вам, что Бермант готовил покушение?

Богуславский: Да. Но Бермант был здесь, в Москве.

Вышинский: Отвечайте, Бермант готовил или не готовил террористический акт?

Богуславский: Готовил.

Вышинский: Это вам известно было от кого?

Богуславский: От самого Берманта.

Из дальнейших ответов Богуславского на вопросы государственного обвинителя выясняется, что он знал Берманта с 1928 года как члена подпольной троцкистской организации.

Вышинский: Вам Бермант был известен с 1928 года как член троцкистской подпольной организации. Вам известно было, что у Берманта хранилось оружие?

Богуславский: Он мне об этом сообщил.

Вышинский: А не было ли разговора, чтобы он переправил это оружие к вам в Сибирь?

Богуславский: Было специальное указание о том, чтобы он переправил это оружие в Западную Сибирь. И он повез это оружие, но был арестован, и оружие было отобрано в августе 1936 года. А предложение я ему сделал в июле 1936 года.

Вышинский: Почему вы на допросе об этом скрывали и не говорили?

Богуславский: Я не скрывал. Это в моих показаниях имеется.

Вышинский: Вы сразу стали давать откровенные показания?

Богуславский: Нет, не сразу, но скоро.

Вышинский: Сначала вы не давали никаких показаний, потом стали давать. Может быть, это объясняется какими-нибудь специфическими условиями вашего содержания под стражей, может быть, на вас было оказано какое-нибудь давление?

Богуславский: Нет.

Вышинский: Может быть, вам было просто предложено давать те показания, какие вы дали дальше, обусловив это облегчением вашей участи?

Богуславский: Нет.

Вышинский: Следовательно, вы совершенно добровольно, искренне стали давать эти показания по своим внутренним личным убеждениям?

Богуславский: Совершенно верно, и, если мне будет разрешено судом, я хочу изложить эти мотивы.

Вышинский: Какие мотивы вас, Богуславского, старого троцкиста, десяток лет отдавшего борьбе на троцкистских позициях против партии, против советской власти, до самого дня ареста эту свою антисоветскую троцкистскую деятельность проводившего, какие мотивы заставили вас говорить то, что вы говорите, разоблачать людей, разоружаться и т. д.? Что вас к этому привело?

Богуславский: Что меня привело к этому? Я здесь перед судом должен прямо сказать, что в последние годы, я хочу сказать, что в 1934, 35, 36 гг. меня не только смущало, но очень тяготило то преступное положение, в котором я находился.

В связи с этим, я хочу указать на ту совершенно нетерпимую и невероятную гниль внутри троцкистской организации, которой я не мог не чувствовать на каждом шагу. Признаюсь, что очень многое для меня стало ясным только на самом процессе и раньше мне было совершенно неизвестно. Я не могу не признаться перед судом, какое гадливое, омерзительное чувство мною овладело, когда Радек рассказывал здесь о том, что еще не успел оформиться блок с зиновьевцами, а уже начались разговоры о том, как бы кто-нибудь кого-нибудь не объегорил в этом блоке...

Второе это то, что мы, ведя работу на месте, абсолютно не знали, что за нашими спинами проводится распродажа иностранному капиталу нашей страны. Отчасти я узнал об этом, когда мне было вручено обвинительное заключение. Но для меня все стало ясно лишь здесь, когда я слушал показания Пятакова и Радека.

Вышинский: От вас Пятаков и Радек скрывали?

Богуславский: Они же здесь показали, что последнюю директиву Троцкого конца 1935 года в особенности скрывали и никому о ней не говорили, в том числе и мне.

Конечно и без этого я обязан был понимать, хотя бы то, что понимает каждый рабочий и колхозник в нашей стране, куда это ведет. Мы, стоя на точке зрения невозможности построения социализма в одной стране, вступая на путь террора и вредительства, должны были себе отдавать отчет в том, что же мы собираемся строить, если не социализм. Ведь есть социализм и капитализм.

Вышинский: Но это вы когда поняли?

Богуславский: Да, правильно, я об этом и говорю. Когда меня арестовали, я чувствовал себя в положении человека, который ходит у глубокой пропасти и знает, что он должен в нее упасть. В течение 8 дней, до моих первых показаний, для меня уже было совершенно ясно, что пора кончать. Конечно, я это понял слишком поздно... Ведь на самом деле отвратительно все, что мы делали, начиная с этой отвратительной диверсантской работы. Говорят, «рыба воняет с головы», и эту голову мы должны были отсечь, но мы этого не сделали. И мы проводили вредительские действия, диверсионные акты, в целях обеспечения поражения нашего Союза. Я совершил преступление.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ДРОБНИСА

Председательствующий: Подсудимый Дробнис, вы подтверждаете те показания, которые вы давали на предварительном следствии и Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в Новосибирске?

Дробнис: Да.

Вышинский: Вы подтверждаете показания Богуславского о том, что вы были членом западно-сибирского троцкистского центра?

Дробнис: С конца июля 1934 г. На меня было возложено руководство всей вредительской и диверсионной работой по всему Кузбассу.

Вышинский: А до этого вы принимали какое-нибудь участие в подпольной троцкистской преступной деятельности после 1927 года?

Дробнис: После возвращения моего в партию в 1929 году, троцкистская деятельность моя возобновилась в начале 1932 года. У меня был ряд сомнений, которые послужили источником дальнейшей моей преступной деятельности. Зная о моих настроениях, И. Н. Смирнов беседовал со мной о необходимости возобновления троцкистской контрреволюционной работы, о новых директивах Троцкого о переходе к тактике террора. Я эту установку Смирнова принял.

Смирнов сказал, что мне нужно связаться с Пятаковым, который несколько подробнее меня информирует. Так как в 1932 году я уехал в длительную командировку, с Пятаковым связался только в феврале 1933 года.

В Средней Азии, куда я ехал на работу, я по указанию Пятакова связался со Смилгой и Сафоновой, причем Смилга, информируя меня, сказал, что дело заключается в том, чтобы организовать и развернуть террористические группы для того, чтобы можно было их импортировать в Москву в случае, если этого потребует центр.

Я прожил в Средней Азии весь 1933 год и в мае 1934 года оттуда уехал, потому что было решение троцкистского центра перебросить меня в Западную Сибирь. Так как Пятаков располагал возможностью перебросить меня по линии промышленности, эта задача разрешалась вполне легко.

Вышинский: Значит, Пятаков использовал свое служебное положение и перебрасывал вас, куда это ему было надо?

Дробнис: Ну, конечно, само собой понятно. В 1934 году, перед тем, как отправиться в Западную Сибирь, я имел беседу с Пятаковым у него в кабинете. Пятаков мне подчеркнул и подтвердил необходимость моей поездки в Западную Сибирь для того, чтобы укрепить там троцкистскую контрреволюционную деятельность, и вместе с тем выдвинул совершенно новую задачу: не только террор, но и диверсия, и вредительство. Он повторил, что надо действовать энергично и настойчиво, не останавливаясь ни перед какими средствами. Все средства необходимы и хороши,—это директива Троцкого, которую разделяет троцкистский центр.

Пятаков сказал также, что необходимо привлечь к этой работе и специалистов из числа бывших вредителей и тех, кто контрреволюционно настроен, и что мне необходимо в Западной Сибири связаться с Шестовым, Леоновым и Владимиром Косиором.

Пятаков мотивировал необходимость диверсионной и вредительской работы исключительно внутренними соображениями. Он мне ни тогда, ни после, при нашей вторичной встрече, ни слова не сказал о новых установках и о договорах со всякими иностранными государствами, которые ведет Троцкий и на что он получает визу от центра. Он мне ни слова не сказал об имеющихся соглашениях и сговорах насчет раздела страны и пр. и т. д.

Мне было указано о необходимости связаться с западно-сибирским центром, и я по дороге в Кемерово, куда был назначен заместителем начальника Кемеровокомбинатстроя, имел беседу с руководителем западно-сибирского центра Мураловым. Муралов мне сказал, что он сам непосредственно руководит террористической работой, что созданы группы Ходорозе, Шестова и др., что имеются террористические группы в Томске, главным образом в вузах. Муралов также сказал, что он непосредственно руководит и вредительской работой в сельском хозяйстве по Западной Сибири, причем одним из его ближайших сотрудников является Меерченко, что работой по вредительству на транспорте ведает Богуславский, а мне надо будет обратить внимание на работу в Кузбассе.

Я задал вопрос Муралову: каково отношение к этому центру Раковского? Муралов ответил, что Раковский до момента своего отхода, не являясь членом западно-сибирского центра, однако, был непосредственно связан с ним и был прекрасно информирован о новой тактике, о новых директивах Троцкого относительно террора и диверсии.

Вышинский: В Кемерово вы связались с местными троцкистами?

Дробнис: В Кемерово я стремился заслужить доверие партийных и советских организаций, чтобы уменьшить подозрительное и недоверчивое отношение к себе и потом начать вербовать людей. В марте 1935 года я был вызван к Пятакову, чтобы проинформировать его о моей вредительской, диверсионной работе в Кузбассе и особенно на Кемеровском химическом комбинате. Пятаков сообщил мне, что на Кемеровском химкомбинате по его поручению развернул уже довольно серьезную вредительскую работу начальник строительства комбината Норкин и что этой работой занимается главный инженер Карцев. В этой же беседе Пятаков сказал, что Троцкий требует наиболее энергичной наступательной работы, причем он подчеркнул, что не надо стесняться средствами.

Я вернулся обратно в Кемерово, связался с Норкиным, и мы развернули работу. Норкин мне сказал, что у него имеется, хотя и неписаный, план вредительской работы. Я против этого плана не возражал, тем более, что этот план в некоторых частях в значительной мере был выполнен.

Вышинский: Как вы узнали об этом плане, в чем он заключался?

Дробнис: План этот, разработанный Норкиным, был согласован с Пятаковым. Одна из вредительских задач в плане — это распыление средств по второстепенным мероприятиям. Второе — это торможение строительства в таком направлении, чтобы важные объекты не ввести в эксплоатацию в сроки, указанные правительством.

Вышинский: Главным образом, по предприятиям оборонного значения?

Дробнис. Да. Далее частые перепроектировки, задержка расчетов с проектирующими организациями, из-за чего проекты получались очень поздно. Это, само собой понятно, задерживало темпы и ход строительства.

В действующих предприятиях по коксо-химическому заводу сознательно был допущен ряд недоделок, которые очень серьезно отражались на работе завода, понижали качество продукции, давали кокс очень высокой влажности и зольности. Несмотря на то, что рабочие коксо-химического завода стремились улучшить работу, им это не удавалось вследствие вредительства, которое там проводилось.

Кроме того организовывались и аварии. Имели место две аварии очень серьезного характера. Правда, без смертных случаев, но рабочие получили серьезные повреждения.

Вышинский: Дальше?

Дробнис: По указанию центра мне также надо было связаться с Шестовым. Шестов приехал ко мне в Кемерово осенью 1935 года. При этой встрече Шестов рассказал, какие у него намечены мероприятия, главным образом, по срыву шахтостроения, снижению добычи угля и ряду других мероприятий. Он мне посоветовал, чтобы я использовал на Кемеровском руднике бывшего вредителя Пешехонова для вредительской работы.

Шестов, очевидно, не мог охватить Кемеровского рудника. Поэтому мне пришлось непосредственно заняться этим делом. Мне удалось получить связи с заместителем начальника, а потом начальником шахты «Центральная» Носковым, с Шубиным, Куровым и при их помощи провести вредительскую работу.

Вышинский: Носков, Шубин и Куров — это все те, которые судились по кемеровскому процессу?

Дробнис: Да. В одной беседе Носков заявил мне о том, что Пешехонов ему сказал, что он привлек в организацию для вредительской работы немецкого инженера Штиклинга.

Вышинский: Тот самый Штиклинг, который проходил по кемеровскому делу?

Дробнис: Да. Я ответил Носкову: это хорошо. Таким образом, была развернута работа и на Кемеровском руднике. В июле 1935 года Носков докладывал мне о том, что им подготовлен взрыв шахты «Центральная», которой он руководил. Я это одобрил.

Вышинский: А вы обсуждали вопрос о том, в каких условиях этот взрыв должен произойти?

Дробнис: Носков сказал, что такое вредительское мероприятие, как загазирование шахт, связано со взрывом и влечет за собою человеческие жертвы. Я сказал: что же, надо и на это пойти. Это будет даже хорошо, ибо вызовет озлобление рабочих и даст возможность привлечь их симпатии на нашу сторону.

Вышинский: Вы, значит, не только одобрили этот план Носкова — взрывать шахту, но дали также санкцию на то, чтобы это было произведено в условиях прямой гибели рабочих?

Дробнис: Я спрашивал у Носкова — можно ли произвести такой вредительский акт без жертв? Он мне сказал, что это исключено. Я после этого сказал, что тут миндальничать нечего, на это надо пойти.

Вышинский: Как вы объяснили это?

Дробнис: Я говорю, что... что надо... я уже говорил о том, что надо пойти и на это, что это даже... и если даже это вызовет жертвы, это в свою очередь вызовет озлобление рабочих и тут будет польза нам.

Вышинский: Но это же не то, что вы пытались здесь утверждать. Вы здесь говорили, что спрашивали Носкова: нельзя ли без жертв обойтись? По вашим словам выходит, что вы не только не хотели жертв, но, наоборот, вы считали, что чем больше будет жертв, тем лучше будет для вас.

Дробнис: Да, ну так, примерно...

Вышинский: Ну я понимаю, что об этом неловко вам, конечно, говорить здесь перед народом, говорить такие вещи неловко, но надо говорить. Тут ничего не поделаешь. Вы говорили о том, что смущаться этим нечего?

Дробнис: Говорил.

Вышинский: А это означает, что если погибнут при этом рабочие, пускай погибнут. Вы подбадривали Носкова?

Дробнис: Да.

Вышинский: Насчет убийства рабочих подбадривали, и даже говорили, что чем больше убийств, то будет лучше? Так я понимаю вас?

Дробнис: Да.

Вышинский: Потом этот взрыв был произведен?

Дробнис: Я был арестован 6 августа, а взрыв был 23 сентября.

Вышинский: А санкцию на взрыв вы дали?

Дробнис: Санкцию я дал в конце или середине июля.

Вышинский: Следовательно, ваш арест не помешал осуществлению взрыва потому, что оставался на шахте Носков?

Дробнис: Да.

Вышинский: А можно было помешать?

Дробнис: Помешать? Конечно, можно было.

Вышинский: Кто мог помешать?

Дробнис: Я мог помешать.

Вышинский: Не помешали?

Дробнис: Не помешал.

Вышинский: Взорвали?

Дробнис: Да.

Вышинский: Хотя сидели, но взрыв произошел?

Дробнис: Да.

Председательствующий: Подсудимый Дробнис, а какие вы давали советы Носкову относительно вопросов, если бы все выяснилось, на кого нужно было свалить эти диверсионные вредительские акты?

Дробнис: Свалить всю вину на беспартийных специалистов.

Председательствующий: Хотя бы ни к чему не причастных?

Дробнис: Ну, само собой понятно.

Вечернее заседание 25 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО МУРАЛОВА

Вышинский: Будьте добры, скажите о своем участии в западно-сибирском подпольном троцкистском центре.

Муралов: В начале 1931 года, будучи в командировке в Москве, я увиделся с Иваном Никитичем Смирновым. Он мне рассказал, что был за границей и виделся там с Седовым, рассказал о новых установках Троцкого относительно применения террора в отношении к руководству коммунистической партии и правительства. Смирнов посоветовал восстановить наш сибирский центр в составе известных ему и мне лиц, тех, которые в 1929 году опять вошли в партию. Эти имена были указаны—Сумецкий и Богуславский. Первой задачей этого центра было собирание троцкистских сил и организация крупных террористических актов. Приехав в Новосибирск, я постарался повидаться с Сумецким и Богуславским и передал им то, что предложил Иван Никитич Смирнов и что я воспринял, как должное. Они тоже согласились со мной, и в таком составе начал функционировать троцкистский контрреволюционный центр в Сибири. Я — руководитель, Сумецкий должен был собирать кадры, главным образом, среди молодежи высших учебных заведений. Троцкисту Ходорозе я поручил организовать террористическую группу. Он сформировал ее в 1932 году. Объект террористического акта — секретарь краевого комитета ВКП(б) Эйхе.

В этом же 1932 году в Новосибирск приехал Шестов и привез письмо от Седова. Это письмо содержало в себе много беллетристики и было написано обыкновенным способом, но то, что было не беллетристикой, было расшифровано антипирином, а именно — директива Троцкого о переходе к террористическим действиям. Письмо подтверждало то, что сказал Смирнов.

В 1932 году я получил еще одно письмо от Седова, которое мне привез Зайдман — троцкист-инженер. В нем предлагалось ускорить террористические акты по отношению к Сталину, Ворошилову, Кагановичу и Кирову.

В 1933 году я опять получил письмо от Седова, в котором говорилось, что «старик доволен нашей деятельностью». В 1934 году я связался с Пятаковым и информировал его о нашей деятельности. Пятаков осведомил меня о том, что вошел в соглашение с правыми. Меня сначала

удивило, что правые встали на наши позиции и в смысле террора, и в смысле вредительства, и что у них есть свой центр в составе Томского, Рыкова и Бухарина. Эта новость меня удивила, во-первых, потому, что я считал их оппортунистами, а, во-вторых, трусливыми людьми, не способными на острые действия (движение в зале). Пятаков мне заявил, что они изменились. Тут же я узнал о составе запасного центра, в котором состояли Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков.

Что касается организации террористических групп и действий, то первая группа была организована Ходорозе под моим непосредственным руководством в составе 3—4 лиц в Новосибирске; затем — группа в Томске из Кашкина (директор индустриального института) и Николаева (его ассистент), с которыми я виделся, дал указания, одобрил их план покушения на случай приезда туда Эйхе. Группы были организованы Шестовым в Прокопьевске и в Анжерке. В Прокопьевске мы пытались в 1934 году совершить террористический акт против Молотова, но акт оказался неудачным. Так что фактически никаких террористических актов в Западной Сибири не было совершено.

Вышинский: Не удались?

Муралов: Да, не удались.

Вышинский: А подготовлялись?

Муралов: Подготовлялись.

Вышинский: Не удались потому, что вы отказались, или это от вас не зависело?

Муралов: Нет, тогда просто не удалось.

Вышинский: Расскажите, пожалуйста, подробно, как была организована попытка совершить покушение на жизнь товарища Молотова, кому вы дали такое поручение, кто это организовал?

Муралов: Я поручил это Шестову. Он сказал мне, что у него есть уже подготовленная группа, во главе которой стоял, кажется, Черепухин, и что подготовлен шофер, который готов пожертвовать своей жизнью для того, чтобы лишить жизни Молотова. Но в последний момент шофер сдрейфил, не рискнул пожертвовать своей жизнью, и таким образом сохранилась жизнь Молотова.

Вышинский: В чем выражалась самая попытка покушения?

Муралов: Автомобиль должен был свернуть в канаву на полном ходу. При таком условии автомобиль переворачивается по инерции вверх ногами, машина ломается, люди...

Вышинский: Позвольте спросить Шестова. Подсудимый Шестов, вы подтверждаете в этой части показания Муралова?

Шестов: Да. Припоминаю еще, что в начале июня 1933 года я говорил Муралову, что ожидается приезд в Кузбасс Орджоникидзе, и получил от Муралова установку на совершение террористического акта против Орджоникидзе.

Вышинский: Получив прямое поручение от Муралова о подготовке террористических актов, что вы сделали практически?

Шестов: Когда я узнал о приезде Молотова, я сделал распоряжение Черепухину о немедленном выезде в Прокопьевск для личного руководства террористическим актом против Молотова. Он так и поступил.

Как потом он мне сообщил, он поручил Арнольду совершить этот террористический акт. В подготовительном плане предусматривалось совершение террористического акта путем автомобильной катастрофы и было выбрано два удобных места. Это, кто знает Прокопьевск, возле шахты № 5, по направлению к рудоуправлению, и второе место — между рабочим городком и шахтой № 3. Там не канавка, как говорил Муралов, а овраг метров в 15.

Вышинский: «Канавка» в 15 метров! Кто выбирал это место?

Шестов: Я лично вместе с Черепухиным.

Вышинский: Кто говорил исполнителям об этих местах?

Шестов: Исполнителям говорил Черепухин. Он сказал мне, что ему удалось посадить за руль машины Арнольда.

Вышинский: А кем был тогда Арнольд?

Шестов: Арнольд был заведующим гаражом. Он опытный шофер. Причем, как мне говорил Черепухин, он даже предусмотрел дополнительную перестраховку. Она заключалась в том, что если почему-либо Арнольд сдрейфит, вторая грузовая машина, идущая навстречу, должна ударить в бок легковую машину, так что обе машины должны были полететь в овраг.

Действительно, Арнольд вез Молотова, повернул руль и тем самым дезориентировал тяжелую машину, которая проскочила в надежде, что Арнольд попал в овраг. На самом деле он хотя и повернул руль в овраг, но повернул недостаточно решительно, и ехавшая сзади охрана сумела буквально на руках подхватить эту машину. Молотов и другие сидящие, в том числе Арнольд, вылезли из уже опрокинутой машины. Вот что мне тогда докладывал об этом Черепухин. Анализируя это положение вместе с Черепухиным, мы пришли к заключению, что Арнольд дал недостаточное количество газа и сделал недостаточно крутой поворот.

Вышинский: Позвольте спросить Арнольда. Обвиняемый Арнольд, вы слышали показания Шестова? Правильно он показывал?

Арнольд: Техническое оформление недостаточно обрисовано...

Вышинский: А по существу факт был?

Арнольд: Да, был.

Председательствующий: Возвращаемся к допросу обвиняемого Муралова.

Муралов: Разрешите по поводу объяснения Шестова. Я не буду вступать в дискуссию с Шестовым — канавка или овраг...

Вышинский: Вы лично были на месте, где находится канавка?

Муралов: Нет, не был.

Вышинский: Если вы не видели места, не можете оспаривать.

Муралов: В дискуссию я не буду вступать. Второе — относительно 1932 года и указаний Шестова о покушении на Орджоникидзе. Категорически заявляю, что это относится к области фантастики Шестова. Таких указаний я никогда не давал.

Вышинский: Разрешите спросить Шестова. Подсудимый Шестов, вы слышали? Муралов отрицает ваше показание.

Шестов: Я самым решительным образом настаиваю на своих показаниях. Я ему сказал, что у меня террористическая группа в Прокопь-

евске готова. Установку Муралова я в точности передал Черепухину, который принял ее к руководству. И потом Черепухин мне докладывал, что не совершил этого террористического акта лишь потому, что группа, которая должна была стрелять из револьвера в шахте Коксовой, дрогнула, а машиной в то время Орджоникидзе не воспользовался.

Вышинский: Расскажите, пожалуйста, после убийства Сергея Мироновича Кирова вы встречались с Пятаковым?

Муралов: Встречался.

Вышинский: Не было у вас разговора по поводу убийства Сергея Мироновича Кирова?

Муралов: Был разговор. Мы делились впечатлением, которое этот акт произвел на всех, и о том, что все-таки директива приводится в исполнение: одного человека уже убрали.

Вышинский: Одного убрали! А не говорил Пятаков, что теперь очередь за остальными?

Муралов: Подтверждаю, говорил.

Вышинский: А не говорилось ли, что террор вообще не дает результатов, когда убьют только одного, а остальные остаются, и поэтому надо действовать сразу?

Муралов: И я, и Пятаков — мы чувствовали, что эсеровскими партизанскими методами действовать нельзя. Надо организовать так, чтобы сразу произвести панику. В том, что создастся паника и растерянность в партийных верхах, мы видели один из способов притти к власти.

Вышинский: Что вас привело к борьбе против советской власти в таких острых формах, как организация террористических актов?

Муралов: Начало грехопадения нужно считать с того момента, когда я подписал первый документ против партии. Это заявление 46-ти в 1923 году. С этого началось грехопадение, а потом втянулся я в троцкистскую организацию, вплоть до исключения меня из партии и посылки в Западную Сибирь. Тут, конечно, была обида за себя и за других, так сказать, озлобление.

Вышинский: Меня интересует, почему вы решили давать правдивые показания? Изучая следственное производство, я вижу, что на протяжении ряда допросов вы отрицали свою подпольную работу. Правильно?

Муралов: Да. До 5 декабря. 8 месяцев.

Вышинский: Почему же вы в результате решили дать правдивые показания и дали их? Изложите мотивы, по которым вы решили выложить все на стол, если все выложили.

Муралов: Тут, по-моему, три причины, которые меня сдерживали и заставляли все отрицать. Одна причина — политическая, глубоко серьезная, две — исключительно личного характера. Начну с наименее важной, с моего характера. Я очень горячий, обидчивый человек. Это первая причина. Когда меня посадили, я озлобился, обиделся.

Вышинский: Когда вас сажают, вы не любите?

Муралов: Не люблю. Вторая причина тоже личного характера. Это — моя привязанность к Троцкому. Я морально считал недопустимым изменить Троцкому, хотя и не считал директиву о терроре, разру-

шениях правильной. У меня все время скребло сердце, я считал, что это неправильно. Тут были и дружеские отношения и политические соображения. Третий момент — как вы знаете, в каждом деле есть перегибы.

И я думал так, что если я дальше останусь троцкистом, тем более, что остальные отходили — одни честно, другие бесчестно,— во всяком случае они не являлись знаменем контрреволюции, а я — нашелся герой... Если я останусь дальше так, то я могу стать знаменем контрреволюции. Это меня страшно испугало. В то время на моих глазах росли кадры, промышленность, народное хозяйство... Я не слепец и не такой фанатик.

И я сказал себе, чуть ли не на восьмом месяце, что надо подчиниться интересам того государства, за которое я боролся в течение 23 лет, за которое сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске.

Как же я останусь и буду дальше продолжать и углублять это дело? Мое имя будет служить знаменем для тех, кто еще есть в рядах контрреволюции. Для меня это было решающее, и я сказал: ладно, иду и показываю всю правду. Не знаю, удовлетворил ли мой ответ вас или нет?

Вышинский: Все понятно. У меня больше вопросов нет.

Председательствующий: У защиты вопросов нет?

Защитники: Нет.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШЕСТОВА

Вышинский: Подсудимый Шестов, по возможности коротко сообщите о вашей преступной деятельности.

Шестов: Моя преступная деятельность началась в конце 1923 года. Будучи тогда студентом рабфака Московской горной академии, я активно защищал троцкистскую платформу.

В 1924 году я впервые обманул партию, когда осенью на одном из партийных собраний заявил, что отхожу от троцкизма. В конце 1925 года я снова начал активно драться с партией Мне тогда было поручено заведывать подпольной типографией. Я размножал троцкистскую литературу.

В 1930 году я работал в Новосибирске, а в 1931 году попал в командировку в Москву. Примерно в конце февраля я узнал, что в Германию должна поехать большая группа директоров. Я был тогда членом правления Востокугля, связался с председателем правления и просил его помочь мне выехать в Германию. Я тогда уже слышал, что руководить этой группой будет Пятаков. Выезд мне был разрешен. В начале мая я уже был в Германии.

Должен немного вернуться назад и сказать, что в 1926 году я имел несколько личных встреч с Троцким. В том же году встречал Пятакова.

Итак, в начале мая или в середине мая я был в Берлине у Пятакова в кабинете один на один и после деловых разговоров задал ему воп-

рос: «Как понимать ваше заявление, опубликованное в печати? Есть ли это результат действительного отхода от троцкизма или это вынужденный шаг?»

Пятаков спросил меня: читал ли ты последнюю литературу, которая продается в Берлине? Я сказал, что надеюсь с нею познакомиться. А что касается поднятого вопроса, сказал Пятаков, то советую поговорить на эту тему с И. Н. Смирновым.

Я так и поступил. Дня через два связался со Смирновым.

Смирнов тогда сказал мне так: сейчас резко изменилась обстановка в Советском Союзе, и вы сами понимаете, что борьба с открытым забралом невозможна. Сейчас задача троцкистов заключается в том, чтобы войти в доверие партии и тогда снова с удвоенной и утроенной силой пойти в атаку. Смирнов посоветовал мне поговорить подробно о новом последнем курсе с Седовым. Я охотно выразил согласие.

При встрече с Седовым я задал ему вопрос, что же думает наш вождь, Троцкий, какие конкретные задачи он ставит перед нами, троцкистами. Седов начал с того, что нечего сидеть у моря и ждать погоды; нужно всеми силами и средствами приступить к активной политике дискредитации сталинского руководства и сталинской политики. Далее, заявил Седов, его отец считает, что единственно правильный путь, путь трудный, но верный, это — путь насильственного удаления Сталина и руководителей правительства путем террора. Видя, что я поддаюсь на его слова, он перевел разговор на новую тему. Он спросил меня, не знаю ли я кого-либо из директоров немецких фирм, в частности — Дейльмана. Я сказал, что такую фамилию помню, это директор фирмы «Фрейлих — Клюпфель — Дейльман». Эта фирма ведет по договору техническую помощь, проходку в Кузнецком бассейне. «Ну, вот, я вам и советую с этой фирмой, говорит Седов, связаться и познакомиться с г-ном Дейльманом». Я задал вопрос, для чего связаться. Он сказал, что эта фирма помогает отправлять корреспонденции в Советский Союз. Я тогда ему сказал: «Вы что же мне советуете, чтобы я вошел с этой фирмой в какую-то сделку?» Он говорит: «Что же тут страшного? Вы же понимаете, что, раз они нам оказывают услугу, почему мы не можем им оказать услуги, давать некоторую информацию?»

Я говорю: «Вы мне предлагаете просто-напросто быть шпионом». Он пожал плечами и говорит: «Напрасно вы бросаетесь такими словами. В борьбе ставить вопрос так щепетильно, как вы ставите, неправильно».

В десятых числах июля встретились мы со Смирновым, и он прямо задал вопрос: «Ну, какие у тебя настроения?» Я сказал, что у меня нет личных настроений, а, как учил наш вождь Троцкий, я — руки по швам и жду приказаний. Тут же я его спросил: «Иван Никитич, мне Седов велел связаться с фирмой «Фрейлих — Клюпфель — Дейльман», ведущей в Кузнецком бассейне шпионскую, диверсионную работу». Смирнов сказал: «Брось бравировать такими громкими словами, как шпион и диверсант». Он говорил: «Что ты находишь страшного, если к этой работе привлечь немецких диверсантов». Он убеждал меня,

что другого пути нет. После этого разговора я дал согласие на связь с фирмой.

Вышинский: Какие вы имели поручения и как вы их выполняли?

Шестов: Я имел до отъезда свидание с директором упомянутой фирмы Дейльманом и его помощником Кохом.

Вышинский: В чем заключалась сущность вашего разговора?

Шестов: Сущность этого разговора с руководителями фирмы «Фрейлих — Клюпфель — Дейльман» была такова. Во-первых, о доставке шпионских сведений через представителей этой фирмы, работающих в Кузбассе, и об организации совместно с троцкистами вредительской и диверсионной работы. Говорилось и о том, что фирма, в свою очередь, окажет поддержку нам.

Вышинский: Говорил ли вам Дейльман, какими средствами они окажут поддержку?

Шестов: Он говорил о том, что они имеют уже своих людей...

Вышинский: Где?

Шестов: В Кузбассе. И что они могут еще подбросить людей по требованию нашей организации, а троцкистская организация окажет всемерную помощь этим диверсантам. В свою очередь, эта фирма берется осуществить связь между троцкистской организацией в Советском Союзе, в том числе и со мной...

Вышинский: Это с одной стороны, а с другой?

Шестов: А с другой стороны — с Седовым. Что эта фирма обязуется безукоризненно доставлять идущие в мой адрес письма с пометкой «Алеша», а также идущие обратно, что они окажут всемерную помощь приходу к власти троцкистов, а мы заключим с фирмой договор на проектирование проходки шахт и на достаточно большое размещение заказов на оборудование. Тогда же мне было сказано, что у них имеется в Кузбассе их агент Строилов и что по приезде я свяжусь с этим Строиловым.

Вышинский: А вас не заинтересовало, каким образом Строилов, находящийся в Кузбассе, стал агентом Дейльмана?

Шестов: Перед этим Строилов жил достаточное время в Германии.

Вышинский: Значит, разговор был откровенный?

Шестов: Да, разговор был прямой.

Вышинский: Дальше что случилось?

Шестов: Дальше я приступил к конкретной оперативной работе. Я начал с вербовки инженера Строилова. Явившись на его квартиру, я вопрос поставил прямо. Сказал, что мне известно о его связи с фирмой «Фрейлих — Клюпфель—Дейльман». Поэтому я прямо сказал, что нечего ему складывать оружие, а нужно снова начать активно работать по линии разрушительной и подрывной. Мне неважно было завербовать одного Строилова, а важно было завербовать его единомышленников. Я знал, что он пользуется большим доверием у ряда инженеров, у меня не было сомнений, что они связаны и по контрреволюционной работе. Я предупредил его: не подумайте сообщить обо мне в ГПУ, я достаточно авторитетен в Западно-сибирском крае, вам никто не поверит. А если я скажу о вашей работе то, что знаю, вы безусловно будете немедленно арестованы. Строилов растерялся и сказал, что от-

вет даст завтра. А на другой день Строилов сказал, что он согласен принять участие в нашей организации. Строилов должен был составить вредительский план в следующем направлении:

1) Срывать новое шахтное строительство и проводимую реконструкцию старых шахт.

2) Стремиться организовать строительные работы на новых шахтах и на реконструируемых шахтах таким образом, чтобы новые объекты входили в эксплоатацию по частям. Мы имели в виду оттянуть освоение проектных мощностей.

3) Ввести такие системы выемок угля, при которых достигались бы максимальные потери с расчетом возникновения подземных пожаров.

4) Умышленный срыв подготовки новых горизонтов и новых шахтных полей с целью нанести сокрушительный удар не только по рудничному хозяйству шахт и рудников Кузбасса, но и по металлургии Урала и Западной Сибири.

5) Умышленный срыв подготовительных работ с целью создать разрыв между очистными и подготовительными работами.

6) Усилить более эффективными мерами разрушение механизмов, в особенности занятых непосредственно на доставке, транспортировке и откидке угля. Этими актами мы имели в виду не только сорвать план угледобычи, но вызвать озлобление рабочих.

7) Наконец, последнее — саботаж ударничества, а в последующее время — саботаж стахановского движения, издевательство над рабочими.

План был мне Строиловым показан. Я его рассмотрел.

Вышинский: И сейчас же принялись за дело?

Шестов: Да.

Вышинский (к Строилову): Подсудимый Строилов, я хотел бы проверить эту часть показания Шестова. Вы были долго в Германии?

Строилов: Больше года.

Вышинский: Как вы были там завербованы?

Строилов: Не фирмой «Дейльман», а инженером Вюстером. Это был видный инженер, занимавший большое общественное положение. Он мне сказал, что имеет связь с определенными политическими и промышленными кругами. Он меня завербовал.

Вышинский: В качестве кого?

Строилов: В качестве лица, которое должно в пользу Германии проводить вредительские разрушения.

Вышинский: В пользу какого учреждения? Государство-то государство, а в государстве есть разные органы. Попросту говоря, вы были связаны с германской разведкой?

Строилов: Да.

Вышинский: При чем же здесь была фирма «Дейльман»?

Строилов: Фирма «Дейльман» меня тоже знала.

Вышинский: Тоже знала или тоже завербовала?

Строилов: Нет, вербовал меня Вюстер. Но, очевидно, фирме «Дейльман» было известно о вербовке меня инженером Вюстером.

Вышинский: Когда Шестов явился из-за границы в Кузбасс, он действительно был у вас на квартире и предлагал совместную работу по вредительству?

Строилов: Да, теперь о Шестове, когда он был у меня на квартире. На мой недоуменный вопрос, что я далек от их троцкистской внутрипартийной работы и что мне представляется непонятным, о каком контакте может итти речь между мной, беспартийным инженером, и троцкистской организацией, он ответил, что этот вопрос, вопрос внутрипартийной работы, является пережитком пройденного этапа, а что сейчас перед ним поставлены троцкистами и немцами такие же задачи, как и передо мной. Разницы никакой нет.

Вышинский: Вас это убедило?

Строилов: Нет, меня не это убедило. Убедило меня то, что, зная его характер...

Вышинский: Какой характер?

Строилов: Он передал бы меня ГПУ. Я просто боялся.

Вышинский: Он взял вас террором? (Смех в зале.)

Строилов: Нахрапом, так сказать. (Смех в зале.) Он указывал на ту фирму, которой я оказывал некоторое содействие до приезда Шестова.

Вышинский: Вы были в руках у этой фирмы? Как вы попали к ней в лапы?

Строилов: В лапы к ней я попал по рекомендации двух немцев: фон Берга и Дейльмана. Это лица, которые, ну, как бы сказать, обхаживали меня. Метод, который они применили, состоял в том, что фон Берг предъявил мне обвинение, будто при приглашении иностранных специалистов, посещая шахты, я занимался коммунистической агитацией.

Вышинский: Вы в действительности проводили коммунистическую агитацию?

Строилов: Нет. Нам категорически было запрещено лезть в какую-либо политическую работу за границей. Но Берг сказал, что было два случая, когда во время приглашения специалистов я об этом говорил. Я помню, что во время одного такого приема специалистов явились двое штатских из уголовной немецкой полиции. Но, главным образом, на чем я споткнулся, это было то, что при одном разговоре в сентябре при посещении фирмы «Вальрам», изготовляющей твердые сплавы и находящейся в определенных взаимоотношениях с Круппом, я за завтраком вел плохой разговор с Бергом. С моей стороны и с его стороны контрреволюционных вещей сказано не было. Но, видя мое полное согласие с пятилеткой и со всем, что у нас проводится, он сказал: «Вы это говорите потому, что молоды, а я, живший в России лет 15, прекрасно знаю настроения и положение, и, вот, если бы вы господина Троцкого почитали, то вы бы по-другому заговорили». Признаться, тогда я и прочитал книгу Троцкого «Майн Лебен». При одной встрече с фон Бергом он внезапно спросил меня: «Прочитали ли вы книгу?» Я сказал, что прочитал.

В одну из моих поездок в Рурский бассейн Дейльман-старик, его сын и инженер Бегеман от фирмы «Эйкгоф» явились ко мне в гостиницу. Разговор состоял в том, что мы, русские вообще и в частности я, господин Строилов, совершенно не ценим гостеприимства немцев, которые предоставляют нам возможность везде бывать, все изучать

и так далее, а мы платим черной неблагодарностью, русские переносят заказы в Англию и в Америку. Они потребовали, чтобы я всячески популяризировал в технической печати и перед торгпредством их продукцию. Я ответил, что это не от меня зависит. В конце концов, они перешли просто к угрозам: нам известно, мол, что вы приняли в СССР некоторое количество людей, которые являются нашими представителями. Я говорю, что я об этом не знаю. Они перечисляют каких-то людей. Да, факт. Я их принял. Они говорят: «Нам известно, что вы ведете коммунистическую агитацию». Я говорю, что это совершенно неверно.

Они поставили дилемму — одно из двух: или мы запретим вам всяческие посещения, или при очередной какой-нибудь поездке мы посадим вас в тюрьму. Пусть похлопочут о вас ваши торгпредства, но они из-за вас конфликта не затеют.

А потом снова перешли к вопросу о том, что, «в конце концов, мы — хорошая фирма. Если вы будете нас рекомендовать, ничего подозрительного здесь нет». И я затем оказывал им помощь...

Вышинский: Все-таки это недостаточные основания для того, чтобы сделаться агентом разведки.

Строилов: Конечно, недостаточные. Агентом разведки я сделался в апреле 1931 года. А этот разговор, о котором я сейчас передаю, относится к началу ноября или к концу октября 1930 года.

Вышинский: Расскажите, как вы сделались агентом разведки?

Строилов: В конце ноября 1930 года я приезжал в Москву на сессию ВЦИК как кандидат в члены ВЦИК. Я был у себя в колхозе, где живут мои родители. Мне представлялось тогда, что то, что предпринято с коллективизацией, — неверное дело. Во всяком случае, в отношении тех темпов, которые приняты. Мне тогда представлялось, что и темпы и объемы индустриализации, которые взяты у нас в Союзе, слишком велики. У меня были колебания. Я стал сомневаться...

После того, как я побывал на сессии, я вернулся в Германию. У меня возникло желание остаться в Германии.

Вышинский: Возникло желание остаться в Германии, и вы об этом кому-нибудь сообщили?

Строилов: Я не только сообщил, но дал записочку.

Вышинский: Какую, кому?

Строилов: Вюстеру. Передал записку, что я решился отказаться от возвращения в Союз и выражаю желание остаться в Германии и работать вместе с ними энергично и выполнять их задания.

Вышинский: Как это можно назвать?

Строилов: Изменой... родине.

Вышинский: Измена родине! Русский человек! Советский гражданин! Записочка эта у кого оказалась в руках, у Вюстера?

Строилов: Вюстер заявил, что я теперь в их руках и если я не буду выполнять отдельных их поручений и заданий, то я буду передан в руки советских властей, которым будет предъявлена эта моя личная записка. Поэтому я согласился с Вюстером, то есть сделался изменником.

Вышинский: Таков конец. Садитесь. Можно продолжать вопросы Шестову?

Председательствующий: Пожалуйста.

Вышинский: В чем заключалась ваша шпионская работа?

Шестов: В конце 1932 года в Новосибирске я встретился со Строиловым, и он мне сказал, что прибыла новая достаточно большая группа немецких специалистов-диверсантов.

Вышинский: Назовите фамилии.

Шестов: Я в Прокопьевске был связан с Шебесто, Флореном и Кан. В 1934 году я работал уже управляющим другого рудника и там связался со Штейном.

Вышинский: А через кого вы связались с Баумгартнером?

Шестов: Я узнал об этом человеке от Строилова.

Вышинский: Итак, в конечном итоге, источником является Строилов. Шебесто — Строилов, Кан — Строилов, Баумгартнер — Строилов и т. д. Все Строилов?

Шестов: Правильно.

Вышинский: Разрешите вопрос Строилову. Обвиняемый Строилов, правильно это?

Строилов: Да.

Вышинский (Шестову): Значит, у вас довольно солидная получается компания?

Шестов: Шебесто попросил дать ему план для нанесения на нем ответственных сооружений, чтобы начать кампанию по диверсионной работе. Я ему этот план дал. Он его использовал для диверсий в Прокопьевском районе. Это выразилось в том, что он сделал попытку взорвать ствол и копер шахты № 5. Он заложил снаряд из динамита. Был вложен капсюль, был подведен шнур, оставалось только поджечь шнур. Но взрыв не состоялся лишь потому, что, когда закладывался снаряд под копер и под ствол, кто-то помешал. В следующую ночь рабочий, убиравший мусор около копра, обнаружил снаряд, и он был убран.

Вышинский: Дальше, что еще было?

Шестов: По моему указанию, в одном месте, где было хранилище динамита, при помощи техника Кана воровали динамит и устроили свой потайной склад динамита. В 1934 году этот склад взорвался. Дети шахтеров играли неподалеку от этого места, вероятно, копали и наткнулись на этот динамит. Получился адский взрыв.

Вышинский: А с детьми что было?

Шестов: Погибли.

Вышинский: А для чего воровали динамит, вы не сказали? Для совершения таких же взрывов?

Шестов: (Молчит.)

Вышинский: Для того, чтобы подготовить взрыв шахт?

Шестов: Совершенно правильно.

В мае 1933 года была попытка Шебесто сжечь Кузнецкую электростанцию по поручению германской разведки и по моему поручению.

Вышинский: В чем выразилась попытка поджечь?

Шестов: Мне хорошо было известно от Шебесто, что станцию подожгли.

Вышинский: Значит, была не попытка, а поджог?

Шестов: Да, настоящий поджог. Дальше от Флорена я знаю, что он поджег осенью 1934 года бункера шахты 9-й.

Вышинский: А вот ваша подрывная работа? Вредительский монтаж шахт и другое?

Шестов: Я сейчас к этому перейду. Это очень большой раздел. В Прокопьевском руднике была проведена камерно-столбовая система без закладки выработанной поверхности. Благодаря этой системе мы имели 50 с лишним процентов потерь угля вместо обычных 15—20 процентов. Второе: благодаря этому факту, мы имели на Прокопьевском руднике к концу 1935 года около 60 подземных пожаров.

Вышинский: Кто вам помогал в этой преступной работе?

Шестов: Мне помогал Строилов, управляющий Прокопьевским рудником Овсянников и главный инженер этого же рудника Майер. При их содействии была несвоевременно начата углубка шахт, в частности шахты Молотова, сознательно законсервировали с 1933 года сотый горизонт шахты Коксовой, своевременно не начали углубку шахты Манеиха и шахты 5—6. Задержали до 2 лет. Дальше, по Прокопьевскому руднику лично мною были заложены две крупные шахты 7—8 на таком угольном месторождении, где, я это заранее знал, будут крупные неприятности при эксплоатации. Все это делалось сознательно. На шахте Коксовой, на шахте 5—6 при монтаже оборудования и при монтаже подземной электростанции и других механизмов была проведена крупная подрывная работа. Это проделал завербованный мною инженер Шнейдер с группой своих помощников.

Вышинский: Все?

Шестов: По Анжерке на два года был оттянут ввод в действие шахты 5. Такая же крупная вредительская работа была проделана по шахте 9—15. Дальше проводили крупные мероприятия вредительского и разрушительного порядка на механизмах, находящихся в эксплоатации, как по Ленинскому, так и по Анжеро-судженскому руднику, благодаря которым эти рудники в течение пяти лет сидели в прорыве.

И последнее: на всех рудниках — Прокопьевском, Анжерском и Ленинском — проводился саботаж стахановского движения. Была дана директива вымотать нервы у рабочих. Прежде чем рабочий дойдет до места работы, он должен двести матов пустить по адресу руководства шахты. Создавались невозможные условия работы. Не только стахановскими методами, но и обычными методами невозможно было нормально работать.

Вышинский: Еще два вопроса. Во-первых, наряду с теми преступлениями, о которых вы сейчас говорите, нет ли за вами, я просто скажу, бандитских преступлений в прямом смысле этого слова? Например, грабежей, убийств?

Шестов: Убийства были.

Вышинский: Не террор, а именно убийства?

Шестов: Я припоминаю, что в Прокопьевске был убит террористической группой инженер Бояршинов.

Вышинский: Почему он был убит?

Шестов: Он был убит по моему заданию. Он мне заявил, что на работах Шахтстроя творится неладное. Он обратил на это мое внимание. Я тогда пользовался доверием в кругу инженерно-технических работников. Сам Бояршинов — бывший вредитель Донбасса, но он честно работал на этом руднике.

Вышинский: Он к вам обратился как к авторитетному руководителю?

Шестов: Да. Он хотел раскрыть мне глаза на это. Я ему сказал, что принимаю это к сведению, поблагодарил его и сказал: «Кому нужно, я сообщу, а вы пока молчите». А затем я вызвал Черепухина и дал задание убить его, и это было сделано. (Д в и ж е н и е в з а л е.)

Вышинский: И его убили?

Шестов: Да.

Вышинский: Честного инженера?

Шестов: Да.

Вышинский: Второй вопрос: а с грабежами как дело обстояло?

Шестов: Было ограбление Анжерского банка. При моем участии, по моему заданию.

Вышинский: Как это дело случилось?

Шестов: Дело было в 1934 году. Мною был завербован управляющий отделением Государственного банка Анжеро-судженского района Фигурин, он привлек в организацию старшего кассира Соломина, и они для целей нашей организации изъяли из кассы 164 тыс. рублей и передали мне.

Вышинский: А вы что сделали?

Шестов: Я их так распределил: часть денег, около 30 тыс. рублей, оставил для Анжерской организации, для террористической группы, которая была там — группа Шумахера и Федотова — и для других целей, 40 тыс. рублей я передал Муралову для других организаций, лично ему подведомственных и подчиненных, и 30 тыс. он еще просил у меня для Кемерово. Муралов получил 70 тыс. рублей. Остальные деньги я отдал для Прокопьевской организации. Черепухину я дал около 15 тыс. рублей и около 30 тыс. рублей отдал Овсянникову.

Вышинский: Кто-нибудь контролировал расходование этих денег?

Шестов: Я доверял людям.

Вышинский: Тем более, что деньги государственные... Вопросов больше у меня нет.

Утреннее заседание 26 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШЕСТОВА
(продолжение)

Защитник Казначеев (к подсудимому Шестову): Когда вы вербовали Строилова, вы угрожали ему возможностью выдачи его соответствующим органам?

Шестов: Да.

Казначеев: Такого рода угрозы в отношении Арнольда вам приходилось применять или нет?

Шестов: Нет.

Казначеев: Но вы сказали, что знали об его антисоветских настроениях. Зная, вы это использовали?

Шестов: Использовал. Это дало мне повод для привлечения его к совершению террористических актов. Я свел его с Черепухиным.

Казначеев: Первое поручение, которое давалось Арнольду Черепухиным, говорило об акте против кого?

Шестов: Против Орджоникидзе, но акт не состоялся, так как Орджоникидзе не воспользовался машиной.

Казначеев: Второе поручение какое было дано?

Шестов: Совершить террористический акт против Молотова.

Казначеев: Чем объяснял Арнольд, что его не удалось совершить?

Шестов: Черепухин сказал, что Арнольд сдрейфил.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СТРОИЛОВА

Председательствующий: Подсудимый Строилов, вы подтверждаете те показания, которые вы давали на предварительном следствии, а также на выездной сессии Военной коллегии Верховного суда в ноябре?

Строилов: Да.

Вышинский: Вы можете ли что-нибудь добавить к вашим вчерашним показаниям?

Строилов: Я был послан на два года в Германию и занял должность старшего инженера горной секции технического бюро в торгпредстве. Началось дело постепенно с моего знакомства с фон Бергом. Он пре-

красно говорил по-русски, потому что в дореволюционное время лет 15—20 жил в России, в Петербурге. Берг был осведомителем для ряда органов. У меня был разговор с Бергом относительно вопросов нашего строительства. Берг рекомендовал мне прочитать книгу Троцкого, о чем я вчера говорил.

Когда я был в СССР — в конце ноября — начале декабря 1930 года, этот Берг был тоже в Москве. По телефону он убедительно просил меня к нему зайти. Я не заходил. Тогда он просил прислать открытку с указанием, когда я вернусь в Германию, что я и сделал. Вернувшись в Германию, я виделся с Бергом несколько раз. В одной из бесед он сказал, что в СССР известно о некоторой помощи, которую я оказывал фирмам «Вальрам» и «Эйкгоф». При втором разговоре он добавил, что, очевидно, за мною следят, и в СССР известно о моих антисоветских разговорах, а поэтому мне необходимо остаться в Германии.

В конце марта 1931 года я связался с Вюстером, которого мне рекомендовал фон Берг, для того, чтобы он устроил мне поездку в Чехословакию и Францию для выяснения вопросов относительно разработки мощных угольных пластов. Вюстер сказал мне, что «это можно устроить, но так как вы не немец, то нужно иметь какое-то письменное доказательство о том, что вы наш человек и не подведете меня». И я дал документ, о котором уже говорил, то есть согласие не возвращаться в СССР и остаться работать в Германии вместе с ними и выполнять их поручения. Дня через три-четыре, это было 2 апреля, я поехал к нему на улицу Армштрассе, второй этаж, кажется, 59 номер. Вюстер сказал мне: «Никакого разговора ни об оставлении вас в Германии, ни о вашем посещении Франции и Чехословакии быть не может». Я, признаться, опешил и сказал, что это просто бесчестно. Он ответил: «Никакой бесчестности тут нет. Личная записка вами дана, и поэтому вы должны выполнять наши поручения, как вы обязались, господин Строилов».

Он повышенным тоном заявил, что сейчас говорит не от себя, а от тех политических кругов, которые могут сделать одно из двух: или на основании ряда данных о якобы моей агитации засадить меня в германскую тюрьму, или же на основании этой записки — в советскую тюрьму. Я согласился выполнять указания Вюстера, то есть, попросту говоря, сделаться предателем. В том же разговоре он указал, что мои ближайшие задачи состоят в том, чтобы я помогал немецким специалистам, а в особенности тем, кто по условленному паролю — «Привет от Вюстера» — обратится ко мне, чтобы я оказывал им всяческое содействие в размещении их на определенные должности в СССР, содействовал им в работе, не обращая внимания на технические недостатки.

Он указал мне далее, что я должен принимать меры к затормаживанию развития каменноугольной промышленности СССР. Попросту говоря, это была директива о вредительстве.

11 апреля была получена телеграмма с вызовом меня в СССР. В Новосибирске я был назначен сначала заместителем начальника управления рационализаторских и исследовательских работ, а в 1932 году — начальником этого управления. Примерно месяца через два ко мне стали являться по условленному паролю некоторые из немецких специалистов. До конца 1934 года ко мне обратились 6 человек: Зоммер-

эггер, Вурм, Баумгартнер, Маас, Хауэр и Флесса. Эти агенты разведки, как я из дальнейшего убедился, были распределены по наиболее ведущим местам.

В августе один из них затеял разговор об одном официальном лице... В начале 1931 года он сказал, что это официальное лицо знает меня. А через полтора месяца, примерно в апреле 1931 года, мне было сказано, что это официальное лицо передает мне привет и просит не забывать тех обязательств, которые мною взяты. Таким образом, вокруг меня затянулась и вторая петля. Директивы от этого официального лица мало чем отличались от директив Вюстера. Это была как бы подгонка.

Вюстеру я послал три информации. В ответ я получал директивы.

Вышинский: Какие директивы вы получали?

Строилов: Контрреволюционные, разрушительные директивы.

Первая моя информация—в январе 1932 года, через инженера Флесса, рассказывавшая об огромном плане строительства в Кузбассе, была по существу шпионской. В августе Флесса вернулся и сказал, что Вюстер требует, чтобы я приступил к созданию организации из контрреволюционно-настроенных специалистов. В 1933 году через Зоммерэггера я передал Вюстеру, что к созданию организации мною приступлено.

В 1934 году, примерно, в июне, через Зоммерэггера, ехавшего в отпуск, я передал— сколько привлечено специалистов из числа советских граждан в контрреволюционную организацию, какие рудники охвачены, сообщал, что прием шахт в эксплоатацию и их освоение становится вредительским. На это последовало указание перейти к решительным вредительским, разрушительным действиям.

Что касается официального лица, то все его указания в основном сводились к расстановке людей. В частности, инженер Штиклинг по настоянию этого официального лица был послан и рекомендован мною для связи с контрреволюционной организацией в Кемерово.

Мне было сделано предупреждение о том, чтобы я не вздумал поднять какой-нибудь бунт в связи с проведением чисто провокационных мероприятий.

Председательствующий: Подсудимый Строилов, вы желаете говорить о действиях официального лица, которое вы называли на заседании выездной сессии в Новосибирске?

Строилов: Да, официального лица.

Председательствующий: Учтите, что на заседании суда вы не должны называть фамилии официальных лиц, государственных учреждений и представителей.

Строилов: Хорошо. По настоянию этого официального лица производилось натравливание советских и иностранных рабочих на советское правительство.

По ходатайству государственного обвинителя, подсудимому Строилову предъявляется записная книжка, где значится запись московского телефона фон Берга при посещении последним Союза ССР. Строилов удостоверяет, что книжка принадлежит ему, Строилову, и что эта запись сделана им самим.

Тов. Вышинский просит суд приобщить к делу справку отеля

«Савой» о том, что Берг Г. В., германский подданный, коммерсант, жил в отеле «Савой» с 1 по 15 декабря 1930 года. Номер телефона комнаты, занимавшейся Бергом, совпадает с номером, записанным в книжке Строилова.

Тов. Вышинский просит суд приобщить к делу и дневник Строилова, где описываются его встречи и разговоры с Вюстером, Бергом и Зоммерэггером и содержатся ссылки на письмо Вюстера.

Вышинский (к Строилову): Теперь перейдем к вашей вредительской диверсионной деятельности.

Строилов: Об этом уже вчера указывал Шестов, и он не мог не указывать потому, что план вредительской разрушительной работы составлялся вместе с ним, как представителем западно-сибирского центра троцкистской организации.

К чему сводилась эта работа? Иностранным специалистом Шебесто была сделана попытка к взрыву копра на шахте 5—6. Были неоднократные попытки краж из центрального управления чертежей и зарисовок механизмов, испытываемых в промышленной обстановке и являвшихся нашими советскими изобретениями. Это относится к отбойному молотку, буровой машине и др. Затем намечалось поджечь электростанцию. Как сообщил мне впоследствии Зоммерэггер, оказалось, что промежуточная перегородка в машинном зале действительно была подожжена. Прохождение подземных выработок на шахте 5—6 поставлено было таким путем, что это полностью лишало возможности осуществить электровозную откатку. Затем была предложена так называемая система «Шеффло» по имени ее авторов: Шебесто, Флесса и Отта, дающая потерю 80% угля.

Далее, были сделаны попытки прекратить все работы на верхнем горизонте в Прокопьевске. Заведомо преступно были спроектированы скреперные лебедки. На шахте Коксовая фундамент компрессоров был наглухо связан с фундаментом здания. Это привело к такому дрожанию стен здания, что они вот-вот должны были развалиться.

На шахте им. Рухимовича инженером Вебером искусственно задерживалась проходка уклона для вскрытия нижнего горизонта, что повлекло за собой недопоставку коксующихся углей. В течение 2 лет инженер Хауэр, игнорируя достоинство механизмов английских и американских, занимался перепроектировками только тех механизмов, которые изготовляют немецкие фирмы, в надежде на то, что эти механизмы закупят у них. Флесса всячески компрометировал оборудование завода им. Кулакова и проводил линию на необходимость выписывать электротехническое оборудование из-за границы.

Я не могу сказать, что все 70 немецких граждан, которые у нас работали, были вредителями-диверсантами. Вовсе нет. Эту вредительскую деятельность вели перечисленные мною 6 человек, а также те лица, о которых упоминал Шестов. Затем можно указать на Штиклинга, который работал на шахте Северной.

Теперь я должен сказать о нашем планировании. Руководство там проводилось троцкистом Вершковым, но я был в курсе дела. Каждая шахта планировалась и проектировалась так, как будто отводы при-

надлежали отдельным хозяевам, — без учета подъездных путей, электроэнергии, дорог, и получалось такое положение, что шахты сдавались в эксплоатацию, а работать они не могли.

Вышинский: До какого состояния вы довели Кемеровский рудник?

Строилов: В последний раз я там был в 1935 году. Я был вызван туда управляющим рудником потому, что общественные и партийные организации стали косо смотреть на осуществлявшиеся там работы. Рудник я нашел в очень плохом состоянии. Выработка была сдавлена, что не давало возможности открывать забои; вагоны и электровозы не давали возможности нормально доставлять лес. Вовсе не было выдержано соотношение пластов. Вентиляция запущена. Капитальные работы для второго горизонта не проводились. Такого состояния работы я нигде не видел. Это являлось следствием вредительства, которое осуществлялось группой Пешехонова. Я был вынужден ему сказать, чтобы он работал с головой, прекратил такую оголтелость. Эти мои указания выполнены не были.

На вопрос, почему он мер никаких не принял, когда мое личное распоряжение об этом было и как руководителя контрреволюционной организации и как главного инженера (в з а л е с м е х), он ответил, что поговорил с моим заместителем Андреевым — начальником капитальных работ — и они решили положение на руднике не улучшать, полагая, что я возражать не буду.

Вышинский: Значит, перехлестнули?

Строилов: Перехлестнули.

Председательствующий: Суд удовлетворяет ходатайство государственного обвинителя о приобщении к делу справки директора гостиницы «Савой» о том, что там с 1 по 15 декабря 1930 года проживал иностранный гражданин Берг. Справка заверена директором гостиницы и имеет печать.

Равным образом, суд удовлетворяет ходатайство государственного обвинителя о приобщении к делу телефонно-адресной книжки Германского государства, VII издание, том II, где значится берлинский адрес Вюстера, совпадающий с записью в записной книжке Строилова.

Государственный обвинитель просит суд приобщить к делу четыре въездных производства иностранного отделения административного отдела президиума Мособлисполкома о въезде в СССР и месте жительства инженеров Вюстера, Берга, Флесса и Шебесто. По просьбе тов. В ы ш и н с к о г о Строилову предъявляются 20 фотоснимков разных иностранцев. Рассмотрев снимки, С т р о и л о в опознает фотографии каждого из инженеров — Вюстера, Берга, Флесса и Шебесто.

Суд удостоверяет, что фотоснимки эти, предъявленные Строилову и опознанные им, идентичны фотоснимкам, имеющимся во въездных производствах.

Подсудимый Ш е с т о в из предъявленных ему фотографий опознает снимки Флесса и Шебесто.

Суд удостоверяет, что фотоснимки Флесса и Шебесто, опознанные Шестовым, также идентичны снимкам, имеющимся во въездных производствах.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО НОРКИНА

Председательствующий: Приступаем к допросу подсудимого Норкина.

Подсудимый Норкин, вы подтверждаете показания, которые дали в январе этого года?

Норкин: Да.

Вышинский: Какую должность вы занимали в Кемерово?

Норкин: Начальника Кемеровокомбинатстроя.

Вышинский: Кто вас направил туда на эту должность?

Норкин: Пятаков.

Вышинский: С какими целями?

Норкин: В 1933 году мне стало ясно, что основа моей посылки в Кемерово заключается в том, что я должен выполнять подрывную работу на важнейшем объекте химической промышленности, имеющем огромное оборонное значение. Это мне стало ясно из тех заданий, которые я получил в 1933 году, как член троцкистской организации, от непосредственно руководившего моей работой Пятакова.

Вышинский: Что же вам сказал Пятаков?

Норкин: В основном это заключалось в том, чтобы вести работу по задержке этого строительства в целях подрыва государственной мощи, чтобы при больших капиталовложениях иметь меньше эффекта, причем капиталовложения направлять не на основные объекты, а на менее важные.

Вышинский: То есть омертвлять эти капиталы?

Норкин: Да.

Вышинский: Говорилось ли что-нибудь о мобилизационной готовности различных агрегатов, имеющих оборонное значение?

Норкин: Я подтверждаю то, что сказал. Комбинат этот имеет оборонное значение. Поскольку часть средств отвлекалась, это приводило к ослаблению оборонных объектов. В качестве основного метода нашей работы предусматривалась перепроектировка предприятий, главным образом, под предлогом увеличения мощности или рационализации, оттяжка проектных работ, задержка строительства.

Вышинский: Все эти установки были вам даны Пятаковым?

Норкин: Да.

Вышинский: В каком году?

Норкин: В 1933 году.

Вышинский: Когда вы были назначены на Кемерово?

Норкин: В 1932 году.

Вышинский: А при вашем назначении Пятаков с вами вел разговоры о преступной организации, в которой он и вы участвовали?

Норкин: Я до этого был вовлечен в организацию.

Вышинский: Следовательно, вы ехали в Кемерово со старыми установками, которые вы получили от Пятакова еще раньше? Когда именно?

Норкин: Я исчисляю свое оформление в организации с 1931 года. Тогда и были получены все основные установки троцкистской организации.

Наиболее определенный разговор, где были сформулированы для меня конкретные задания по Кемеровскому комбинатстрою, относится к 1933 году. Из последующих разговоров о нашей совместной деятельности я должен напомнить разговор в середине 1935 года, когда были даны более резкие установки на усиление подрывной работы, и разговор, имевший место недавно, перед моим арестом, где я получил задание о проведении взрывов и поджогов во время войны.

Вышинский: С Ратайчаком у вас была какая-нибудь связь?

Норкин: С Ратайчаком у меня прямых связей не было. Я в последующем узнал о том, что Ратайчак — свой человек.

Вышинский: Как вы это узнали, почему?

Норкин: Я получил одно указание от Ратайчака и оказалось, что оно имело ту же самую цель, какая стояла передо мной, но тактика была другая. Речь идет о строительстве завода на правом берегу. Мы имели в виду добиться затяжки этого строительства нашим обычным путем. Ратайчак предлагал новые методы, но это было связано с обязательным взрывом фундамента, с существенной переделкой. Одним словом, шума было много, но не давало никакого эффекта. Я пробовал протестовать против этого, но получил указания, что надо слушаться Ратайчака, ибо он свой человек.

Вышинский: Что же вами конкретно сделано в области вредительства?

Норкин: Основной итог заключается в том, что строительство важнейших объектов, имеющих оборонное значение, было задержано. Очень существенным итогом является то, что были факты дезорганизации электроснабжения в Кузбассе.

Вышинский: Про диверсионные акты что вы скажете?

Норкин: В 1935 году я получил указание от Пятакова брать основные звенья, чтобы, не распыляясь, получить наибольший результат.

В соответствии с этим мной был задуман вывод из строя нашей ГРЭС путем взрывов. В феврале 1936 года было три взрыва.

Вышинский: К вам обращались органы технического надзора с предупреждением, что то, что вы делаете, может повлечь за собой опасные взрывы?

Норкин: Да.

Вышинский: Был, например, такой случай, чтобы к вам обратились Пономарев и Моносович?

Норкин: Моносовича я не помню, а Пономарева знаю. Он начальник цеха.

Вышинский: Вам было известно, что Пономарев 26 января 1936 года направил на имя начальника цеха котельной записку (т. В ы ш и н с к и й о г л а ш а е т з а п и с к у) с предупреждением, что размол некоторых углей опасен и может вызвать большой взрыв с разрушением оборудования и несчастные случаи с персоналом.

Норкин: Этот документ я видел.

Вышинский: Значит, вас предупреждали, что при такой системе снабжения углем имеется опасность взрывов и что меры предупреждения, принимаемые вами, недостаточны?

Норкин: Эта записка была написана не мне, а директору ГРЭС, и меры принимались не мною, а Пономаревым.

Вышинский: Я знаю. А вот вам, Норкину — начальнику Кемеровского строительства — была адресована записка такого содержания: «При этом прилагаю докладную записку на мое имя заведующего котельным цехом Пономарева об опасностях для станции, возникающих при сжигании некоторых углей... Имея ваше устное распоряжение о сжигании углей, на основании которого я в свою очередь дал распоряжение заведующему котельным цехом, вопреки существующего письменного распоряжения, и имея в виду, что размол некоторых углей может дать взрывы, опасные для оборудования, прошу вас дать указания о прекращении подачи нам этих углей»? Такой факт тоже был?

Норкин: Да, подтверждаю.

Вышинский: Известно ли вам, что инспектор труда 31 января 1936 года сообщил заведующему котельным цехом — тому же Пономареву, с указанием «срок выполнения — немедленно», что на основании ст. 148 Кодекса законов о труде «...вторично предлагаю выполнить указания, отмеченные в таких-то актах, о прекращении сжигания углей, во избежание взрывов...» Это тоже факт?

Норкин: Да, вот это — основной диверсионный акт, который мною лично был проведен.

Вышинский: Имели ли вы какое-либо отношение к террористической деятельности вашей подпольной организации?

Норкин: Я знал, что такая работа проводится.

Вышинский: Что же вам было известно о террористической деятельности?

Норкин: Мне было известно, что убийство Сергея Мироновича Кирова — это осуществленный организацией террористический акт. Я знал, что троцкистская организация намечает и подготовляет целый ряд других актов против руководителей партии и правительства. В такой постановке эти вопросы были мне известны.

Вышинский: Какое вы занимали партийное положение в последнее время?

Норкин: Я был членом краевого комитета партии и членом бюро городского комитета партии.

Вышинский: И одновременно были членом подпольной троцкистской, антисоветской, террористической, диверсионной, шпионской и вредительской организации?

Норкин: Да.

Вышинский: Были ли у вас такие случаи, чтобы вы оказывали членам своей подпольной организации некоторые услуги, используя свое положение члена краевого комитета партии?

Норкин: Все то, что я узнавал в крайкоме, угрожавшее троцкистской организации и отдельным ее членам, я, разумеется, немедленно использовал либо в порядке сообщения, либо в порядке учета.

Отвечая на вопрос государственного обвинителя, почему он после его ареста не сразу сознался в своей преступной деятельности, Норкин показывает, что в этом смысле на него оказала сильное влияние

статья Пятакова о его отношении к процессу троцкистско-зиновьевского центра.

Вышинский: Вы говорите о статье в «Правде»?

Норкин: Я говорю о статье, в которой Пятаков кричал: «Браво, браво, чекисты». Я не мог истолковывать эту статью иначе, как сигнал к тому, чтобы всячески крепиться, как директиву: «Держись». Я думал, что, значит, у Пятакова есть средства продолжать борьбу. Хотя для меня была ясна, в момент ареста и даже до этого момента, безнадежность борьбы, но я все-таки держался при аресте довольно длительный срок.

Вышинский: А потом почему решили отказаться?

Норкин: Потому, что есть предел всему.

Вышинский: Может быть, на вас нажали?

Норкин: Меня спрашивали, разоблачали, были очные ставки.

Вышинский: Как вы вообще содержались, условия камерного содержанця?

Норкин: Очень хорошо. Вы спрашиваете о внешнем давлении?

Вышинский: Да.

Норкин: Никакого давления не было.

Вышинский: Можно лишить человека хорошего питания, лишить сна. Мы знаем это из истории капиталистических тюрем. Папирос можно лишить.

Норкин: Если речь идет об этом, то ничего похожего не было.

Вышинский: Улики вам предъявлялись достаточно веские? Сыграли роль предъявленные вам улики?

Норкин: Сыграло роль, конечно, то, что я понял безнадежность борьбы и понял необходимость выявления всего этого дела.

Отвечая на вопрос председательствующего, какими методами предполагал троцкистский центр захватить власть в период 1935—1936 гг. и на какие при этом силы внутренние и внешние центр рассчитывал, подсудимый Норкин показывает, что основными методами были: террор, вредительство и диверсия, а также привлечение иностранного капитала и максимальное ему благоприятствование в виде концессий и т. д. Что же касается сил внутри страны, на которые предполагал опереться троцкистский центр, то, в первую очередь, имелись в виду кулацкие элементы. Кроме того, в беседах с Пятаковым обсуждались вопросы о привлечении иностранных сил и, в первую очередь, — Германии.

Председательствующий: Последний вопрос. Когда в июле 1936 года Пятаков давал задание подумать об организации поджога химкомбината, вы высказали опасение, что могут погибнуть рабочие?

Норкин: Это есть в показаниях, и я не один раз высказал, а многократно высказывал.

Вышинский: Что вам ответил Пятаков?

Норкин: Пятаков ответил, что жертвы неизбежны. При этом он привел ту фразу, которую я вчера подтвердил: «Нашел кого жалеть».

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ШТЕЙНА

(Штейн дает показания на немецком языке)

Председательствующий: Свидетель Штейн, как ваше имя и отчество?

Штейн: Алекс Михайлович.

Председательствующий: Вы должны дать показания по делу подсудимого Шестова. Где вы работали в Советском Союзе в последнее время?

Штейн: В Ленинске. Я был прорабом по монтажу электрических станций.

Вышинский (к переводчику): Будьте любезны спросить свидетеля Штейна, знает ли он Шестова?

Штейн (через переводчика): Я познакомился с Шестовым в 1934 году.

Вышинский: С тех пор вы часто с ним встречались?

Штейн: Я встречался с Шестовым несколько раз.

Вышинский: Часто ли вы виделись с Шестовым?

Штейн: Часто.

Вышинский: В течение нескольких лет?

Штейн: В 1934, 1935 и один раз в 1936 году.

Вышинский: Я прошу свидетеля Штейна подтвердить, тот ли это Шестов, которого он знает?

Председательствующий: Пожалуйста, свидетель Штейн, посмотрите на сего обвиняемого (указывая на Шестова).

Вышинский: Этот Шестов?

Штейн: Да.

Вышинский (обращаясь к Шестову): Это тот самый Штейн, о котором вы упоминали?

Шестов: Да, это — Штейн, Алексей Михайлович.

Вышинский: Почему же Алексей Михайлович?

Шестов: А мы его в Анжерке все так называли: «Алексей Михайлович».

Вышинский: Что же вам известно о преступных действиях Шестова? Известно вам что-нибудь о тех преступлениях, которые Шестов совершал?

Штейн: Шестов просил, чтобы я для него работал по линии диверсионной.

Вышинский: При каких обстоятельствах и по какому поводу Шестов вам делал такие предложения?

Штейн: Сначала я должен рассказать о своей работе с немецкими инженерами, которые еще раньше, до Шестова, со мною по этой линии работали.

Вышинский: Пожалуйста.

Штейн: В первый раз я говорил об этой работе с инженером Вурм.

Вышинский: «Об этой работе» — это о чем?

Штейн: О причастности к диверсионной работе. Я имею в виду простои на заводах, ломки и порчи машин, неправильную прокладку кабеля. Могу ли я рассказать обо всей истории с Вурмом, о том, как меня привели к этой работе?

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й разъясняет, что свидетель Штейн не может называть в открытом судебном заседании официальных иностранных учреждений, а также фамилий лиц, работающих в этих учреждениях.

Государственный обвинитель т. В ы ш и н с к и й просит председательствующего разъяснить свидетелю Штейну, что эти учреждения и лица могут быть названы свидетелем в закрытом заседании.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й дает такое разъяснение.

Штейн (п р о д о л ж а е т с в о и п о к а з а н и я):

— В 1932 году приехали инженер Вурм и Зоммерэггер. Инженер Вурм пришел ко мне на квартиру, как немец к немцу, и под этим предлогом у нас завязалось знакомство. Инженер Вурм сказал, что мы приехали в Советский Союз не для того, чтобы помочь большевикам. Мы приехали сюда для того, чтобы помочь немецкому государству, немецким фирмам. Дело было в том, что надо было во что бы то ни стало портить машины, которые импортировались из Германии, для того, чтобы иметь возможность импортировать сюда новые машины.

Для этого надо было во что бы то ни стало уничтожать машины таким образом, чтобы это не пошло за счет качества машин, а за счет неспособности русских рабочих. Дело должно было начаться с порчи русских машин.

Он мне рассказал, что это является обязанностью каждого немца, и тот, кто не будет этого делать, не имеет права быть немцем.

В то же время, в 1932 году, приехал инженер Флесса. Он спросил меня, не сделал ли я уже каких вредительских работ. Я сказал ему, что нет. Тогда он назвал меня трусом и изменником Германии.

Вышинский: Кто?

Штейн: Инженер Флесса. Он дал мне прямое указание, чтобы я начал работу. Я должен был связаться с управляющим рудника Шестовым и Флореном, которые прибудут в ближайшее время в Анжерку. Он мне рассказал, что он связан со многими иностранными инженерами, которые за последнее время очень часто бывают в Германии, что он был связан с этими иностранными инженерами и слышал от своих знакомых, приезжающих из Германии в Советский Союз, о том, что Германия во что бы то ни стало хочет получить свою прежнюю силу и мы, немцы, живущие здесь, в Советском Союзе, должны работать по вредительству для того, чтобы этим помочь Германии... Мы должны были через эти наши вредительские работы ослабить силу Советского Союза. Как на практическую работу, он указал, что нужно расстроить энергетическое хозяйство в Советском Союзе, там, где я работаю, уничтожать аккумуляторы, электровозы, что таким образом подземный транспорт будет стоять и шахты будут затоплены. На мой вопрос Флесса сказал, что он получает указания от одного лица, которое близко стоит к Германии, и это же самое лицо при неудаче этих вредительских дел поможет.

Вышинский: А это лицо находилось тогда в пределах СССР?

Штейн: Да.

Вышинский: Это лицо занимало какое-нибудь официальное положение?

Штейн: Да. Кроме этого Флесса советовал мне вступить в коммунистическую партию, чтобы я имел большую возможность доступа к разным работам и тем самым была бы усилена вредительская работа.

Вышинский: А вы сделали что-нибудь, чтобы попытаться вступить в коммунистическую партию?

Штейн: Да. Флесса дал мне совет обратиться к Шестову.

Вышинский: Вы обратились к Шестову? Что из этого вышло?

Штейн: Я был у Шестова, и Шестов дал мне формуляр для того, чтобы я его заполнил.

Вышинский: Анкету, что ли?

Штейн: Анкету, да.

Вышинский: Вы заполнили?

Штейн: Я заполнил.

Вышинский: Кому ее дали?

Штейн: Я передал анкету парторгу.

Вышинский: А дальше что вышло?

Штейн: Я не был принят в партию, потому что в это время началась чистка партии.

Вышинский (обращаясь к Шестову): Подсудимый Шестов, был такой эпизод со Штейном, что вы его хотели протащить в партию?

Шестов: Я ему помог.

Вышинский: А вы знали, что собой представлял Штейн?

Шестов: Да, знал.

Вышинский (к Штейну): Дальше?

Штейн: При этой встрече Шестов сделал мне предложение: я должен стараться во что бы то ни стало некоторые шахты затопить и препятствовать в добыче угля. Я на это согласился. Шестов мне сказал, что нехватает людей для организации. Я спросил, для какой организации. Он мне ответил, что дело идет, главным образом, о троцкистской организации.

Вышинский: Был ли у вас разговор с Шестовым, что ему нужны люди из иностранцев и что у него нехватает людей советских?

Штейн: Он сказал, что у него на руднике имеются инженеры, которые очень честно работают, которых он для этой цели не может использовать.

Вышинский: И поэтому он очень обрадовался, что вы к нему идете?

Штейн: Да, я должен был принять эту работу на себя. Флорен сделал мне то же предложение, что и Флесса. Сам Флорен сделал уже несколько вредительских актов на шахтах и подготовлял большой взрыв на шахте 5—7, где он связан с русскими троцкистами. Почему не произошел взрыв, который подготовлялся Флореном, я не знаю, но я знаю, что Флорен принимал очень значительное участие во вредительских актах на шахтах.

Вышинский: А вам известно, что собой представляют Флорен и Флесса?

Штейн: Нет, они мне не сказали открыто, к какой партии они принадлежат, но я убедился в разговоре с ними, что они являются фашистами.

Вышинский: А были ли они связаны с каким-нибудь официальным лицом, которое находилось на территории Советского Союза?

Штейн: О Флорене я не знаю, но о Флесса я знаю, что он был связан с официальным лицом, находящимся в Советском Союзе.

Вышинский: А было ли это лицо связано с германской разведкой?

Штейн: Я все время думал о том, что все те приказания, которые получали Флесса и Флорен, получаются ими из Германии. Только в последнем разговоре Флесса мне сказал о том, что получает эти задания от одного официального лица, находящегося теперь в Советском Союзе.

Вышинский: Это официальное лицо — иностранного происхождения?

Штейн: Это — человек, который работает для Германии.

Вышинский: Официально работает для Германии?

Штейн: Он является официальным лицом и работает официально.

Вечернее заседание 26 января

ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В начале вечернего заседания председательствующий тов. Ульрих оглашает перечень вопросов технической экспертизе.

Председательствующий: Задаются вопросы эксперту инженеру Лекусу (читает):

«Вопросы эксперту Лекусу в связи с преступной деятельностью Шестова и Строилова в Кузбассе.

А. Горные пожары на Прокопьевском руднике.

1. Причины возникновения пожаров.
2. Последствия этих пожаров.
3. Была ли возможность предотвратить эти пожары.

Б. Состояние вентиляции на Прокопьевском руднике.

1. Причины плохого состояния вентиляции.
2. Последствия плохого состояния вентиляции.
3. Была ли возможность улучшить вентиляцию.

В. Капитальное и реконструктивное строительство по тресту Кузбассуголь на 1932—1936 годы.

1. Соответствие планов проводимого строительства интересам развития бассейна.
2. Последствия неправильного планирования строительства».

Председательствующий: Оглашаю вопросы эксперту инженеру Покровскому (читает):

«Вопросы председателю экспертной комиссии т. Покровскому в связи с преступной деятельностью подсудимых Норкина и Дробниса на Кемеровском комбинатстрое.

А. Взрывы на Кемеровской ГРЭС 3 и 9 февраля 1936 года.

1. Причины взрывов на Кемеровской районной электростанции.

2. Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв.

3. Может ли этот взрыв быть признан случайным или он явился результатом злого умысла.

Б. Аварии на Азотстрое, имевшие место 22 марта и 5 апреля 1936 года.

1. Причины аварий.

2. Имелась ли возможность предотвратить эти аварии.

3. Последствия этих аварий.

4. Могут ли эти аварии быть признаны случайными или они явились результатом злого умысла.

В. Состояние строительства Кемеровокомбинатстроя.

1. Готовность объектов строительства соответственно установленным правительством срокам.

2. Соответствие финансирования важности объектов строительства.

3. Качество строительства.

4. Чем объясняет экспертиза срыв сроков, неправильное финансирование и низкое качество строительства».

Эксперты — инженеры Лекус и Покровский заявляют, что на поставленные вопросы они сумеют ответить завтра, к 6 часам вечера. После этого начинается допрос подсудимого Арнольда.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО АРНОЛЬДА

Вышинский: Подсудимый Арнольд, какая ваша настоящая фамилия?

Арнольд: Васильев.

Вышинский: А имя, отчество?

Арнольд: Валентин Васильевич.

Вышинский: Почему вы называете себя Валентином Вольфридовичем?

Арнольд: А это получилось таким манером. Когда я в Америке принимал гражданство, то по документам числился Аймо Вольфрид...

Вышинский: Вы американский гражданин или советский?

Арнольд: Сейчас советский.

Вышинский: А в Америку вы попали советским гражданином или американским?

Арнольд: Я туда попал финским.

Вышинский: Значит, в Америке вам было присвоено имя и отчество Валентин Вольфридович?

Арнольд: Да.

Вышинский: А почему?

Арнольд: Потому что по тем документам, которые имелись у меня, я числился Аймо, а отца звали Вольфрид.

Вышинский: Но это относится к тому лицу, чьим документом вы пользовались?

Арнольд: К тому, от кого я взял документы.

Вышинский: Значит, вы приехали в Америку с чужими документами? А когда родились, какую фамилию носили?

Арнольд: С тех пор, как я ходил в школу, я значился Васильевым.

Вышинский: Может быть, это нескромно, но я должен вас спросить, где вы родились и фамилию вашего отца.

Арнольд: Я родился в Ленинграде, фамилия моего отца была Ефимов.

Вышинский: А фамилия матери?

Арнольд: А матери была фамилия Иванова.

Вышинский: Почему же вы Васильев, а не Петров?

Арнольд: Потому что у меня крестный был Васильев.

Вышинский: Где вы родились?

Арнольд: В Ленинграде.

Вышинский: Где вы учились в школе?

Арнольд: Учился в народной школе 3 года и 4 в городской — в городе Выборге в Финляндии.

Вышинский: А как вы попали в Финляндию?

Арнольд: Когда мне было 10 месяцев, моя мать не могла меня воспитывать и переслала к своему отцу, который был сторожем при церкви в Выборге. Затем я уехал в Ленинград.

Вышинский: Сколько лет прожили в Ленинграде?

Арнольд: Два года.

Вышинский: Куда затем поехали?

Арнольд: Я поехал в Финляндию, в Выборг.

Вышинский: К дедушке?

Арнольд: Дедушка был померши. Стал жить у дяди. Стал работать на мебельной фабрике.

Вышинский: Как Васильев?

Арнольд: Да.

Вышинский: Сколько времени пробыли у дяди?

Арнольд: Недолго. Поехал в Гельсингфорс.

Вышинский: Почему в Гельсингфорс?

Арнольд: Потому, что хотел работать на большой фабрике и заработать больше.

Вышинский: Что там стали делать?

Арнольд: Стал работать на мебельной фабрике.

Вышинский: Потом?

Арнольд: Я пожелал съездить в Германию.

Вышинский: Почему?

Арнольд: Захотел поехать за границу, попытать счастья там.

Вышинский: Как вы это осуществили?

Арнольд: Очень просто. Договорился с товарищем, он дал мне заграничный паспорт. Он только что его выхлопотал, но сам не поехал.

Вышинский: Как была его фамилия?

Арнольд: Его фамилия была Карл Раск.

Вышинский: Под именем Раска вы куда поехали?

Арнольд: Я нанялся юнгой на одно из судов. Поехал в Гамбург и проработал там три-четыре месяца в гараже. Но у меня была с малолетства мечта добраться до Америки...

Вышинский: Дальше?

Арнольд: Я поехал в Роттердам, в Голландию, но не добрался до границы. Здесь меня задержала полиция, и меня по этапу вернули обратно в Россию. Я вернулся в Выборг.

Вышинский: Все еще под фамилией Раск?

Арнольд: Все еще как Раск.

Вышинский: В каком году это было?

Арнольд: Это было в начале 1913 года. В Выборге я работал до 1914 года, а потом поехал в Гельсингфорс, поступил в Свеаборгский порт под фамилией Васильева, а Раска пока положил в карман. (В зале смех.)

Вышинский: Так вот вы Раска положили в карман, и опять Васильев появился в Выборге? Долго вы на этот раз пробыли в Выборге под фамилией Васильева?

Арнольд: Я проработал здесь до начала 1914 года и потом приехал в Гельсингфорс. Когда началась война, я узнал, что через некоторое время придется в армию идти, и у меня явилась мысль, что надо удрать из Финляндии. Имея в кармане документ на имя Раска, я отправился в Швецию и оттуда попал в Норвегию.

Вышинский: Что же дальше?

Арнольд: Далее я поступил на шведское судно, сделал рейс в Англию, потом мы приехали в Стокгольм.

Вышинский: Когда это было?

Арнольд: Это было в начале 1915 года. Оттуда мне хотелось поехать в Выборг к своему дяде. Приехал в Выборг на рыбацком судне. Дядя мне говорит, что надо в армию идти. Сейчас же мне выдали документ на имя Васильева. С этим документом я пошел призываться. Я был принят в армию и назначен в казармы Александра III на Малой Охте в Ленинграде. Здесь я пробыл месяца полтора, мне не понравилась солдатская служба. (В зале смех.) Вообще я не хотел воевать, поэтому удрал из армии в Гельсингфорс. Теперь, видя, что в солдатах плохо, я решил окончательно уехать. Но в Гельсингфорсе меня за дезертирство арестовали и отправили по этапу в Ленинград. В Ленинграде меня судили и дали 6 месяцев дисциплинарного взыскания.

После окончания наказания я был послан с первой же ротой на позиции и попал под Ригу в местечко Штоцмансгоф. Здесь я захворал воспалением легких и был, примерно, только с месяц на фронте, потом попал в тыл.

Вышинский: Почему вы на предварительном следствии рассказывали не так, как сейчас рассказываете?

Арнольд: Видите ли, мне очень трудно припомнить, потому что в моей биографии было столько похождений. (В зале смех.)

Вышинский: Вы заболели или дезертировали?

Арнольд: Нет, я сперва заболел, попал в полевой госпиталь, потом меня переслали в Переяслав-Залесский в лазарет, а из лазарета я попал в Нижний Новгород. Там я пробыл две недели, потом там начали записывать в латышский батальон. Я изъявил желание и попал в латышский батальон в г. Юрьев.

Вышинский: Зачем вы попали в латышский батальон? Вы разве латыш?

Арнольд: Потому что у меня была мысль опять удрать из армии и поэтому я перебирался поближе к Петербургу.

Вышинский: Вы попали туда, как солдат?

Арнольд: Да.

Вышинский: И в форме солдатской?

Арнольд: Да, даже ефрейтором.

Вышинский: Когда же вы успели ефрейтора получить?

Арнольд: Дорогой нашил себе.

Вышинский: Куда он пошел, этот латышский батальон?

Арнольд: Второй латышский батальон переслали в г. Юрьев, и здесь я был назначен в учебную команду и занимался с новобранцами.

Вышинский: Когда это было и где?

Арнольд: Это было в конце 1915 года или в начале 1916 года.

Вышинский: Что случилось с вами потом?

Арнольд: Потом в августе я получил отпуск и поехал в Финляндию.

Вышинский: А из Финляндии куда вы девались?

Арнольд: Здесь я переменил фамилию на Аймо Кюльпенен и приехал в Минск.

Вышинский: Как вы получили документ?

Арнольд: Я этого товарища хорошо знал.

Вышинский: Ну и что же?

Арнольд: Пошел в их пасторскую канцелярию, представил свидетельство и сказал, что мне нужна метрика.

Вышинский: С его согласия?

Арнольд: Он не знал.

Вышинский: Вы взяли документ обманным путем?

Арнольд: Обманным.

Вышинский: И куда вы с этим паспортом отправились?

Арнольд: В Минск переводчиком. Затем был делопроизводителем стола статистики, потом уехал во Владивосток.

Вышинский: Ну, а как же во Владивосток собрались?

Арнольд: По железнодорожному воинскому литеру.

Вышинский: Где достали?

Арнольд: В Управлении Западного фронта, присвоил несколько штук.

Вышинский: Похитили?

Арнольд: Да. Во Владивостоке нанялся кочегаром на судно «Тула». Сделал рейс Камчатка — Япония и обратно во Владивосток. Потом поехал из Владивостока в Архангельск.

Вышинский: Дальше что делали?

Арнольд: Я поступил на американское судно, приехал в Нью-Йорк.

Вышинский: Под фамилией?

Арнольд: Аймо Кюльпенен.

Вышинский: В Нью-Йорке что начали делать?

Арнольд: В Нью-Йорке несколько дней пробыл и попал в армию. В американскую армию.

Вышинский: Почему?

Арнольд: Потому, что завербовали.

Вышинский: В качестве кого?

Арнольд: В качестве новобранца-солдата.

Вышинский: Сколько вы там пробыли?

Арнольд: 1 год ровно.

Вышинский: Под какой фамилией?

Арнольд: Аймо Кюльпенен. В тот момент, когда нас принимали в армию, нас натурализовали, перевели в американское гражданство.

Вышинский: Против вашего желания?

Арнольд: С моего желания. И в тот момент я переменил фамилию на Валентин Арнольд.

Вышинский: Год прослужили в армии, а потом куда девались?

Арнольд: Я демобилизовался и хотел вернуться в Финляндию.

Вышинский: Попали вы в Финляндию?

Арнольд: Я попал не в Финляндию, а в Южную Америку.

Вышинский: Как вы попали туда? Нечаянно?

Арнольд: Я нанялся парусником на парусное судно «Виконт» и попал в Южную Америку, в Буэнос-Айрес. Потом нанялся на американское судно и приехал в Шотландию, оттуда в январе 1920 года в Нью-Йорк и здесь попал обратно в армию.

Вышинский: Вы там в тюрьме сидели?

Арнольд: Сидел.

Вышинский: Сколько времени?

Арнольд: Месяцев пять-шесть.

Вышинский: Почему?

Арнольд: Я был заподозрен в присвоении казенного имущества.

Вышинский: Сколько лет вы пробыли в армии?

Арнольд: С 1920 по 1923 год. Дальше я поехал в Лос-Анжелос, в Калифорнию. Потом познакомился там с русскими товарищами, которые состояли в обществе технической помощи Советской России, в котором я принял участие, и решил поехать в Россию.

Вышинский: Решили, значит, тоже оказывать техническую помощь Советской России?

Арнольд: Да.

Вышинский: Как же вы ее оказывали?

Арнольд: Я приехал в Кемерово.

Вышинский: А вы не были членом масонской ложи?

Арнольд: Был.

Вышинский: Как вы попали в масонскую ложу?

Арнольд: А это когда я был в Америке, я подал заявление и поступил в масонскую ложу.

Вышинский: Почему в масонскую ложу, а не в какую-нибудь другую?

Арнольд: Пробивался в высшие слои общества. (Общий смех в зале.)

Вышинский: Вы попали в общество технической помощи Советской России уже будучи масоном? Не помогла ли вам масонская ложа проникнуть в это общество?

Арнольд: Нет.

Вышинский: А когда вы поступили в это общество, вы сказали, что вы масон?

Арнольд: Нет, я держал это в секрете.

Вышинский: Вы вступили в ВКП(б), когда прибыли из Америки?

Арнольд: Я вступил в партию в 1923 году.

Вышинский: И в это время вы оставались масоном?

Арнольд: Да, но я никому об этом не говорил.

Вышинский: Ну хорошо, партийной ответственности вы не подвергались в связи с этим?

Арнольд: Я прошел три чистки.

Вышинский: Благополучно?

Арнольд: Благополучно. Сумел замазать, только автобиографию путал.

Вышинский: А не было такого случая, что за антисоветскую агитацию...

Арнольд: Это было в Кузнецке в 1930 году.

Вышинский: Вы привлекались к ответственности или исключались из партии?

Арнольд: Почти что исключили, сняли с работы.

Вышинский: В Америке вы не были связаны с коммунистической партией?

Арнольд: Был связан, принимал участие в работе коммунистической партии в 1919 году.

Вышинский: А в масонской ложе?

Арнольд: И в масонской ложе одновременно состоял.

Вышинский: Когда вы с троцкистами сошлись?

Арнольд: В 1932 году.

Вышинский: С кем именно?

Арнольд: Когда я работал в Прокопьевске, управляющим был Шестов. Здесь я первый раз сошелся с троцкистами.

Вышинский: Вы с ним говорили о каких-нибудь троцкистских делах?

Арнольд: Когда я с ним познакомился, ходил часто к нему в кабинет, и он меня спросил, за что я был уволен с Кузнецкстроя.

Вышинский: За что вы были уволены?

Арнольд: За антисоветскую пропаганду среди иноспециалистов.

Вышинский: Он это знал?

Арнольд: Знал. Также знал, что я принадлежу к чуждой партии организации, к масонству. Он знал, что я финн, что я несколько раз менял фамилию.

Вышинский: Когда же он посвятил вас в свои преступные планы, в свои преступления?

Арнольд: Я часто ходил в его кабинет. Он говорил: «Я бы давно мог тебя выдать соответствующим органам, но я этого не желаю, потому что я думаю, что ты будешь хорошим членом нашей организации».

Вышинский: Потом?

Арнольд: Потом он сказал, что в ближайшее время мы предполагаем свергнуть теперешних руководителей.

Вышинский: Потом?

Арнольд: И что в наш район, возможно, приедут руководители, что наша основная задача состоит в том, что мы должны будем производить террористические акты против руководителей правительства.

Вышинский: Ну, и что же?

Арнольд: Потом он мне сказал: «Я тебя проверил в течение 3 месяцев, считаю тебя энергичным и волевым человеком, поэтому на тебя падает задача осуществить террористические акты. Для этого я тебя свяжу с Черепухиным». Он связал меня с Черепухиным и сказал: «Вот тебе человек для работы»...

Вышинский: Какие вы акты подготовляли?

Арнольд: Мне было указано два места для производства террористических актов: одно место на шахте № 3, а другое место — это шахта № 8.

Вышинский: Ну, рассказывайте. Что же у вас пропал вдруг голос? Когда организовывали террористические акты? Против кого?

Арнольд: Первый террористический акт был в 1934 году, в начале года, вернее сказать, весной.

Вышинский: Против кого?

Арнольд: Против Орджоникидзе.

Вышинский: В чем он заключался?

Арнольд: Заключался он в том, что мне конкретно Черепухин сообщил, что «завтра приезжает Орджоникидзе. Смотри, ты должен будешь выполнить террористический акт, не считаясь ни с чем».

Вышинский: Ну, и что же?

Арнольд: Я это предложение принял. На следующий день я подал машину, потому что я, как начальник гаража, как член партии, был вне всякого подозрения. Подал машину к поезду. В нее сели Орджоникидзе, Эйхе и Рухимович. Я повез их на немецкую колонию, а оттуда они просили меня поехать на Тырган, а когда мы въехали на гору, то меня попросили остановиться на горе, чтобы посмотреть на весь Прокопьевск. Потом остановились у комплексной шахты № 7—8—9. Черепухин меня предупредил, что там все готово: «там увидишь препятствие, и на этом препятствии совершишь аварию». И вот, когда я спускался с горы, я развил довольно большую скорость, километров 70—80 в час, и, примерно, за полтора километра увидел препятствие. Я сразу быстро подумал, что это как раз то место, где я должен сделать аварию. Не зная, какое это место, я не знал, что со мной случится... Поэтому я уменьшил скорость, быстро остановился, а потом свернул на мост налево, а должен был ехать прямо.

Вышинский: Не решились?

Арнольд: Не смог этого сделать.

Вышинский: Не смогли, не решились? Это наше счастье. Второй случай?

Арнольд: Ко мне утром приезжает в контору Черепухин и говорит: «Сегодня будет Молотов. Смотри, опять не прозевай». Я говорю, что я же не прозевал. Он говорит: «Знаю, как ты не прозевал». Тут я понял, что за мною кто-то следит. Я ответил, что сделаю. Я подал машину к экспедиции. Место, в каком я должен был сделать аварию, я знаю хорошо: это — около подъема из шахты № 3. Там имеется закругление, на этом закруглении имеется не ров, как назвал Шестов, а то, что мы называем откосом — край дороги, который имеет 8—10 метров глубины, падение примерно до 90°. Когда я подал машину к поезду, в машину сели Молотов, секретарь райкома партии Курганов и председатель краевого исполнительного комитета Грядинский... Мне сказали, чтобы я ехал на рабочий поселок по Комсомольской улице. Я поехал. Когда я стал только выезжать с проселочной дороги на шоссейную, внезапно навстречу мне летит машина. Тут думать мне было некогда, я должен был совершить террористический акт. Смотрю, вторая машина летит мне навстречу. Я тогда понял, что Черепухин, значит, мне не поверил — послал вторую машину. Я думать долго не успел. Но я испугался. Я успел повернуть в сторону, в ров, и в этот момент меня схватил Грядинский и сказал: «Что ты делаешь?»

Вышинский: Что вас здесь остановило?

Арнольд: Здесь меня остановила трусость...

Председательствующий: Защитник тов. Казначеев имеет вопрос.

Казначеев (о б р а щ а я с ь к А р н о л ь д у): Я прошу вас уточнить, какой промежуток времени вы состояли в троцкистской организации?

Арнольд: С 1932 года и по 1934 год.

Казначеев: Когда вам давались поручения произвести террористический акт, вас предупреждали о том, что если вы не выполните его, то это будет угрожать вашей жизни?

Арнольд: Давая свое согласие на такое поручение, я боялся, что, если я не выполню, меня будут подозревать, как ненадежного человека и уничтожат.

Казначеев: То есть, вы боялись мести?

Арнольд: Да.

Казначеев: А какие-нибудь угрозы были с чьей-нибудь стороны?

Арнольд: Черепухин и Шестов мне не прямо говорили об этом, а говорили, что за измену мы тебя уберем.

Казначеев: Разрешите попутно вопрос к подсудимому Шестову. Вы подтверждаете в этой части объяснение Арнольда?

Шестов: Да, я могу подтвердить, что был намек сделан Арнольду на его нехорошее прошлое.

Казначеев (к А р н о л ь д у): Когда вас вербовали в троцкистскую организацию, вы ориентировались, хотя бы элементарно, в их программе?

Арнольд: Меня убедили, что троцкистская организация сильна, что она будет у власти и что я в последних рядах не останусь.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЛИВШИЦА

Вышинский: Подсудимый Лившиц, расскажите, когда вы возобновили свою подпольную троцкистскую преступную деятельность?

Лившиц: Когда Логинов вернулся из Берлина в начале 1932 года, он мне рассказал о встречах с Пятаковым, о тех новых установках, которые он получил от Пятакова.

Вышинский: Как вы отнеслись к этому?

Лившиц: Я Логинову определенного ответа не дал, но заявил, что встречусь с Пятаковым и узнаю от него. Во второй половине 1932 года я встретился с Пятаковым, и он мне повторил по существу то, что говорил Логинов.

Вышинский: И о терроре говорил?

Лившиц: О терроре и о разрушительной работе. После разговоров с ним я согласился на возобновление активной борьбы.

Вышинский: Какую должность вы тогда занимали?

Лившиц: Начальника Южных железных дорог.

Вышинский: И что же дальше последовало?

Лившиц: Дальше, когда я приехал в Харьков, я поговорил со своим заместителем Зориным.

Вышинский: Почему вы к нему обратились с такого рода разговором?

Лившиц: Я его знал, как скрытого троцкиста, и поэтому я с ним разговаривал. В беседе с Пятаковым было условлено начать с того, чтобы не обеспечивать полностью погрузки угля.

Вышинский: То есть, вы начали со срыва программы?

Лившиц: Да. У нас вагонов было мало, полностью нехватало на общую погрузку. А кроме того я грузил уголь неполностью, использовал вагоны на второстепенные грузы.

Вышинский: Чего вы добились этим?

Лившиц: Из-за этого уголь накапливался на шахтах. Время от времени ко мне приезжали комиссии из Москвы, которые заставляли нас этот уголь вывозить. Мы вывозили. А потом опять накапливали.

Вышинский: В течение какого срока начали вы это делать?

Лившиц: В течение зимы 1933 года. В конце 1933 года я встретился с Пятаковым и рассказал ему, что делается на дороге. Он же мне рассказал о существовании объединенного центра и о существовании запасного, так называемого, параллельного центра. Тут же он мне сказал, что на члена центра Серебрякова возложено руководство вредительской контрреволюционной работой на железнодорожном транспорте, и предложил мне связаться с ним.

Вышинский: Вы связались с Серебряковым?

Лившиц: Связался. В конце 1933 или в начале 1934 года. Рассказал ему о той работе, которую я провел на Южной железной дороге. В то время я уже был начальником Северо-кавказской дороги. Серебряков мне сказал тогда, что он привлек к вредительской работе на транспорте Арнольдова А. М., Миронова. Назвал он еще Розенцвейга и Мирского. Он говорил также, что Арнольдов проводит по заданию Серебрякова вредительскую работу по линии эксплоатации и что

Серебряков вместе с ним обсудили вопрос о срыве плана перевозок. Затем Арнольдов проводил работу по срыву вагонного хозяйства.

Как раз тогда решался вопрос о строительстве четырех вагоноремонтных заводов. Арнольдов представил дело так, что каждый из этих заводов будет стоить по 15—20 млн. рублей и что в течение полутора лет можно будет их построить и пустить. В конце концов оказалось, что они стоили каждый больше, чем по 50 млн. рублей, и строили их около 3 лет.

Вышинский: Сознательно тянули?

Лившиц: Да. В этой же беседе Серебряков предложил организовать на Северо-кавказской дороге, на которой я работал, срыв налива нефти для весенней посевной кампании. Этого мы не сделали потому, что налив находился под очень строгим контролем.

Вышинский: А были попытки сделать это?

Лившиц: Во время разговора с Серебряковым я ему сказал, что дело это очень сложное, и фактически ничего сделать нельзя было, потому что за наливом следил уполномоченный СТО. Вторая работа, которая проводилась нами на Северо-кавказской дороге,—это недодача порожних вагонов на Донецкую и Юго-восточную дороги под погрузку угля. На Северо-кавказской дороге мною было привлечено к работе несколько человек, из них Колоколкин — бывший начальник политотдела ростовского отделения эксплоатации, в последующем он был заместителем начальника политотдела и начальником политотдела Северо-кавказской дороги.

Вышинский: Был ли у вас с Колоколкиным разговор о других целях и задачах, кроме как о вредительстве?

Лившиц: С Колоколкиным у нас был разговор обо всем. Затем я был переведен в Москву на Московско-курскую железную дорогу. Там я был недолго. Потом был назначен в НКПС заместителем наркома.

Вышинский: Будучи заместителем народного комиссара путей сообщения, вы продолжали свои связи с троцкистской организацией и свою вредительскую деятельность?

Лившиц: Да. Когда я приехал в Москву, я повстречался с Пятаковым, у нас с ним были беседы о том, что сейчас на транспорте Каганович доберется до всех мелочей, мешающих работе. Пятаков предлагал активизировать вредительскую деятельность, ибо транспорт уже в первые месяцы прихода в НКПС Кагановича резко пошел в гору. Тогда же Пятаков предложил мне встретиться с Серебряковым еще раз и с ним обсудить, что нам делать. Наша беседа с Серебряковым состоялась, и Серебряков поставил основную задачу по срыву выполнения приказа Кагановича, намечающего пути улучшения работы железнодорожного транспорта. Он объяснял это тем, что железнодорожный транспорт — основной нерв страны. Дальше Серебряков сказал, что он не порывал связи с Арнольдовым, Мироновым, Емшановым и другими. Он предложил им связаться со мною. В 1935 — 1936 гг. эти люди со мной связались, не теряя связи с Серебряковым. В 1935 году со мной связались Миронов, Мирский, Фуфрянский, затем в 1936 году— Розенцвейг. Они имели указания от Серебрякова, и я им

повторил задание по срыву приказа № 183, намечающего основные мероприятия по улучшению работы железных дорог.

Вышинский: Какую вы ставили задачу?

Лившиц: Осложнять и затруднять работу транспорта.

Вышинский: Вы это делали? Ваше положение заместителя наркома этому не препятствовало?

Лившиц: Препятствовало, но я это делал.

Вышинский: Вы изменили своему государственному долгу?

Лившиц: Если бы я не изменил, я не был бы на скамье подсудимых.

Вышинский: Какие у вас были отношения с Князевым?

Лившиц: Прежде, чем перейти к Князеву, я хочу суду сообщить следующее: на предварительном следствии я отрицал... (п а у з а) отрицал одну из очень гнусных вещей...

Вышинский: Именно?

Лившиц: Вопросы шпионажа.

Вышинский: Что же вы теперь думаете рассказать?

Лившиц: По этим же соображениям на предварительном допросе я отрицал свои связи с подсудимым Туроком. Я хочу сказать суду все до конца, несмотря на то, что это — тягчайшее преступление, которое называется изменой родине. Сказать суду, что об этой связи Князева и Турока с агентами одной из иностранных держав я знал...

Вышинский: В какой период времени вы это знали?

Лившиц: В период от 1935 года до ареста. Но мало этого, я по просьбе Князева дал ему некоторые материалы для передачи им...

Вышинский: Будучи...

Лившиц: Заместителем наркома.

Вышинский: Скажите, как Князев с вами связался, где, почему, при каких обстоятельствах, по какому поводу, в какой форме?

Лившиц: Я уже знал о Князеве от Серебрякова, знал, что он—скрытый троцкист, состоит в организации на Урале. Во время совещания начальников дорог, сейчас не помню, то ли я к нему обратился, то ли он ко мне, и мы тогда с ним поговорили о той деятельности, которую он проводит на Южно-уральской дороге.

Вышинский: В чем она заключалась?

Лившиц: Она заключалась в разрушительной, вредительской, диверсионной работе на дороге. Он говорил о крушениях, которые он организовал там.

Вышинский: А другие члены троцкистской организации на транспорте тоже организовывали крушения?

Лившиц: Видимо, организовывали.

Вышинский: Почему «видимо»? А вы сами давали указания организовывать крушения?

Лившиц: Давал.

Вышинский: Вы Князеву давали указания организовывать крушения?

Лившиц: Давал.

Вышинский: Вы шли на человеческие жертвы?

Лившиц: Шел на это.

Вышинский: В том же разговоре с Князевым, когда вы говорили с ним об организации крушений, вам Князев сказал, что он связан с разведкой одного иностранного государства?

Лившиц: Да.

Вышинский: Не говорил ли он, что эта разведка от него, Князева, требует организации крушений?

Лившиц: Я сейчас не припомню. Возможно, что говорил.

Вышинский: Тов. председатель, позвольте задать вопрос Князеву. Подсудимый Князев, когда вы беседовали с Лившицем?

Князев: Это было в августе 1935 года.

Вышинский: Разговор был об организации крушений?

Князев: Это была первоначальная стадия разговора.

Вышинский: Ваше служебное положение какое было?

Князев: Начальник дороги.

Вышинский: И вы — начальник дороги, встречаетесь со своим начальством и сговариваетесь, как организовать крушения?

Князев: Совершенно правильно.

Вышинский: А вы, Князев, были уже завербованы агентом японской разведки?

Князев: Я был завербован с сентября 1934 года.

Вышинский: С сентября 1934 года вы в какой должности состояли в японской разведке?

Князев: Я был в связи с японцами.

Вышинский: Об этом Лившицу вы говорили? Он об этом знал?

Князев: Да. Когда я встретился с Лившицем, я ему сказал, что установки японцев совпадают с троцкистскими в части подрывной работы. Но японцы требуют секретных данных, и у меня это никак не укладывалось в голове.

Вышинский: Что вам ответил Лившиц?

Князев: Он сказал, что обстановка борьбы троцкистской организации со сталинским руководством такова, что надо не только вести подрывную работу, но и завязать связь с иностранными державами. Поэтому, если такая связь может способствовать этой борьбе, совершенно естественно ее надо поддерживать. Само собой понятно, что данные, которых требуют японцы, прежде всего преследуют военные цели. Я перечислил Лившицу, какие это данные. Лившиц ответил, что, поскольку троцкистская организация связана с иностранными правительствами, придется, в интересах поддержания связи с японцами, эти данные сообщать. В этом духе был наш разговор.

Вышинский: Следовательно, Лившиц санкционировал вашу связь с японской разведкой, увязав это с вашими задачами троцкистской организации, и вы продолжали в этом направлении действовать?

Князев: Да.

Вышинский: Позвольте спросить обвиняемого Турока. Что вам известно о связи с японской разведкой?

Турок: У меня была установлена связь с японской разведкой, когда я был на дороге им. Кагановича, бывшей Пермской, в 1934 году. Я имел задание. Это было мною согласовано с Марьясиным, перед которым я отчитывался в троцкистской работе.

Вышинский: А с Князевым какая связь была?

Турок: Он меня информировал о том, что им установлена связь с японской разведкой, а я его.

Вышинский: А о том, что об этом знал Лившиц, вам было известно?

Турок: В 1935 году 15 сентября я был у Лившица и разговаривал с ним. Я был связан с японской разведкой. Лившиц мне ответил, что этой связи не нужно прерывать, а нужно ее поддерживать на пользу троцкистской организации.

Вышинский: Подсудимый Лившиц, вы подтверждаете показания по этому вопросу Князева и Турока?

Лившиц: В общем правильно.

Вышинский: Хотя на предварительном следствии отрицали?

Лившиц: Я заявил суду, почему.

Вышинский: Скажите, после того как вы узнали от Князева о его связи, вы имели с ним какие-нибудь беседы, давали указания по поводу связи с разведкой?

Лившиц: Я говорил, что не только была связь, но в 1936 году он попросил у меня материал для японской разведки, я ему материал дал.

Вышинский: А вам известно было, что японская разведка платила деньги за получение этих сведений?

Лившиц: Нет.

Вышинский: Турока можно спросить? Подсудимый Турок, вам известно, что японская разведка платила деньги за эти сведения?

Турок: Нет, за эти сведения деньги она нам не платила, а на организацию троцкистской диверсионной работы деньги мы вообще получали.

Вышинский: От кого?

Турок: От японской разведки. (В зале движение.)

Вышинский: Когда вы получали деньги?

Турок: В январе 1935 года — 35 000 рублей.

Вышинский: Куда их дели?

Турок: 20 000 рублей оставил для своей организации и 15 000 дал для организации Князева.

Вышинский: Кому передали?

Турок: Лично Князеву в мае 1935 года.

Вышинский: Князев, правильно это?

Князев: Да, я получил.

Вышинский: Скажите, подсудимый Лившиц, что вам известно было о террористической деятельности троцкистов?

Лившиц: Мне было известно о подготовлявшемся покушении на Сталина, Косиора и Постышева. Больше ничего.

Вышинский: От кого вам это было известно?

Лившиц: От Пятакова, Серебрякова и Логинова.

Вышинский: Когда вам это было известно?

Лившиц: В 1933 и 1935 гг. Я знал в 1933 году, что готовится покушение против Постышева и Косиора, а в 1935 году — против Сталина.

Вышинский: Вы знали лично тех людей, которые непосредственно руководили организацией покушения против товарища Косиора, Постышева, а в 1935 году против товарища Сталина?

Лившиц: Не тех, кто непосредственно должен был осуществлять, а тех, кто организовал.

Вышинский: Больше у меня вопросов нет.

Председательствующий: Скажите, подсудимый Лившиц, кому из перечисленных вами участников троцкистской организации вы давали непосредственные указания об организации крушений?

Лившиц: Князеву, Емшанову, Арнольдову, Туроку, Фуфрянскому, Розенцвейгу.

Председательствующий: Вы подтверждаете, что Серебряков разговаривал с вами на тему о диверсионной работе в предмобилизационный период, чтобы воспрепятствовать продвижению войск?

Лившиц: Да.

Председательствующий: Князев вам докладывал, что ему удалось произвести крушение на одной станции, в результате чего 29 красноармейцев были убиты и 29 красноармейцев ранены?

Лившиц: Да, об этом я знал.

Вышинский: Поскольку, подсудимый Лившиц, вы на суде сегодня чистосердечно признали дополнительно свою вину в шпионаже, то есть признали себя виновным в полном объеме в предъявленных вам обвинениях, может быть, вы сегодня пожелаете дать более подробные указания и относительно террора? Например, не известно ли вам было от Логинова более конкретно, как готовилось покушение против Косиора и Постышева, кто готовил?

Лившиц: Нет, неизвестно.

Вышинский: Я еще раз обращаюсь к вашей памяти. Вам известен некий Дзедзиевский?

Лившиц: Известен.

Вышинский: Вам не известно, что и Дзедзиевский связан с террористической группой?

Лившиц: Дзедзиевский был связан с Логиновым.

Вышинский: Вы знали, что Логинов занимается подготовкой террористических актов?

Лившиц: Знал.

Вышинский: Вы знали, что Дзедзиевский связан с Логиновым?

Лившиц: Знал.

Вышинский: Это вам не давало оснований предполагать, что Дзедзиевский с Логиновым связаны террористическими замыслами?

Лившиц: Нет.

Вышинский: Хорошо. А относительно Глебова-Авилова вам не было известно, что он занимался террористическими актами?

Лившиц: Глебов-Авилов мне об этом говорил.

Вышинский: Против кого он готовил террористический акт?

Лившиц: Против Сталина.

Вышинский: Вопрос, по-моему, ясен.

Председательствующий: Объявляется перерыв до 11 часов утра 27 января.

Утреннее заседание 27 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЛИВШИЦА

(продолжение)

Председательствующий: У защиты есть вопросы к подсудимому Лившицу?

Защитник Брауде (обращаясь к Лившицу): При первом разговоре с Князевым о его отношении к японской разведке вы назвали фамилии лиц, от которых вы узнали об этом?

Лившиц: Нет.

Брауде: А Пятакова не называли?

Лившиц: Нет.

Брауде (обращаясь к Князеву): Сказал ли вам Лившиц, что источником этой информации является Пятаков?

Князев: Я точно припоминаю, что когда я встретился с Лившицем, он знал о моей связи с троцкистской организацией и моих сношениях с японцами. Об этом сказал ему Пятаков.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО КНЯЗЕВА

Вышинский: Подсудимый Князев, когда вы начали свою контрреволюционную деятельность?

Князев: С апреля 1934 года. До этого я никогда не принадлежал к троцкистской группировке, но колебания возникли у меня еще в 1930—1931 гг. по вопросам индустриализации и коллективизации сельского хозяйства и работы транспорта. И я с этими колебаниями докатился до взглядов, не отделяющих меня от взглядов троцкистских.

Вышинский (обращаясь к Князеву): Вы участвовали в диверсионной и вредительской работе на транспорте?

Князев: Участвовал.

Вышинский: В чем она выражалась?

Князев: В организации крушений, в подрыве путевого хозяйства и паровозного парка; преследовалась цель подорвать работу ураль-

ской, особенно металлургической, промышленности. Троцкисты на Южно-уральской дороге срывали программу ремонта железнодорожного пути. Вместо того, чтобы отпускаемые средства вкладывать в реконструкцию пути целыми участками, мы их распыляли по отдельным километрам. Таким образом они не давали необходимого эффекта, путь продолжал ухудшаться. Это преследовало цель создания большого количества крушений.

Второй вид подрывной работы — это дезорганизация ремонта паровозов, ухудшение ухода за паровозами, чтобы выводить в конечном счете их из строя. Все эти методы подрывной работы в 1935 году Лившицем были подтверждены. Лившиц одновременно сказал, что сейчас надо от общих методов подрывной работы перейти к крушениям, где были бы человеческие жертвы. Я тогда спросил Лившица — разве мы, троцкисты, против рабочего класса, против населения вообще? Лившиц сказал, что речь идет об очень острой борьбе со Сталиным, что мы должны добиться полной дискредитации руководства партии в глазах народа, рядом отдельных ударов по населению вызвать озлобление против Сталина, против правительства и создать у населения впечатление, что во всем виновато правительство.

Затем К н я з е в показывает, что к августу 1935 года на Южно-уральской дороге, начальником которой он являлся в то время, под его руководством, при помощи Левина (зам. нач. службы эксплоатации), Долматова (нач. службы пути), Бочкарева (инспектора), Щербакова (нач. паровозного отдела) были созданы троцкистские подпольные группы в Златоусте, Шумихе, Кургане, Уфалее, Козыреве.

— Когда я, — п р о д о л ж а е т с в о и п о к а з а н и я К н я з е в, — Левину, Бочкареву, Щербакову и Долматову рассказал после возвращения из Москвы о своей встрече с Лившицем, Левин тогда же сказал, что это дело можно организовать с помощью Маркевича — начальника станции Шумиха. 27 октября 1935 года на Шумихе было организовано крушение воинского поезда № 504.

Вышинский: Воинский поезд № 504 по акту. Акт о крушении вы составляли?

Князев: Я.

Вышинский: В этом акте вы отражали действительное положение вещей?

Князев: Неправильное дал объяснение, ложное. Я скрыл, что это крушение создано троцкистской организацией.

Вышинский: Какие обстоятельства помогли скрыть действительное положение вещей?

Князев: Насколько помню, я в это время был в Кургане. Мне сказали, что в Шумихе произошло крушение. Я тогда выехал в Шумиху экстренным поездом и первым долгом пошел посмотреть место крушения. Когда я пришел туда, ко мне подошел помощник начальника станции Ваганов и вскользь дал понять, что это дело рук Маркевича.

Я сразу понял, что это дело нашей организации. Организовал его непосредственно Колесников, старший стрелочник, дежуривший на входных стрелках. Находившейся на дежурстве ученице Чудиновой он приказал перевести входную стрелку № 14 на занятый путь. Так как ученица не понимала, что такое нормальное положение стрелок, то и выполнила это задание. Старый квалифицированный стрелочник, стоявший у стрелки пути, на который должен был в действительности приниматься поезд, Колесниковым послан был в это время убирать стекла из фонарей.

Вышинский: А у стрелки кого оставили?

Князев: У стрелки никого не было. Поезд, шедший большой скоростью — километров 40—45 — влетел на 8-й путь, на котором стоял маршрут с рудой.

Вышинский: Сколько было убито?

Князев: 29 красноармейцев. Ранено тоже 29 человек.

Вышинский: Ранено тяжело или легко?

Князев: Не смогу сейчас сказать.

Вышинский: Вы не помните, эти 29 красноармейцев были крепко искалечены?

Князев: Человек 15 было сильно искалечено.

Вышинский: В чем же выражалась тяжесть ранения?

Князев: Были у них сломаны руки, головы пробиты...

Вышинский: Это по милости вашей и ваших соучастников?

Князев: Да.

Вышинский: А вы знаете, как организационно проходила эта подготовка крушения? Как были расставлены силы, как было организовано само крушение?

Князев: Было так: дежурный по станции Рыков, получив извещение от диспетчера из Челябинска о том, что идет воинский поезд, сказал старшему стрелочнику Колесникову — «приготовиться к приему».

Вышинский: Что сказал Рыков?

Князев: Рыков сказал, что идет воинский поезд, мы должны сделать это крушение. Поэтому сделайте такой маршрут, чтобы «приготовить его неправильно».

Вышинский: А не говорил ли он проще — «надо поезд свалить»? (*Князев молчит.*) Не припомните?

Князев: Не помню.

Вышинский: Позвольте напомнить (*читает*): «За два-три перегона до станции Шумиха дежурным по станции Рыковым было получено извещение от дежурного станции Челябинск о том, что на станцию Шумиха следует поезд 504.

Получив это извещение, Рыков известил Маркевича, что идет воинский поезд, сейчас начнем действовать. После этого Рыков вызвал к себе старшего стрелочника Колесникова и предупредил его, что идет воинский поезд и что надо его свалить».

Не «подготовить прием», а сказано было прямо, точно, конкретно: «свалить поезд».

Следовательно, было дано прямое указание — подготовиться к массовому убийству. И для этой цели кого вы использовали?

Князев: Ученицу — стрелочницу Чудинову.

Вышинский: Она тоже была в числе заговорщиков?

Князев: Нет.

Вышинский: Значит, вы избрали орудием человека, совершенно постороннего для организации. Она недавно поступила на транспорт?

Князев: Всего недели две.

Вышинский: И вот вы посылаете ученицу с 2-недельным стажем принимать воинский поезд. По правилам железнодорожной службы допустимо это?

Князев: Недопустимо.

Вышинский: Но почему же возможно было такое нарушение правил железнодорожной службы? Не потому ли, что начальство станции было связано с троцкистами?

Князев: Совершенно правильно.

По просьбе тов. Вышинского суд приобщает к делу справку о крушении на ст. Шумиха, во время которого был разбит один паровоз и 8 вагонов, убито 29 красноармейцев и ранено 29 красноармейцев.

Член суда Рычков: Были попытки завербовать вас в качестве агента японской разведки до того, как вы вступили в троцкистскую организацию?

Князев: Да, в 1931 году, когда у меня работала группа японских специалистов, но я категорически отказался.

Рычков: Вы сообщили об этом куда следует?

Князев: Нет, не сообщил.

Рычков: А после 1931 года с тем человеком, который вас вербовал, переписывались?

Князев: Я ему не писал, но от него получил два или три письма.

Рычков: Из показания Турока на предварительном следствии видно, что он вас вербовал в троцкистскую организацию, зная о том, что вы являетесь агентом японской разведки. Так это было?

Князев: Он не говорил о том, что я являюсь агентом японской разведки, но он знал этот разговор, и сам Турок мне сказал, что ему это лицо сказало, чтобы меня иметь в виду.

Рычков (обращаясь к Туроку): Когда в 1934 году вы вербовали Князева, вам было известно о его связи с японской разведкой?

Турок: Было известно, что в 1930 году, когда он работал на Казанской дороге и там работала группа японских специалистов, с ним эти переговоры велись.

Рычков (обращаясь к Князеву): Какие шпионские сведения были переданы агенту японской разведки лично вами? Сведения мобилизационного характера давались?

Князев: Давались.

Рычков: По одной дороге?

Князев: По Южно-уральской, Пермской, Забайкальской, Уссурийской и Восточно-сибирской дорогам.

Рычков: Сколько крушений было проведено троцкистской организацией под вашим руководством?

Князев: 13—15 крушений, непосредственно нами подготовленных.

Рычков: Что вами делалось конкретно по линии разрушения путей?

Князев: Ослаблялось состояние балластного слоя, получалась осадка пути. В итоге получался излом рельс.

Рычков: А в итоге—крушения?

Князев: По этим причинам были крушения на перегонах Яхино — Усть-Катав в декабре 1935 года, затем Единовер — Бердяуш в феврале 1936 года.

Вышинский: Там тоже были жертвы?

Князев: Были, среди кондукторской бригады.

Рычков: Убит главный кондуктор и старший кондуктор?

Князев: Да.

Рычков: Как проводилась вредительская работа по разрушению паровозного хозяйства?

Князев: В депо Курган были введены мощные паровозы «ФД». Пользуясь тем, что их слабо знали в депо, администрация сознательно ухудшала качество надзора в текущем ремонте, вынуждала машинистов часто выезжать с неполным ремонтом. Были доведены до разрушения почти все водопробные приборы. В итоге этой запущенности в январе 1936 года на перегоне Роза—Варгаши произошел взрыв топки. Был, насколько помню, убит помощник машиниста и кочегар, а машиниста отбросило в сторону метров на 30. Паровоз был совсем выведен из строя. Всю эту подрывную вредительскую работу в депо Курган вели Николаев, Андреев, Старостин и Могилов, в депо Златоустовское — паровозный мастер Сумин.

Рычков: Партия и правительство посылали на дорогу мощные паровозы, а вы, троцкисты, портили их, выводили из строя?

Князев: Да.

Защитник Брауде: Расскажите, как произошла завербовка вас в японскую разведывательную службу?

Князев: Я вошел в троцкистскую организацию в апреле, а установил связь с японской разведкой — в сентябре. В сентябре в Челябинск приехал господин Х..... и передал через неизвестного мне человека, что сейчас связь с японцами не будет являться индивидуальным актом, а она вытекает из методов борьбы той организации, с которой я связан. Я спросил неизвестного, а что же это за задачи. Он мне перечислил то же, что и Турок, а именно: подрывная работа в путевом хозяйстве, крушения, вывод из строя паровозов, дезорганизация работы промышленности. И в первый раз, я помню, он сказал, что желательно было бы получить данные — сколько проследовало воинских поездов в 1934 году на Дальний Восток.

Брауде: Говорилось вам, что японская разведывательная служба разоблачит вашу принадлежность к троцкистской организации?

Князев: Да.

Брауде: Вы доложили суду, что, когда вас Турок вербовал в троцкистскую организацию, он шантажировал и угрожал вам разоблачением ваших связей с японской разведкой?

Князев: Да.

Брауде: После беседы с этим представителем господина Х..... вы имели встречи с самим господином Х.....?

Князев: В апреле 1935 года я получил письмо от господина Х....., в котором он писал, что едет в Лондон на дипломатическую работу и когда будет проезжать Свердловск, просил встретиться с ним, что и было мною сделано. Я встретился с господином Х..... в поезде, в его купе. При разговорах мне этот господин Х..... сказал, что ему хорошо известно о моей связи с троцкистской организацией и что троцкистская организация ведет сейчас работу в Советском Союзе, пользуясь помощью Японии. Мы, говорил он, взаимно помогаем друг другу, следовательно то, что мы будем просить от вас, является не чем иным, как ответом на ту помощь, которую мы оказываем троцкистской организации. Он мне сказал также, что подрывная работа японцев не удовлетворяет, а что необходимо перейти к диверсиям, особенно с воинскими поездами, идущими на Дальний Восток, чтобы деморализовать Красную армию. В сущности эти установки, которые развивал господин Х....., потом подтвердил Лившиц.

Брауде: Таким образом, вы совершали крушения по указаниям японской разведывательной службы и Лившица — заместителя наркомпути?

Князев: Да.

Вышинский: Я хочу вернуться к крушениям. Вы приводили здесь достаточно много случаев крушений. Крушение 7 февраля 1936 года на перегоне Единовер — Бердяуш совершено по вашему заданию?

Князев: Да.

Вышинский: Крушение на ст. Чистая — Чумляк тоже по вашему указанию?

Князев: Да.

Вышинский: На перегоне Роза — Варгаши крушение было сделано тоже по вашему заданию?

Князев: Да, я уже говорил.

Вышинский: Привлекли настоящих виновников или кого-нибудь к ответственности?

Князев: Нет, был привлечен, кажется, мастер Николаев.

Вышинский: А его судили?

Князев: Судили.

Вышинский: А он был виноват?

Князев: Нет.

Вышинский: На машиниста Федорова свалили вину?

Князев: Свалили.

Вышинский: 18 января 1936 года на станции Чумляк было организовано крушение поезда № 910 по вашему заданию?

Князев: Да.

Вышинский: Значит, вывод можно сделать такой, что вы не только организовывали крушения, но вы, используя положение началь-

ника дороги, составляли заведомо неправильные документы, которые вводили в заблуждение органы расследования и суда. Правильно?

Князев: Совершенно правильно.

Вышинский: Правильно ли, что в 1935 и 1936 гг. было убито 63 человека и ранено 154 человека в крушениях, непосредственно вами организованных? Эти цифры вы подтверждаете?

Князев: Я подтверждаю.

По просьбе государственного обвинителя тов. Вышинского подсудимому Князеву предъявляется фотоснимок письма господина Х....., полученного Князевым в августе 1936 года. Князев, ознакомившись с фотокопией, признает, что это действительно фотокопия с того самого письма, которое им было получено от господина Х..... в августе 1936 года и написано почерком господина Х.....

Далее тов. Вышинский зачитывает выдержки из приобщенного к делу подлинного письма, помеченного 15 декабря, адресованного И. А. Князеву. Указанное письмо предъявляется подсудимому Князеву, который признает, что это письмо написано господином Х..... и получено им, Князевым, от господина Х..... в 1931 году.

Вышинский: Это письмо у вас находилось?

Князев: Да.

Вышинский: Так вот теперь мы можем считать документально подтвержденной вашу деятельность с этим господином Х..... не только на основании ваших показаний и показаний Турока, но и на основании документов, имеющихся в наших руках.

Вот эти господа давали вам установки на случай войны?

Князев: Да.

Вышинский: О чем шла речь?

Князев: О поджоге воинских складов, о поджоге пунктов снабжения воинских поездов и, насколько помню, в октябре, когда был у меня разговор с господином Х....., он упорно ставил вопрос о том, что «мы ставим задачу не только поджогов, но, если потребуется, даже и отравления воинских вагонов, которые предназначаются для посадки в них воинских эшелонов».

Вышинский: Отравления, чем?

Князев: Бактериями.

Вышинский: А потом эти вагоны наполнять людьми, заражать людей; люди заболевают и умирают?

Князев: Да.

Вышинский: Он обещал, что эти бактерии доставят в нужное время?

Князев: Да.

Вышинский: Какой смысл был его разговора с вами на случай войны, в то время...

Князев: По данным, которые он имеет, неизбежна война между Японией и СССР.

Вышинский: Когда?

Князев: В ближайшее время.

Вышинский: Вы вчера признали, что от японской разведки получили 15 тысяч рублей через Турока?

Князев: Да.

Подсудимый Князев дает показания, что полученные им 15 тысяч рублей он распределил между членами своей троцкистской организации: Долматовым, Левиным, Щербаковым, Бочкаревым.

Вышинский: Когда господин Х..... с вами разговаривал — дайте мне такие-то сведения, а это были сведения шпионского характера, то он не предлагал вам денег?

Князев: Он мне говорил: имейте в виду, что мы очень помогаем троцкистской организации.

Вышинский: Следовательно, работа эта оплачивается?

Князев: Да.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ТУРОКА

Председательствующий: Подсудимый Турок! Когда и кем вы были завербованы в троцкистскую антисоветскую организацию?

Турок: С 1934 года начальником Уралвагонстроя Марьясиным.

Председательствующий: Какие на вас были возложены обязанности?

Турок: Создать организацию из троцкистов и прочих элементов, какие могут помочь в борьбе с партией и правительством, для организации разрушительной работы на Пермской и на Южно-уральской дорогах.

Председательствующий: Какую должность вы тогда занимали?

Турок: Заместителя начальника эксплоатации.

Председательствующий: Какую же работу вам пришлось проводить в течение последних лет по линии троцкистской организации?

Турок: Я завербовал ряд людей: Алексина, Бурлакова, Мейерсона и Долматова.

Председательствующий: От кого непосредственно вы получали указания о троцкистской антисоветской вредительской работе на транспорте?

Турок: От Марьясина. В марте 1935 года я получил подтверждение о нашей вредительской диверсионной работе от Пятакова, который в это время был у нас в Свердловске. 14 сентября 1935 года я был в Москве в комиссии НКПС по утверждению нового графика движения поездов. 15 сентября Лившиц вызвал меня к себе и сказал, что сейчас вредительская и диверсионная работа должна сводиться к срыву нового графика движения поездов. Кроме ухудшения работы транспорта это окажет влияние на зарплату рабочих и будет дискредитировать руководство Кагановича.

Председательствующий: Конкретно указания об организации крушений Лившиц давал?

Турок: Да. Он сказал, что хорошо, если бы могли организовать крушения с человеческими жертвами.

Председательствующий: Вы не интересовались, почему нужно обязательно с человеческими жертвами?

Турок: Я не интересовался потому, что то же самое, более подробно, мне говорил и Марьясин, мотивируя это необходимостью вызвать озлобление против правительства.

Председательствующий: Сколько крушений было организовано участниками вашей троцкистской организации?

Турок: Я знаю, примерно, около 40 крушений.

Председательствующий: За какой период времени?

Турок: С конца 1934 года и по день моего ареста.

Председательствующий: Были человеческие жертвы?

Турок: Были. Главным образом, в товарных поездах среди людей, обслуживающих эти поезда, и, кроме того, в пассажирском поезде.

Председательствующий: Сколько было там жертв?

Турок: Один убит, 5 тяжело ранены и 15 легко ранены.

Председательствующий: Ваша контрреволюционная троцкистская организация занималась подготовкой террористических актов?

Турок: Да. Осенью 1934 года через Свердловск должен был проехать Молотов, и член троцкистской организации, связанный с Мрачковским, Бурлаков лично готовил против него террористический акт, который не состоялся. От Бурлакова я узнал, что им подготовлялся террористический акт и против Кагановича в феврале 1936 года. В качестве непосредственного исполнителя этого акта он привлек некоего Михетко, который являлся японским агентом.

Председательствующий: Ваши показания о своей связи с японскими разведчиками господином Х....., господином У....., «Георгием Ивановичем», вы подтверждаете?

Турок: Подтверждаю.

Председательствующий: Сколько вы получили денег за вашу работу в пользу японской разведки?

Турок: В январе 1935 года мне принесли 35 тысяч рублей.

Вышинский: Вы говорите о крушении, когда был убит один, тяжело ранено пять, а легко...

Турок: 15.

Вышинский: Это было 26 апреля 1936 года?

Турок: Да, между станциями Свердловск-пассажирская и Свердловск-сортировочная.

Вышинский: По вашему указанию?

Турок: По нашему заданию осуществлял Перро, начальник дистанции пути, и дорожный мастер Попов.

Вышинский: Крушение в марте 1936 года на перегоне Свердловск-пассажирская — Свердловск-сортировочная поезда № 756, в результате которого были жертвы, организовано по вашему заданию?

Турок: По нашему.

Вышинский: Практиковали вы также способ обвинять неповинных людей, на них сваливать?

Турок: (Долго молчит.)

Вышинский: Напомню вам случай: 30 сентября 1935 года на станции Монзино, поезд № 930.

Турок: Я припоминаю, да. Там дежурный по станции Жернов хотел использовать неопытность стрелочницы Заякиной.

Вышинский: На нее свалил?

Турок: На нее хотел свалить, но не вышло.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАТАЙЧАКА

Суд переходит к допросу подсудимого Ратайчака, бывшего начальника Главного управления основной химической промышленности.

Тов. Вышинский задает ряд вопросов, выясняющих некоторые моменты биографии Ратайчака. В частности, на допросе 2 октября Ратайчак показал, что он немец и родной его язык немецкий, а в анкетах, относящихся к 1920—22 гг. и позже, указывал — поляк, родной язык польский.

Вышинский: Когда вы вступили в коммунистическую партию, вы скрыли, что вы немец?

Ратайчак: Да.

Вышинский: Не было ли еще каких-нибудь неправильных сведений в анкете?

Ратайчак: Я в анкете допустил еще одну неточность. Я приписал себе революционные заслуги с 15 года. На самом деле этого не было.

Вышинский: Для чего вы говорили в анкетах, что были агитатором, что три раза бежали из военного лагеря, что руководили тремя забастовками, что были секретарем союза металлистов и т. д. Какую цель вы преследовали? В ваших показаниях на следствии вы дали такой ответ: «Я желал приписать себе несуществующие в действительности революционные заслуги». Правильно?

Ратайчак: Правильно.

Вышинский: Какую должность вы занимали в феврале 1936 года?

Ратайчак: Начальника Главного управления химической промышленности.

Вышинский: Вы знали Крапивского?

Ратайчак: Знал. Это был один сотрудник в Волынском губернском совете народного хозяйства, где я был заместителем председателя.

Вышинский: Чем занимался Крапивский?

Ратайчак: Он был начальником отдела снабжения.

Вышинский: Чем он занимался неофициально?

Ратайчак: Спекулировал на перепродаже государственного имущества.

Вышинский: Коротко говоря, крал государственное имущество?

Ратайчак: Да, так.

Вышинский: Почему же вы, зам. председателя губсовнархоза, держали у себя на работе жулика, обкрадывающего государственную казну?

Ратайчак: (Молчит.)

Вышинский: Вы материально как-нибудь были с ним связаны?

Ратайчак (еле слышным голосом): Был связан. Я жил у него.

Вышинский: Не жили у него, а жили на его счет?

Ратайчак: И так можно сказать.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете, что вы прикрывали уголовное преступление Крапивского, будучи заместителем председателя совнархоза, потому, что он с вами делился награбленными деньгами. Правильно это?

Ратайчак: Может быть не совсем точно, но смысл в основном этот.

Вышинский: Теперь переходите к вашей троцкистской деятельности.

Ратайчак: Моя активная троцкистская работа началась с 1934 года.

Вышинский: Кто вас ввел в троцкистскую организацию?

Ратайчак: Пятаков. Первый разговор с Пятаковым я имел в начале 1934 года, а активная работа началась с проведения вредительства в плане строительства 1934 года.

Вышинский: Были связаны со шпионской работой?

Ратайчак: Был.

Вышинский: Через кого?

Ратайчак: Через Пушина и Граше.

Вышинский (к Пушину): Подсудимый Пушин, правильно, что через вас Ратайчак был связан по шпионской линии?

Пушин: Через меня, а также непосредственно.

Вышинский: Вот этого последнего он не сказал. (Обращаясь к Граше): Подсудимый Граше, через вас Ратайчак был связан с агентами германской разведки?

Граше: Да, он был связан с агентами германской разведки.

Вышинский: В чем это заключалось?

Граше: В передаче материалов, секретных сведений о работе химической промышленности.

Вышинский (к Ратайчаку): Следовательно, вы передавали германской разведке шпионский материал, каким располагали по должности?

Ратайчак: Да.

Вышинский: О террористической организации знали?

Ратайчак: Я знал установки Троцкого от Пятакова.

Вышинский: На террор против кого?

Ратайчак: Против вождей партии и правительства.

Вышинский: В чем выразилась ваша диверсионная работа?

Ратайчак: По моей директиве, переданной Пушину, было совершено три аварии-диверсии на Горловском заводе и еще две аварии — одна на Невском заводе и одна — на Воскресенском химическом комбинате.

Вышинский: На Горловском заводе была авария в отделении нейтрализации цеха аммиачной селитры?

Ратайчак: Была.

Вышинский: Какая именно?

Ратайчак: Взрыв. Цех и завод в целом на несколько дней вышли из строя. Погибли трое рабочих.

Вышинский: Вам известны их имена?

Ратайчак: Забыл.

Вышинский: Я вам напомню: Куркин Леонид Федорович, 20 лет, комсомолец, ударник, стахановец, Мостец Николай Иванович, слесарь, Стрельникова Ирина Егоровна, 22 лет, фильтровальщица. Кто их убил?

Ратайчак: Мы.

Вышинский: Вы — начальник Главного управления химической промышленности? (Ратайчак молчит.) Второй случай когда был?

Ратайчак: Второй случай был без человеческих жертв — обрыв запасного газопровода. Завод работал несколько дней с большими перебоями.

Вышинский: Третий случай?

Ратайчак: Третий случай — в ноябре 1934 года взрыв в отделении воздушных кабин, благодаря чему одна из воздушных кабин вышла из строя.

Вышинский: Погиб кто?

Ратайчак: Тоже, кажется, двое рабочих.

Вышинский: Не помните? Я напомню: Лунев Иван Егорович, ударник, лучший аппаратчик цеха, Юдин Владимир Андреевич, 26 лет, студент последнего курса Томского политехнического института, работавший на производственной практике. Помните?

Ратайчак: Правильно.

Вышинский: На Воскресенском химическом комбинате была произведена диверсия по вашему заданию?

Ратайчак: Да.

Вышинский: Погибли там люди?

Ратайчак: Нет.

Вышинский: А 17 рабочих убитых и 15 раненых?

Ратайчак: Это относится не к этому случаю, гражданин прокурор.

Вышинский: А вот мы сейчас разберем. Когда этот пожар был?

Ратайчак: В 1936 году.

Вышинский: В ночь с 1 на 2 августа?

Ратайчак: Да.

Вышинский: Пожар вы организовали?

Ратайчак: Нет. Я показывал о диверсии, которая была в апреле — мае 1934 года, когда по моему заданию был организован вывод из строя одного из кислотных цехов.

Вышинский: Значит было две диверсии: одна по вашему указанию о выводе из строя одного из цехов и другая — пожар в ночь на 2 августа 1936 года?

Ратайчак: Да.

Вышинский: А было так, что после этого пожара вы велели немедленно приступить к расчистке, хотя это было связано с опасностью для жизни рабочих?

Ратайчак: Потребовал, да.

Вышинский: Известно вам, что произошел обвал стены?

Ратайчак: Я с самого начала руководил всеми работами на месте...

Вышинский: И было убито 17 рабочих?

Ратайчак: Верно.

Вышинский: И 15 ранено?

Ратайчак: Верно.

Вышинский: Вы руководили так, что 17 рабочих было убито и 15 ранено. Правильно?

Ратайчак: (Молчит.)

Вышинский: Кто вам поручил заниматься шпионажем?

Ратайчак: Пятаков.

ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Вышинский (обращаясь к суду): Так как судебное следствие идет к концу и возможно, что будет закончено сегодня вечером или завтра утром, я прошу утвердить вопросы эксперту Моносовичу, чтобы дать ему возможность в течение нескольких часов подготовиться к этим вопросам.

Председательствующий: Пожалуйста.

Вышинский: Я поставил в письменной форме ряд вопросов эксперту Моносовичу (читает).

«1. По взрыву, происшедшему 11 ноября 1935 года на Горловском азотно-туковом заводе в водородно-синтетическом цехе.

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв азотного аппарата в отделении воздушных кабин водородно-синтетического цеха Горловского азотно-тукового комбината 11 ноября 1935 года.

б) Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла.

г) Соответствуют ли объяснения на предварительном следствии свидетеля Тамма об обстоятельствах и причинах взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы.

2. По взрыву, происшедшему 7 апреля 1934 года на Горловском азотно-туковом заводе.

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Пушина об обстановке и прочих причинах взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла.

3. По обвалу газопровода на Горловском азотно-туковом заводе, имевшему место 14 ноября 1934 года.

а) Какие причины вызвали 14 ноября 1934 года обвал газопровода на Горловском азотно-туковом заводе.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Пушина об обстоятельствах и причинах обвала объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы.

в) Может ли этот обвал быть признан случайным или результатом злого умысла».

Председательствующий: У защиты есть дополнения?

Коммодов: У меня ни дополнений, ни возражений, ни изменений к поставленным прокурором вопросам не имеется.

Вечернее заседание 27 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАТАЙЧАКА

(продолжение)

Вышинский: У меня вопрос к Ратайчаку: кто был непосредственно с вами связан по вредительской и диверсионной линии?

Ратайчак: Казиницкий, Юшкевич, Голованов, Тодорский.

Вышинский: Ленц был вам известен?

Ратайчак: Я Ленца знал, как монтера одной из иностранных фирм, а впоследствии как члена вредительской организации, которая была связана с германской разведкой.

Вышинский: Еще кого вы знали?

Ратайчак: Еще знал... Мейеровитца.

Вышинский: Это тоже был агент германской разведки?

Ратайчак: Да.

Вышинский: Я хочу предъявить Ратайчаку ряд фотографических карточек разных людей, чтобы он опознал Мейеровитца. Фотографические снимки без всяких надписей и отметок. Узнает ли он его здесь или нет? Позвольте передать эти фотоснимки Ратайчаку.

(Комендант предъявляет Ратайчаку для осмотра фотоснимки.)

Ратайчак: Вот Мейеровитц.

Председательствующий: Удостоверяется, что фотоснимок, в котором подсудимый Ратайчак опознал Мейеровитца, совершенно идентичен снимку, прикрепленному к виду на жительство для иностранца, выданному в ноябре 1932 года германскому подданному Павлу Мейеровитцу. Вид на жительство для иностранца находится во въездном производстве иностранного отделения административного отдела президиума Мособлисполкома.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГРАШЕ

Вышинский: Когда вы приехали в Россию в первый раз?

Граше: В 1909 году.

Вышинский: Откуда?

Граше: Из Чехии.

Вышинский: В какой город?

Граше: В город Ейск, Кубанской области.

Вышинский: Подданным какого государства вы были в это время?

Граше: Подданным Австро-Венгрии.

Вышинский: Чем вы занимались?

Граше: Приехал в качестве учителя французского, впоследствии немецкого языка. Имел уроки в г. Ейске в реальном училище и частные уроки. В Ейске я пробыл до конца 1917 года. В мае 1917 года я там вступил в большевистскую партию.

Вышинский: А подданным какого государства вы в это время были?

Граше: В начале ноября 1917 года я принял российское гражданство в г. Ейске.

Вышинский: Вы тогда считали себя гражданином какого государства?

Граше: Я считал себя русским гражданином.

Вышинский: А в 1918 году?

Граше: Тоже русским.

Вышинский: А в 1919 году?

Граше: В 1919 году я считал себя чехословаком.

Вышинский: То есть, будучи австровенгерским подданным, добившись российского подданства, вы объявили себя чехословаком? Правильно?

Граше: Да. И в 1919 году я уехал в Чехословакию.

Вышинский: А вернулись?

Граше: И оттуда вернулся под видом бывшего русского военнопленного.

Вышинский: Как это понимать?

Граше: Я вернулся из Чехословакии в Россию с партией бывших русских военнопленных.

Вышинский: То есть как будто вы были в плену в Чехословакии и вернулись обратно?

Граше: Да.

Вышинский: В каком году это было?

Граше: В конце 1920 года или в начале 1921 года.

Вышинский: В 1921 году вы жили где?

Граше: В Москве.

Вышинский: По какому паспорту?

Граше: В 1922 году я получил трудкнижку.

Вышинский: Как какой гражданин?

Граше: Как советский гражданин.

Вышинский: Почему в трудовой книжке у вас написано место рождения — Кубанская область? Правильно, что вы родились в Кубанской области?

Граше: Нет.

Вышинский: А время рождения — какое?

Граше: 1886 год.

Вышинский: А почему в паспорте написано 1880? С ваших слов?

Граше: Да.

Вышинский: Ваша основная профессия?

Граше: Я был учителем 7—8 лет.

Вышинский: Это ваша основная профессия?

Граше: Нет, потом эту профессию оставил, был журналистом, потом экономистом.

Вышинский: Какая профессия была, когда «попали к чехам в плен»?

Граше: В чешском документе — учитель.

Вышинский: А в русском документе — журналист?

Граше: Да.

Вышинский: Значит, профессия тоже не сходится?

Граше: (М о л ч и т.)

Вышинский: Расскажите про ваш троцкизм.

Граше: С троцкизмом я не имел никогда ничего общего.

Вышинский: Никогда не имели ничего общего?

Граше: Соприкоснулся с ним на почве своей шпионской и вредительской работы.

Вышинский: Вот как?! Значит, от шпионства к троцкизму, а не наоборот? Тогда лучше, чтобы вы рассказали суду, как вы сделались агентом разведки. Какой разведки?

Граше: Германской разведки.

Вышинский: Вот как?! В каком году?

Граше: Это было в 1932 году.

Вышинский: А до 1932 года все-таки где вы работали, в каких учреждениях?

Граше: До 1932 года, когда я приехал, сначала работал в Наркомпросе.

Вышинский: В качестве кого?

Граше: Работал в информационном отделе в качестве одного из сотрудников «Бюллетеня единой школы». Потом я работал в Коминтерне в качестве переводчика с чехословацкого языка.

Вышинский: Вы поступили в Наркомпрос, уже будучи связанным с шпионской организацией?

Граше: Да.

Вышинский: Поступили в Коминтерн, уже будучи связанным с шпионской организацией?

Граше: Да.

Вышинский: А здесь вы говорите, что вы только в 1932 году сделались агентом разведки. Я вам ставлю прямой вопрос: в 1920 году вы приехали в СССР со шпионскими целями?

Граше: Да, совершенно верно. (Д в и ж е н и е в з а л е.)

Вышинский: Поэтому вы и воспользовались этой операцией с военнопленными, чтобы легче это выполнить?

Граше: Да.

Вышинский: Вот теперь все ясно. В каком году вы окончательно связались с германской разведкой?

Граше: С германской разведкой я связался в 1932 году.

Вышинский: А до этого, с какой разведкой были связаны?

Граше: До этого — с чехословацкой разведкой.

Вышинский: Так что какая у вас основная профессия?

Граше: Ответа, кажется, не требуется...

Вышинский: Ответ требуется. Вы говорите, что вы учитель, а вы не учитель, вы говорите, что вы экономист, а вы не экономист; потом вы вносите поправку, что вы работали журналистом, а теперь я вижу, что у вас есть другая профессия. Какая?

Граше: Шпион.

Вышинский: Вот и все! С кем вы были связаны персонально из германской разведки?

Граше: Из германской разведки я был связан с Мейеровитцем, о котором здесь уже упоминали.

Вышинский: Для того, чтобы нам лучше вести допрос, я прошу предъявить подсудимому Граше эти фотоснимки, не опознает ли он там своего старого знакомого?

Председательствующий: Подсудимый Граше, вам предъявляются 10 фотоснимков. Есть ли среди этих фотографий снимок Мейеровитца?

(Комендант предъявляет подсудимому Граше фотоснимки. Граше просматривает фотоснимки и на одной из карточек делает надпись.)

Вышинский: А другого знакомого нет еще? Покажите, пожалуйста, может быть, там есть еще знакомые лица?

(Подсудимый Граше, просматривая фотоснимки, делает надпись еще на одном.)

Вышинский: Кого вы еще нашли?

Граше: Я еще опознал монтера фирмы «Линде» — Ленца.

Вышинский: Это что за личность такая?

Граше: Это тоже агент германской контрразведки.

Вышинский: Вы с ним были связаны?

Граше: Да, я его устроил на Тамбовский завод «Комсомолец».

Вышинский: В качестве кого?

Граше: Я его туда устраивал по поручению Мейеровитца, как одного из агентов германской разведки, для собирания шпионской информации и для диверсионной работы.

Вышинский: А вы что делали?

Граше: В данном случае или вообще? Если вообще, то я тоже должен был собирать материал для Мейеровитца.

Вышинский: Вы собирали?

Граше: Передавал тот материал, который получал от различных, работавших на заводах под видом иностранных специалистов, германских шпионов.

Вышинский: А с другой стороны?

Граше: От Ратайчака.

Вышинский: Вы с Ратайчаком связаны были как троцкист или как разведчик?

Граше: Я был связан как разведчик.

Вышинский: А вы в это время уже были троцкистом?

Граше: Нет, троцкистом я не был.

Вышинский: Но примыкали к троцкизму?

Граше: Я рассматриваю троцкизм как сумму некоторых убеждений, а у меня, как у шпиона, не полагается быть подобным убеждениям. (Смех в зале.)

Вышинский: Значит, вы просто были связаны с Ратайчаком, как с разведчиком?

Граше: Да, я полагал, что тут доминирует интерес материальный, денежный.

Вышинский: Вы что же, получали деньги за это?

Граше: Да, от Мейеровитца получал. Один раз получил от него 300 марок. Он уверял, что еще послал по условленному адресу 500 марок. Подтверждения, однако, я не получил.

Вышинский: Не посылал ли он деньги вашим родным?

Граше: Да, я ему дал адрес родственника в Чехословакии.

Вышинский: Как фамилия этого вашего родственника?

Граше: Прохасько.

Вышинский: А Фиглер посылал деньги?

Граше: Тоже. Он передавал матери.

Вышинский: Сколько же ваша мать таким образом получила?

Граше: Вероятно, тысяч 7—8 чехословацких крон.

Вышинский: А потом вы оказались завербованным для германской разведки?

Граше: Да.

Вышинский: В Москве у вас была связь с троцкистами?

Граше: С инженером Винфельдом.

Вышинский: И еще?

Граше: Потом Лунд и Нильсен.

Вышинский: Вы предоставляли возможность пользоваться кому-нибудь своей квартирой в конспиративных целях?

Граше: Этой квартирой пользовался Винфельд, как явочной квартирой. В этой квартире в свое время жил Винфельд и предупредил меня, что ко мне будут приезжать различные люди, направляйте их ко мне или, если я уеду, оказывайте им содействие.

Вышинский: Обращались они к вам с какими-нибудь требованиями?

Граше: Был такой случай в 1935 году, если не ошибаюсь, в сентябре. Приехал под видом интуриста датский железнодорожник, привез мне записку от того же Винфельда и говорил, что хочет повидать Пятакова, что у него к нему пакет, и просил проводить его к Пятакову.

Вышинский: Как же вы сделали?

Граше: Я припоминаю, что это было утром, я шел на работу в Наркомтяжпром, взял его с собой и указал, как нужно получить пропуск и пройти в кабинет Пятакова.

Вышинский: А Ратайчаку вы устраивали какие-нибудь нелегальные встречи?

Граше: Я устроил встречу Ратайчаку в его же кабинете с Мейеровитцем.

Вышинский (к Р а т а й ч а к у): Вы помните встречу с Мейеровитцем при содействии Граше? О чем у вас был разговор?

Ратайчак: Мейеровитц, будучи подготовлен соответствующим образом Граше, спросил, можно ли ему познакомиться с наметками нового строительства, и я ему сказал, что можно, и необходимые сведения он может получить у Граше. На этом разговор кончился и я ска-

зал в свою очередь Граше, чтобы он дал необходимые данные Мейеровитцу.

Вышинский (к Граше): Участвовали ли вы в каких-нибудь диверсионных актах?

Граше: Я сам лично не участвовал, но мне известно, что один из германских иноспециалистов — Вайпов является, повидимому, зачинщиком аварии на Березниковском химкомбинате.

Вышинский: Почему это вам известно?

Граше: Я знаю, что после всего этого он вернулся в Москву чрезвычайно взволнованный и просил меня возможно быстрее направить его за границу.

Вышинский: И вы это сделали?

Граше: Я это сделал.

Вышинский: У меня нет вопросов.

Председательствующий: Суд удостоверяет, что фотоснимок гражданина, в котором подсудимый Граше опознал Мейеровитца, вполне идентичен фотоснимку, имеющемуся во въездном производстве иностранного отделения административного отдела президиума Мособлисполкома, и фотоснимку, имеющемуся на удостоверении.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПУШИНА

Вышинский: В чем вы себя признаете виновным?

Пушин: Признаю себя виновным в том, что, будучи завербован в начале 1934 года Ратайчаком в контрреволюционную троцкистскую организацию, состоял в ней до ареста моего, и по директивам, получаемым мною от Ратайчака, совершил три диверсионных акта на Горловском заводе, принимал участие во вредительской работе, которая велась по проектированию, и, наконец, по поручению того же Ратайчака передал германскому разведчику монтеру Ленцу три секретных документа.

Вышинский: А в том, что вы еще вербовали в троцкистскую организацию разных людей? Кого из завербованных вами для подрывной работы людей вы можете назвать?

Пушин: Технический директор Горловского химического завода инженер Тамм.

Коммодов: У меня есть вопрос к Пушину. Когда был совершен диверсионный акт на Горловском заводе?

Пушин: В ноябре 1935 года.

Коммодов: А в 1936 году вами были совершены какие-нибудь вредительские или диверсионные действия?

Пушин: Нет, начиная с декабря 1935 года, ни одного акта преступного характера я не совершал. Я всеми мерами старался уйти с работы из Главхимпрома и уехал в Грузию.

Коммодов: На новом месте вы не использовали свое служебное положение в скверном направлении?

Пушин: Наоборот, я старался как можно лучше работать, чтобы смыть преступное пятно.

Коммодов: Вы сознались на допросе или написали собственноручное заявление?

Пушин: Прежде, чем мне были предъявлены улики и поставлен ряд вопросов, я попросил бумагу и перо и написал на имя наркома внутренних дел Ежова заявление, в котором признался во всех своих преступлениях.

Коммодов: У меня больше вопросов нет.

Вышинский (П у ш и н у): Сколько времени вы исполняли обязанность осведомителя германской разведки?

Пушин: С конца 1934 или с начала 1935 года до середины 1935 года.

Вышинский: Что же потом вам помешало?

Пушин: Не было никаких практических поручений, так как лицо, с которым я был связан, Ленц, выехало.

Вышинский: Значит, вы прекратили деятельность не потому, что у вас были угрызения совести, а потому, что не было практических предложений?

Пушин: Да.

Вышинский: Вы никому не заявляли о том, что у вас были на душе грехи, преступления, до того, как вас привели в НКВД?

Пушин: Заявления я никому не делал.

Вышинский: Значит, заявление на имя тов. Ежова вы подали не до ареста, а уже после ареста?

Пушин: Да.

Вышинский: А раз вы сами не пришли и не заявили, все остальное теряет всякое значение.

Пушин: Совершенно верно.

Вышинский: У меня больше вопросов нет.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ТАММА

Вышинский: Каким образом вы узнали о преступной деятельности Пушина?

Тамм: Мне были известны его антисоветские настроения.

Вышинский: Откуда?

Тамм: Это проглядывало из всех его разговоров, из отдельных реплик.

Вышинский: Он был членом партии?

Тамм: Да.

Вышинский: А вы были?

Тамм: Беспартийный.

Вышинский: И вы, беспартийный, вдруг заметили, что член партии ведет антисоветские разговоры?

Тамм: Да. В одну из моих поездок в Москву, это было в феврале 1934 года, я по заводским делам был у него в Главхимпроме и там он мне сделал конкретное предложение о том, что нужно заняться диверсионной деятельностью. Я согласился.

Вышинский: Он дал вам поручения? Вы все поручения выполнили?

Тамм: Да, выполнил.

Вышинский: Как вы считаете: можно думать, что весь 1935 год Пушин стоял на диверсионной позиции?

Тамм: Полагаю, что да.

Вышинский: Диверсионные акты по поручению Пушина были осуществлены под вашим непосредственным руководством?

Тамм: Да.

Вышинский: Кто осуществлял?

Тамм: Осуществляли Асиновский, Халезов, Драч, Крушельницкий.

Председательствующий: Допрос подсудимых закончен. Допрос свидетелей тоже закончен. Дополнительных вопросов нет?

Вышинский: У меня есть вопросы Пятакову. Подсудимый Пятаков, скажите, пожалуйста, вы летали на аэроплане в Норвегию для встречи с Троцким? Вы не знаете, на каком аэродроме вы снижались?

Пятаков: Около Осло.

Вышинский: Никаких не встречалось затруднений при спуске или при допуске аэроплана на этот аэродром?

Пятаков: Право, я не могу сказать. Я был возбужден необычайностью поездки и не обращал на это внимания.

Вышинский: Вы подтверждаете, что вы спустились на аэродром около Осло?

Пятаков: Около Осло. Это я помню.

Вышинский: Больше у меня вопросов нет. Ходатайство к суду: Я интересовался этим обстоятельством и просил Народный комиссариат иностранных дел обеспечить меня справкой, ибо я хотел проверить показания Пятакова и с этой стороны. Я получил официальную справку, которую прошу приобщить к делу. (Читает.)

«Консульский отдел Народного комиссариата иностранных дел настоящим доводит до сведения прокурора СССР, что, согласно полученной полпредством СССР в Норвегии официальной справке, аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международных правил, аэропланы других стран, и что прилет и отлет аэропланов возможны и в зимние месяцы». (Пятакову.) Это было в декабре?

Пятаков: Так точно.

Вышинский: Прошу приобщить к делу. Теперь вопрос к подсудимому Радеку.

Председательствующий: Пожалуйста.

Вышинский: Подсудимый Радек, скажите: к вам на дачу под Москвой приезжало некое лицо?

Радек: Как я уже показывал, летом 1935 года меня посетил тот же самый дипломатический представитель той средне-европейской страны, который предпринимал первый зондаж в разговоре со мной в 1934 году.

Вышинский: Он приезжал и беседовал с вами в чьем-нибудь присутствии или с глазу на глаз?

Радек: Нет, у меня был тогда Бухарин. Мы сидели на веранде, когда подъехал автомобиль, и я через окно увидел этого мне известного господина и, кроме того, двух неизвестных. Так как никакого предварительного извещения о его посещении не было, я был удивлен. Он начал объяснять свой приезд тем, что его посетили два лица, для меня наверно интересных, — профессор Кенигсбергского университета и советник одного из руководителей одной из провинций этой страны, которые должны для меня представлять интерес с той стороны, что Кенигсберг иначе относится к России, чем, скажем, Розенберг, что Пруссия боится Польши, не доверяет ей, поэтому она более заинтересована в активном отношении к СССР.

Я выслушал это его вступление и, так как у нас было решено ни в какие переговоры с этими представителями здесь не вступать, кроме, как я сообщал уже, дачи визы на мандат Троцкому, и так как я не мог ему объяснить причины, то мне оставалось только одно: я начал неожиданно для него издеваться. Началась перепалка по расовому вопросу. И тогда эти представители, видя, что ни в какие разговоры, для которых они приехали, мы, повидимому, вступать не хотим, уехали.

Это посещение имело дальнейшее последствие. Дипломатический агент или не мог понять, почему он был так принят, или те лица, которые стояли за ним, хотели проверить, что это означает, не произошли ли какие-нибудь изменения в отношениях блока к этой стране. И через несколько месяцев, приблизительно в ноябре 1935 года, на одном из очередных дипломатических приемов подошел ко мне военный представитель этой страны...

Председательствующий: Не называйте ни фамилий, ни страны.

Радек: ...и начал жаловаться на полное изменение атмосферы между обеими странами. После первых слов он сказал, что во время господина Троцкого между обеими армиями обеих стран существовали лучшие отношения. В дальнейшем он сказал, что Троцкий остался верен своим старым взглядам на необходимость советско-немецкой дружбы. После ряда его таких дальнейших высказываний он начал напирать на меня, как на проводившего ранее рапальскую линию. Я ему на это ответил той же самой формулировкой, которой ответил на первый зондаж, что реальные политики в СССР знают значение советско-немецкой дружбы и готовы итти на уступки, необходимые для обеспечения этой дружбы. Он мне ответил, что надо было бы, наконец, когда-нибудь собраться, совместно поговорить подробно и конкретно о путях сближения.

Я сказал ему, что когда будет соответствующая обстановка, я охотно проведу с ним вечер. Этот второй разговор показал мне, что тут есть попытка перехвата тех отношений, которые начались между Троцким и соответственными кругами Германии, руками военных кругов, или же проверка реального содержания тех переговоров, которые велись. Быть может, дело шло также о проверке, знаем ли мы то, что конкретно предлагал Троцкий.

Вышинский: Был ли у вас разговор с Пятаковым или с кем-нибудь иным о сроках приближения возможной войны?

Радек: Когда Пятаков вернулся из Осло, я задал ему ряд вопросов с точки зрения внешне-политической. Он сообщил вот что: во-первых, Троцкий сказал ему, что речь идет не о терминах пятилетки, дело идет не о пяти годах, дело идет о годе, в крайнем случае, о двух годах. Дело идет о войне в 1937 году. Тогда я спросил Пятакова: «Что же, Троцкий говорил это тебе, как свое предположение?» Пятаков ответил: «Нет, Троцкий это говорил, ссылаясь на разговор с Гессом и другими официозными лицами Германии, с которыми он имел дело». Значит, это была ориентировочная директива на совершенно конкретное время. Я его спросил: дело идет об изолированной войне против СССР? Пятаков на это ответил, что Троцкий говорил вообще о войне 1937 года, не изолируя нападение на СССР от общего хода. А когда я Пятакова спросил, как же Троцкий себе конкретно представляет развертывание событий, Пятаков на это мне сказал, что Троцкий говорил: военная подготовка Германии окончена, и теперь дело идет об обеспечении Германии дипломатическими средствами. Для этого понадобится год. И сказал, что цель этих дипломатических стремлений, во-первых, в том, чтобы обеспечить английский нейтралитет, во-вторых, или Германия сговорится с Францией, или же, опираясь на нарастающее фашистское движение, которое ослабит демократическое правительство Франции, она сумеет при благоприятной обстановке коротким ударом вывести Францию из строя так надолго, пока она концентрированными силами ударит по СССР. Это был второй факт, сообщенный Пятаковым.

Третье из разговоров Троцкого с Пятаковым — это германское требование полной свободы рук при продвижении Германии в балканские и придунайские страны. Это тоже очень существенный факт.

Вышинский (П я т а к о в у): Это вы говорили? Подтверждаете?

Пятаков: Да, Радек очень точно передает. Все совершенно правильно.

Председательствующий: Тов. Моносович, готовы ли ответы на вопросы, заданные прокуратурой?

Моносович (э к с п е р т). Готовы. (Ч и т а е т.)

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ

«1. П о в з р ы в у, п р о и с ш е д ш е м у 11 н о я б р я 1935 г о д а н а Г о р л о в с к о м т у к о в о м з а в о д е в в о д о р о д н о-с и н т е т и ч е с к о м ц е х е

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв азотного аппарата в отделении воздушных кабин водородно-синтетического цеха Горловского азотно-тукового комбината 11 ноября 1935 года?

О т в е т: Непосредственной причиной взрыва азотного аппарата в отделении воздушных кабин явилось накопление ацетилена в конденсаторах и в изоляционной массе аппарата.

Накопление ацетилена было вызвано следующими обстоятельствами:

1) Вентилятор для засоса воздуха из верхних слоев воздуха не работал, а, следовательно, воздух засосался из помещения вентиляторной, т. е. с большим содержанием ацетилена.

2) На всасывающей линии воздушных компрессоров, при бездействующем вентиляторе, образовался вакуум, что вызвало засасывание воздуха, загрязненного ацетиленом, из окружающей атмосферы по всей линии воздуховода. Этот воздух был особенно загрязнен ацетиленом ввиду того, что возле самого цеха производились сварочные работы при помощи ацетиленовых генераторов.

3) Как следует из технического акта и из объяснений инж. Тамма, азотный аппарат работал до момента взрыва в течение 15 дней с выключенным добавочным конденсатором, причем анализ на содержание ацетилена в жидком кислороде не производился (в течение ряда дней отсутствовали даже реактивы), а слив жидкого кислорода из основного конденсатора либо производился недостаточно часто, либо вовсе не производился.

б) Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв?

Ответ: Бесспорно. Для этого нужно было только придерживаться инструкций, обязательных при ведении работы и обеспечивающих нормальную и безопасную работу на этих аггрегатах, а именно: всос воздуха из верхних слоев атмосферы, систематический анализ жидкого кислорода и систематический спуск жидкого кислорода из конденсатора.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: Если бы обязательные для эксплоатации инструкции были соблюдены и взрыв имел бы место, то можно было бы говорить о случайности. В данном случае, когда инструкции полностью были нарушены и этим созданы все условия для взрыва, о случайности говорить нельзя. Факт злого умысла неоспорим.

г) Соответствуют ли объяснения на предварительном следствии свидетеля Тамма об обстоятельствах и причинах взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Да, в основном соответствуют.

2. По взрыву, происшедшему 7 апреля 1934 года на Горловском азотно-туковом заводе

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв аммиакопровода цеха аммиачной селитры?

Ответ: Взрыв явился следствием автогенной резки трубок для измерительных приборов. Так как смесь взрывоопасна, то варка или резка на трубах, наполненных газом, без предварительной продувки категорически запрещается. В данном случае резка произведена была без предварительной продувки, что и привело к взрыву.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Пушина об обстановке и причинах данного взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Соответствуют.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: При наличии строгой запретительной инструкции и без специального разрешения на такую работу со стороны технического директора или начальника цеха — факт нарушения этих инструкций не может быть признан случайным, а должен быть признан как результат злого умысла.

3. По обвалу газопровода на Горловском азотно-туковом заводе, имевшему место 14 ноября 1934 года

а) Какие причины вызвали 14 ноября 1934 года обвал газопровода на Горловском азотно-туковом заводе?

Ответ: Обвал газопровода произошел в результате накопления в нем чрезмерно большого количества воды (около 13 тонн). Накопление было вызвано тем, что конденсат из газопровода не спускался. Два спускных крана были закрыты. Вода сосредоточивалась в наиболее низком участке газопровода, причем накопившееся количество воды заняло до $^2/_3$ живого сечения газопровода и вызвало увеличение скорости движения газа до 16—30 метров в секунду.

Возникшая вследствие этого вибрация конструкции газопровода и гидравлические удары превысили напряжения металла дальше предела текучести, из-за чего газопровод был разрушен.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Пушина об обстоятельствах и причинах обвала газопровода объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Соответствуют.

в) Может ли этот обвал быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: Обвал газопровода не может быть признан случайным. Гул в газопроводе от чрезмерного накопления воды был слышен на заводе за $3^1/_2$ часа до момента обвала газопровода. Необходимость немедленного спуска воды, остановка компрессоров до окончания спуска конденсата являлись обязательными техническими мероприятиями. Отсутствие этих мероприятий со стороны квалифицированных инженеров Тамма и Халезова указывает на злоумышленность их действий, которые привели к обвалу газопровода».

Председательствующий: Тов. Лекус имеет слово для заключения.

Лекус (эксперт): По предложению следственных органов в Кузнецком бассейне в течение октября, ноября и декабря месяцев 1936 года работал целый ряд экспертных комиссий по вопросам в связи с преступной деятельностью обвиняемых Шестова и Стройлова в Кузбассе, как было нам сформулировано. Эти экспертные комиссии изучили довольно большое количество фактического материала, собранного в рудоуправлении. Кроме того они посетили все те шахты, которые считали необходимым посетить по ходу дела, и сами осматривали те горные выработки, к которым относились те или другие материалы. И, наконец, — комиссия, которая уже изучала все

материалы, собранные на рудниках в Кузбассе, в которую входили горный инженер Горбачев, горный техник Дмитров и я.

В связи с поставленными вчера государственным обвинителем прокурором Союза тов. Вышинским и утвержденными судом вопросами для того, чтобы дать ответ на эти вопросы, я пользовался всеми материалами, которые я здесь и представляю суду.

... Теперь я перехожу конкретно к ответу (читает): «Заключение по вопросам, поставленным государственным обвинителем прокурором Союза ССР тов. Вышинским и утвержденным судом эксперту Лекус, в связи с преступной деятельностью обвиняемых Шестова и Строилова в Кузбассе.

А. Горные пожары на Прокопьевском руднике

1. Причины возникновения пожаров.

Ответ. Горные подземные пожары возникли вследствие:

а) Применения камерно-столбовой системы горных работ с естественным обрушением потолочной толщи и системы зон, с межзонными целиками, также с естественным обрушением потолочной толщи при разработке мощных пластов.

Оставшийся в недрах уголь оказывался в условиях, благоприятных для самонагревания, и в дальнейшем самовозгорался.

б) Технически неправильного применения вышеуказанных систем горных работ с обрушением, при котором резко возрастало число аварийных очистных горных выработок (том 44, стр. 68, 73—74)».

Дальше у меня идет абзац, который я прошу огласить на закрытом заседании.

Председательствующий: Пожалуйста.

Лекус: У меня есть объяснение к пункту «б» моего заключения. Суть дела здесь заключалась в том, что сама система была неправильна и нецелесообразна, но ее можно было применять, стремясь к тому, чтобы работа была поставлена как можно лучше, а тут при плохой системе еще плохо ее применяли (читает): «в) Неприменения методов закладки выработанного пространства».

Председательствующий: Вы прочтите вашу табличку.

Лекус (читает):

«разрабатывалось:	с закладкой:	с обрушением:
	в процентах	
в 1934 году	5,12	94,88
в 1935 году	3,12	96,88
в 1936 году	4,17	95,83

(том 46, стр. 20).

2. Последствия этих пожаров.

Ответ: а) На закрытое заседание.

б) На закрытое заседание.

в) Наличие такого количества подземных пожаров в верхних горизонтах на круто падающих мощных пластах Прокопьевского

рудника делает весьма затруднительным ведение горных работ на нижележащих горизонтах. Причем, впредь до того, пока подземные пожары не будут ликвидированы, работы на нижних горизонтах под очагами пожаров представляют большую опасность для людей, работающих в горных выработках.

г) Как возникновение, так и наличие старых пожарных очагов усложняет и дезорганизует ведение горных работ, срывает выполнение планов угледобычи и повышает себестоимость угля.

3. Была ли возможность предотвратить эти пожары?

Ответ: Как правило, применение рациональных систем горных работ, в первую очередь с закладкой выработанного пространства, практически упраздняет возможность возникновения подземных пожаров.

На Прокопьевском руднике была возможность вести закладочные работы простейшими способами, впредь до постройки сооружений для механизированной закладки выработанного пространства (том 44, стр. 56).

Была возможность форсировать строительство временной механизированной закладки, между тем деньги на это строительство не использовывались (том 44, стр. 43).

Таким образом возможность предотвратить пожары была; эта возможность не была использована сознательно.

В. Состояние вентиляции на Прокопьевском руднике

Вентиляция шахт на руднике находится в чрезвычайно тяжелом, дезорганизованном состоянии и не обеспечивает нормального ведения горных работ.

1. Причины плохого состояния вентиляции.

Ответ: а) Нарезка вентиляционных выработок далеко отставала от проходки основных выработок, в результате чего создавались глухие, необслуживаемые искусственной вентиляцией забои.

б) Воздух, подаваемый главными вентиляторами, резко неравномерно распределялся по отдельным участкам и забоям.

в) Переносные вентиляторы устанавливались так, что образовывали круговорот испорченной струи воздуха.

г) Вентиляционные перемычки и двери своевременно не строились и не ремонтировались, вследствие чего происходила утечка воздуха и нарушалась схема вентиляции.

д) Задерживался переход на искусственную вентиляцию.

2. Последствия плохого состояния вентиляции.

Ответ: а) На закрытое заседание.

Отравлений со смертельным исходом за 1935 г. — два случая и за 9 мес. 1936 года — два случая (том 46, стр. 26).

б) С 1933 года по октябрь 1936 года произошло 10 взрывов газа и угольной пыли. При этом 21 человек пострадали, получив ожоги лица и рук, и один случай смертельный (том 46, стр. 139, 140, 141).

в) Наличие загазованных горных выработок приводило к дезорганизации работ и уменьшению выполнения плана угледобычи.

3. Была ли возможность улучшить вентиляцию?

Ответ: Возможность улучшить вентиляцию была. Как видно из § 1 раздела «Б» настоящего заключения, такие элементарные мероприятия, как своевременная нарезка вентиляционных выработок, равномерное распределение воздуха, подаваемого главными вентиляторами, рациональная установка переносных вентиляторов и нормальный уход за подземными вентиляционными сооружениями, могли резко улучшить дело проветривания горных выработок на Прокопьевском руднике.

Неприменение указанных мероприятий могло быть следствием лишь преднамеренной злой воли.

В. Капитальное и реконструктивное строительство по тресту Кузбассуголь за 1932—1936 гг.

1. Соответствие планов проводимого строительства интересам развития бассейна.

Ответ: а) Основной задачей Кузбасса является снабжение коксовой и химической промышленности Востока углями специальных марок. С точки зрения интересов развития бассейна, необходимо было построить ряд шахт на углях потребных марок, с тем чтобы эти шахты могли обеспечить перспективу ближайшего развития бассейна.

Шахта Капитальная 1 Киселевского района, на которую затрачено больше 7 млн. рублей, которая обладает большими запасами углей марки «К», в конце 1935 года консервируется. Горизонт 100 метров шахты им. Сталина Прокопьевского рудника, обладающей большими запасами углей марки «К», законсервирован с 1934 года. Консервация мотивируется недостатком средств (том 48, стр. 326 и 331).

Одновременно происходит строительство 4 наклонных шахт в Киселевке общей стоимостью в 6 315 тысяч рублей, дающих менее 30% углей марки «К» (том 55, стр. 132).

Переброска средств со строительства второстепенных объектов на строительство основных, в пределах отпущенных Кузбассуглю кредитов, дала бы возможность своевременно ввести в эксплоатацию шахтный фонд с запасами углей марки «К».

2. Последствия неправильного планирования строительства.

Ответ: а) Законсервировано 6 шахт суммарной проектной мощностью 12,5 млн. тонн в год. Затрачено на эти шахты 15 657 тысяч рублей (том 44, стр. 134).

б) Ряд рудников Кузбасса, как Киселевский, Осиновский, Куйбышевский, Ленинский, отчасти Прокопьевский, превращены в рудники мелких шахт, не обеспечивающих даже ближайшей перспективы этих рудников, а тем самым Кузбасс в целом (том 44, стр. 132).

в) Основной поставщик углей марки «К» — Прокопьевский рудник поставлен в чрезвычайно тяжелое положение, так как временное закладочное хозяйство недостроено, недопроектировано и рудник не вооружен, не подготовлен к ведению горных работ на вторых (нижних) горизонтах с закладкой выработанного пространства.

г) Шахтный фонд по углям марки «К» не обеспечивает возможность добычи этих углей в потребном количестве в ближайшие годы».

Председательствующий: Переходим к третьему заключению экспертизы. Слово имеет тов. Покровский.

Покровский (эксперт) (читает): «Заключение председателя экспертной комиссии Покровского по вопросам, поставленным государственным обвинителем прокурором тов. Вышинским, утвержденным Верховным судом, в связи с преступной деятельностью подсудимых Норкина и Дробниса на Кемеровском комбинатстрое.

Настоящее заключение составлено на основании материала экспертных комиссий, работавших по отдельным, многочисленным стройкам Кемеровского комбинатстроя с 29 октября по 14 ноября 1936 года в следующем составе:

1) Белгородский — инженер-технолог, 2) Пакуро — инженер-строитель, 3) Иванов — техник-строитель, 4) Котляр — инженер-технолог, 5) Шутиков — инженер-технолог, 6) Герасимов — финансист, 7) Везеницын — инженер-технолог, 8) Бондарь — инженер-технолог, 9) Уварова — инженер-технолог, 10) Смирнов — инженер-строитель, 11) Трофименко — инженер-технолог, 12) Оржеровский — инженер-электрик, 13) Войцеховский — инженер-технолог, 14) Покровский — инженер-технолог, председатель экспертной комиссии».

Комиссия была разбита по многочисленным заводам Кемеровского комбинатстроя и его подсобным предприятиям, был произведен осмотр на месте, были произведены фотоснимки отдельных объектов. Кроме того, была проведена документация целого ряда материалов, которые я представляю суду и на основе которых было сделано заключение на поставленные передо мной вопросы. Но, прежде чем перейти к ответу на вопросы, я просил бы товарища председателя целый ряд вопросов отнести на закрытое заседание ввиду их секретности.

Председательствующий: Давайте ответы на те вопросы, которые не являются секретными.

Покровский: Первая группа важных вопросов (читает):

«А. Взрывы на Кемеровской ГРЭС 3 и 9 февраля 1936 года

1. Причины взрывов на Кемеровской районной электростанции.

Ответ: Топки котлов Кемеровской ГРЭС сконструированы для сжигания топлива в пылевидном состоянии. Система пылеприготовления ГРЭС рассчитана на размалывание углей с содержанием летучих веществ не свыше 25%.

Ленинские газовые угли, содержащие до 42% летучих веществ, при размалывании и подсушке до 140°—120° С интенсивно выделяют летучие вещества с низкой температурой воспламенения.

Вся система пылеприготовления заполняется в большом количестве горючими летучими в смеси с воздухом. Достаточно незначительной искры, чтобы произошел взрыв, могущий привести к разрушению

котлов, гибели обслуживающего персонала и длительному перерыву в электроснабжении.

Образование искр вполне вероятно при работе паровой мельницы. Кроме того, — пыль таких углей, как ленинские газовые, способные самовозгораться при сравнительно низких температурах — 140° С.

Таким образом причиной взрывов на Кемеровской ГРЭС 3 и 9 февраля 1936 года является сжигание углей с содержанием летучих веществ 30,1% (том 55, стр. 377—388).

2. Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв?

Ответ: Да, имелась. Для этого необходимо было не сжигать на Кемеровской ГРЭС углей, содержащих летучих веществ больше той нормы (25%), на которую рассчитана система пылеприготовления ГРЭС.

3. Может ли этот взрыв быть признан случайным или он явился результатом злого умысла?

Ответ: Взрыв не может быть признан случайным. Экспертиза располагает документами, указывающими на то, что об угрозе взрыва руководство Кемеровкомбинатстроя неоднократно предупреждалось. В частности, — директором Кемгрэса Скрипкиным, зав. котельной Пономаревым и государственным техническим надзором (см. документы, том 55, стр. 369, 370, 371, 372, 374, 375 и 378). На эти предупреждения технических работников последовало письменное распоряжение начальника ККС Норкина, приказавшего продолжать сжигание углей с большим содержанием летучих.

Исходя из этого, экспертиза пришла к заключению, что взрывы на ГРЭС есть результат злого умысла. Все документы, на которые имеются ссылки, находятся в следственном деле (см. том 55, стр. 369, 370, 371, 373, 374, 375 и 378).

Б. Аварии на Азотстрое, имевшие место 22 марта и 5 апреля 1936 года

1. Причины аварий.

Ответ: 22 марта 1936 года в цехе амселитры Азотстроя в момент окончания бетонировки перекрытия произошло обрушение всего перекрытия. Обвал явился следствием установки поддерживающих опалубку перекрытия лесов без расчетов; материал, из которого были построены леса, был непригоден (том 55, стр. 354).

5 апреля 1936 г. произошло обрушение лесов на воздуходувке по причине установки лесов из непригодного старого материала без расчета и технических указаний (том 55, стр. 357).

2. Имелась ли возможность предотвратить эти аварии?

Ответ: Путем производства предварительного расчета лесов, употребления в дело нового материала и технического надзора за сооружением лесов имелась полная возможность предотвратить эти аварии.

3. Последствия этих аварий.

Ответ: Последствием этих аварий явились материальные убытки, задержки строительства и ранение шести рабочих (при аварии на воздуходувке).

4. Могут ли эти аварии быть признаны случайными или они явились результатом злого умысла?

Ответ: Рассматривая характер обеих аварий и исходя из фактов:

1) что употребление непригодного сгнившего материала для строительных лесов при условии, что этими лесами должны пользоваться рабочие, ни технически, ни административно не является допустимым;

2) что из первой аварии не был извлечен соответствующий урок и через 14 дней по той же причине произошла вторая авария, —

экспертиза считает, что эти аварии не могут быть признаны случайными, а являются результатами злого умысла».

После заключения экспертизы председательствующий объявляет:

— Дальнейшее заседание будет проходить, на основании ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса, при закрытых дверях.

ЗАКРЫТОЕ СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вечером 27 января после окончания открытого судебного заседания состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

На этом заседании эксперты тт. Лекус и Покровский изложили свое заключение по утвержденным судом вопросам, не подлежащим обсуждению в открытом судебном заседании.

Далее, свидетель Штейн дал показания о своих связях с официальным представителем одного из иностранных государств.

Подсудимые Пятаков, Сокольников, Радек были допрошены об их связи с официальными представителями иностранных государств и о переговорах с представителями этих государств в соответствии с установками Троцкого на ускорение войны против СССР, содействие агрессивным иностранным государствам в поражении СССР и расчленении его территории. Допросом подсудимых Радека и Сокольникова, а также предъявлением им соответствующих документов установлены личности и должностное положение представителей иностранных государств, с которыми подсудимые Радек и Сокольников вели переговоры.

Допросом подсудимых Ратайчака, Князева, Турока, Граше, Шестова и Строилова установлены конкретные связи их с агентами иностранных разведок по шпионской и диверсионной работе, которая ими велась в СССР как по заданиям этих разведок, так и по заданиям антисоветского троцкистского центра, — на основе установок Троцкого.

Допросом подсудимых, предъявлением и оглашением соответствующих документов установлены фамилии и должностное положение упоминаемых в обвинительном заключении г-на К., г-на Х. и других лиц, о которых упоминалось в судебном следствии без оглашения их фамилий.

В том же закрытом судебном заседании подсудимые Пятаков и Ратайчак были допрошены по поводу их преступной вредительской деятельности на предприятиях оборонной промышленности.

Заседание 28 января

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПРОКУРОРА СССР *тов.* А. Я. ВЫШИНСКОГО

ОСОБЕННОСТИ НАСТОЯЩЕГО ПРОЦЕССА

Товарищи судьи и члены Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик! Приступая к исполнению своей последней обязанности по настоящему делу, я не могу не остановиться на некоторых, в высокой степени важных, особенностях настоящего судебного процесса.

Эти особенности заключаются, на мой взгляд, раньше всего в том, что данный судебный процесс в известном смысле подводит итог преступной деятельности троцкистских заговорщиков, боровшихся в течение многих лет, систематически и при помощи самых отвратительных, самых гнусных средств борьбы против советского строя, Советского государства, против советской власти и нашей партии. Этот процесс подводит итог борьбе против Советского государства и партии этих людей, начавших борьбу задолго еще до нынешнего времени, еще при жизни великого нашего учителя и организатора Советского государства — Ленина; людей, боровшихся при Ленине против Ленина, после Ленина — против его гениального ученика, верного хранителя ленинских заветов и продолжателя его дела — Сталина.

Особенности настоящего процесса заключаются еще и в том, что именно этот процесс, как лучами прожектора, осветил самые потаенные уголки, тайные закоулки, отвратительные углы троцкистского подполья.

Этот процесс показал и доказал, с каким тупым упорством, с каким змеиным хладнокровием, с какой расчетливостью профессиональных преступников троцкистские бандиты вели и ведут против СССР свою борьбу, не отступая ни перед чем—ни перед вредительством, ни перед диверсиями, ни перед шпионажем, ни перед террором, ни перед изменой родине.

Когда несколько месяцев назад в этом самом зале, на этих самых скамьях подсудимых сидели члены, так называемого, объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, когда Вер-

ховный суд в лице Военной коллегии судил тех преступников, — каждый из нас при виде преступлений, которые кошмарной картиной проходили перед нашими глазами, не мог не отпрянуть с ужасом и отвращением.

Каждый честный человек нашей страны, каждый честный человек в любой стране мира не мог тогда не сказать:

вот бездна падения!
вот предел, последняя черта морального и политического разложения!
вот дьявольская безграничность преступлений!

Каждый честный сын нашей родины думал: такие гнусные преступления не могут повторяться. Таких низко павших, таких подло предавших нас людей больше в нашей стране нет.

И вот теперь вновь нас охватывает недавно пережитое нами чувство! Вновь проходят перед нашим встревоженным и негодующим сознанием страшные картины чудовищных преступлений, чудовищных предательств, чудовищной измены.

Этот процесс, где сами подсудимые сознались в своей вине; этот процесс, где рядом с руководителями, так называемого, параллельного троцкистского центра — обвиняемыми Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым—сидят на той же скамье подсудимых такие видные троцкисты, как Муралов, Дробнис, Богуславский, Лившиц; где рядом с этими троцкистами сидят просто шпионы и разведчики — Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше,— этот процесс показал, до чего докатились эти господа, в какой омут окончательно и бесповоротно погряз контрреволюционный троцкизм, давно уже превратившийся в передовой и злейший отряд международного фашизма.

Этот процесс вскрыл все тайные пружины подпольной преступной деятельности троцкизма, весь механизм их кровавой, их предательской тактики. Он еще раз показал лицо настоящего, подлинного троцкизма— этого исконного врага рабочих и крестьян, исконного врага социализма, верного слуги капитализма.

Этот процесс показал еще раз, кому служат Троцкий и его подручные, что представляет собой троцкизм в действительности, на практике.

Здесь, в этом зале перед судом, перед всей страной, перед всем миром прошла вереница преступлений, совершенных этими людьми.

Кому на пользу их преступления? Во имя какой цели, во имя каких идей, во имя, наконец, какой политической платформы или программы действовали эти люди? Во имя чего? И, наконец, почему стали они предателями родины, изменниками делу социализма и международного пролетариата?

Настоящий процесс ответил, на мой взгляд, с исчерпывающей полнотой на все эти вопросы, ответил ясно и точно, почему и как они дошли до жизни такой.

Как кинематографическая лента, пущенная обратным ходом, этот процесс нам напомнил и показал все основные этапы исторического

пути троцкистов и троцкизма, потратившего 30 с лишним лет своего существования на то, чтобы подготовить в конце концов свое окончательное превращение в штурмовой отряд фашизма, одно из отделений фашистской полиции.

Сами обвиняемые рассказывали о том, кому они служили. Но еще более красноречиво говорят об этом их собственные дела, их грязные, кровавые, преступные дела.

Много лет назад наша партия, рабочий класс, весь наш народ отвергли троцкистско-зиновьевскую платформу, как платформу антисоветскую, антисоциалистическую. Троцкого наш народ выбросил из пределов страны, его пособников вышвырнули из рядов партии, как изменивших делу рабочего класса и социализму. Троцкий и Зиновьев были разгромлены, но они не успокоились, не сложили своего оружия.

Троцкисты ушли в подполье, накинув на себя маски раскаявшихся и якобы разоружившихся людей. Следуя указаниям Троцкого, Пятакова и других руководителей этой банды преступников, ведя двурушническую политику, маскируясь, они вновь проникли в партию, вновь проникли на советскую работу, кое-кто пролез даже и на ответственные государственные посты, припрятав до поры до времени, как это теперь с очевидностью установлено, свой старый троцкистский антисоветский груз на своих конспиративных квартирах, вместе с оружием, шифрами, паролями, связями и своими кадрами.

Начав с образования антипартийной фракции, переходя все более и более к обостренным методам борьбы против партии, став, особенно после изгнания из партии, главным рупором всех антисоветских групп и течений, они превратились в передовой отряд фашистов, действующий по прямым указаниям иностранных разведок.

Судебный процесс объединенного троцкистско-зиновьевского центра уже разоблачил связи троцкистов с Гестапо и фашистами. Настоящий процесс пошел в этом отношении дальше. Он дал исключительной доказательной силы материал, еще раз подтвердивший и уточнивший эти связи, подтвердивший полностью и уточнивший в процессуально-доказательном смысле и в полном объеме предательскую роль троцкизма, полностью и безоговорочно перешедшего в лагерь врагов, превратившегося в одно из отделений «СС» и Гестапо.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен. На всем протяжении своей позорной и печальной истории троцкисты старались бить и били по самым чувствительным и опасным местам пролетарской революции и советского социалистического строительства.

Та директива, о которой здесь говорил Пятаков, полученная им от Троцкого, — «бить самыми чувствительными способами по самым чувствительным местам», — эта директива представляет собой старую троцкистскую установку в отношении советской власти, в отношении социалистического строительства в нашей стране.

Особенной активностью, особенной решительностью, упорством, настойчивостью троцкистов в борьбе с советской властью отличается тот период, который совпал с окончательной победой в СССР социализма. И это вполне естественно. Эта победа далась нам не без преодоления громадных трудностей. Трудности и, в частности, те, которые

мы встретили на своем пути в период 1929—1931 гг., особенно в деревне, эти трудности окрылили троцкистско-зиновьевское подполье, зашевелившееся, приведшее в движение свои щупальцы, пытавшееся ударить, по указанию Троцкого, в самое чувствительное место.

Чуя свою неминуемую гибель, остатки уничтоженных пролетарской диктатурой эксплоататорских классов и их агентура перешли к новой тактике, к новым формам, к новому курсу борьбы с советской властью, о которых здесь достаточно обстоятельно излагали и говорили суду обвиняемые.

Рост сопротивления враждебных пролетарской диктатуре классов окрылил троцкистско-зиновьевскую банду, которую к тому же воодушевляло и подстрекало на преступления против СССР и существующее до сих пор капиталистическое окружение СССР.

В расчете на ослабление советского тыла международная контрреволюция ускоряла подготовку интервенции. Известно, ведь, что интервенты готовят удар против Советского Союза каждый год. Осколки контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группировки знали, что рядом с ними действуют другие защитники реставрации капитализма, другие отряды капиталистической агентуры в нашей стране. «Промпартия», кондратьевская «Трудовая крестьянская партия» — кулацкая партия, «Союзное бюро меньшевиков», деятельность которых была рассмотрена в свое время в судебном заседании Верховного суда, — все эти организации были вскрыты, как организации вредителей и группы диверсантов, которые приветствовали борьбу Троцкого с нашей партией, с советской властью, зная, что в лице троцкистов они действительно имеют подобных себе, но более циничных, более наглых защитников свержения диктатуры пролетариата.

Что такое реставрация капитализма в нашей стране? В 1932 году троцкисты усиливают консолидацию с контрреволюционными антисоветскими группами, они завязывают связи с правой оппозицией для совместной борьбы против партии, против советской власти. Действительное содержание этой связи товарищ Сталин разоблачил на XVI и XVII партсъездах, показав, что контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев с «капитулянтами без маски», как он выразился, объединяет стремление к реставрации в СССР капитализма. Эту программу товарищ Сталин назвал тогда программой презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционной программой восстановления капитализма в СССР.

В свете сегодняшнего дня особенно ясно, какое огромное историческое дело сделал товарищ Сталин, показавший в 1931 году подлинное существо троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации в ее «новом» качестве. Товарищ Сталин в письме в журнал «Пролетарская революция» писал: «На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР». Товарищ Сталин заклеймил троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии, получившей именно из рук троцкистов духовное, тактическое и организационное оружие для своей борьбы с большевизмом, со строительством социализма.

В свете нынешнего процесса особенно ясно, какое исключительное историческое значение имеет это указание. В свете настоящего процесса особенно ярко представляется роль подпольных антисоветских троцкистских групп — этого основного канала всяких антисоветских настроений, надежд и чаяний, основного рычага, тарана, которым враги советов пытаются пробить брешь в стенах нашего государства, сокрушить воздвигнутую нами крепость социализма.

Эту роль авангарда антисоветских фашистских сил троцкисты играли отнюдь не случайно. Уход троцкизма в антисоветское подполье, превращение его в фашистскую агентуру — только завершение его исторического развития.

Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия. Отвратительной борьбой троцкизм начал свой путь, на этом пути троцкизм стоит и сейчас, по этому пути идет все дальше и дальше, не зная в борьбе никаких пределов ненависти и злобы. Вся история политической деятельности троцкистов представляет собой сплошную цепь измен делу рабочего класса, делу социализма.

В 1904 году Троцкий выступил, как известно, с подлейшей брошюркой под заглавием «Наши политические задачи». Эта брошюрка была наполнена грязными инсинуациями по поводу нашего великого учителя, вождя международного пролетариата Ленина, великого ленинского учения о путях большевистской победы, победы трудящихся, победы социализма. В этой брошюрке Троцкий брызжет ядовитой слюной, оплевывая великие идеи марксизма-ленинизма. Он пытается отравить этим ядом пролетариат, пытается свернуть пролетариат с пути непримиримой классовой борьбы, он клевещет на пролетариат, клевещет на пролетарскую революцию, клевещет на большевизм, на Ленина, называя Ленина «Максимилианом» — именем Робеспьера — героя буржуазной французской революции, желая этим унизить великого вождя международного пролетариата.

Этот господин позволил себе называть Ленина вождем реакционного крыла рабочего движения, не зная никаких пределов в своей наглости и политическом бесстыдстве. В то время, как Ленин и Сталин отбирали лучших людей, воспитывая их в политических боях с самодержавием, с царизмом, с буржуазией, сколачивая из них ядро большевистской партии, Иудушка-Троцкий сплачивал единый фронт лакеев капитализма для борьбы против дела пролетариата. В 1911—12 гг. Троцкий организовал тоже блок, подобно тому, как организовал затем троцкистско-зиновьевский блок, организовал так называемый «августовский блок» из прислужников капитала, из меньшевиков, из выброшенных из рядов большевистской партии, из размагниченных интеллигентов и отбросов рабочего движения. Об этом блоке Сталин писал: «Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии».

Ленин писал, что этот блок «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе». Троцкий и его сподручники отвечали потоком

грязной клеветы, чернили Ленина и большевиков, называли их «варварскими», «сектантски-неистовыми» азиатами. О Троцком Ленин писал: «Такие типы характерны как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...» Против такого «типа», как называл Троцкого тогда Ленин, он предупреждал 20 лет тому назад партию и рабочий класс. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» Ленин писал: «Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело».

Наш процесс помогает миллионам и миллионам молодых рабочих и крестьян, трудящимся всех стран ясно и отчетливо представить себе, с кем действительно мы имеем дело. Разрушить большевистскую партию, конечно, презренному троцкистскому блоку не удалось, но троцкисты не переставали и после провала блока нападать на большевистскую партию, как только могли. Весь период с 1903 года по самый канун революции в истории нашего рабочего движения наполнен борьбой Троцкого и троцкистов с крепнущим и растущим в России революционным настроением масс, борьбой против Ленина и против его партии.

В 1915 году Троцкий выступает против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране, уже 20 с лишним лет тому назад капитулируя, таким образом, полностью перед капитализмом.

Троцкий поочередно служит экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму и национал-шовинизму в борьбе против Ленина, как теперь служит империализму и фашизму в борьбе против СССР.

Случайно ли, что троцкисты в конце концов превратились в гнездо и рассадник перерожденчества и термидорианства, как об этом в свое время говорил тов. Сталин? Случайно ли, что Троцкий, очутившись после революции в рядах нашей партии, опять сорвался, скатился на контрреволюционные позиции, оказался выброшенным за пределы нашего государства, за пределы Советского Союза? Случайно ли троцкизм превратился в штурмовой отряд капиталистической реставрации?

Не случайно, потому что к этому шло дело с самого зарождения троцкизма. Не случайно, потому что и до Октябрьской революции Троцкий и его друзья боролись против Ленина и ленинской партии так, как теперь борются против Сталина и партии Ленина — Сталина.

Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране.

И здесь на суде с исключительной полнотой и ясностью была вскрыта именно эта подлая сущность троцкизма. Они пришли к своему позорному концу потому, что десятки лет шли по этому пути, славословя капитализм, не веря в успехи социалистического строительства, в победу социализма. Вот почему они пришли в конце концов к разверну-

той программе капиталистической реставрации, вот почему они пошли на то, что стали предавать и продавать нашу родину.

К этому дело шло уже тогда, когда Троцкий, как это было в 1922 году, предлагал разрешить нашим промышленным предприятиям, трестам закладывать наше имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам для получения кредитов, которые тогда действительно были нужны Советскому государству.

Это предложение Троцкого уже тогда было ступенькой к возврату к власти капиталистов, к тому, чтобы капиталистов, финансистов, заводчиков вновь сделать хозяевами наших фабрик и заводов и отнять у наших рабочих завоеванные ими при советской власти права. Эти господа уверяли, что советское хозяйство «все более и более сращивается с капиталистическим хозяйством», т. е. превращается в придаток мирового капитализма. Они уверяли, что «мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства», то есть утверждали то, о чем мечтали капиталистические акулы.

Товарищ Сталин тогда разоблачил эту вредительскую позицию троцкизма, говоря: «Капиталистический контроль — это значит, прежде всего, финансовый контроль... Финансовый контроль — это значит насаждение в нашей стране отделений крупных капиталистических банков, это значит образование так называемых «дочерних» банков. Но разве есть у нас, — говорил Сталин, — такие банки? Конечно, нет! И не только нет, но и не будет их никогда, пока жива советская власть».

Капиталистический контроль, о котором тогда говорили, мечтали и которого требовали троцкисты и вот эти, сидящие здесь на скамье подсудимых главари троцкистского блока, — это право капиталистов распоряжаться нашей родиной, нашими рынками. Капиталистический контроль означает, наконец, — говорил товарищ Сталин, — контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства. Вот что означал этот, так называемый, капиталистический контроль, о котором тосковали Троцкий и некоторая часть, головка сидящего здесь на скамье подсудимых, так называемого, антисоветского троцкистского центра.

Товарищ Сталин, разоблачая антисоветскую сущность подобных предложений, говорил: «Если речь идет о таком действительном капиталистическом контроле,.. то я должен заявить, что такого контроля у нас нет, и не будет его никогда, пока жив наш пролетариат и пока есть у нас диктатура пролетариата». Вот почему не случайно, почему так органически связаны эти две задачи — подготовка капиталистической реставрации с борьбой против диктатуры пролетариата.

Случайно ли, что, начав с *капиталистического контроля*, эти люди докатились до откровенной платформы *капиталистической реставрации*, до открытой борьбы, во имя осуществления этой платформы в союзе с капиталистами, против диктатуры пролетариата!

Известно, что троцкистские лидеры в переломные моменты нашей борьбы, на крутых подъемах нашей пролетарской революции, всегда,

как правило, оказывались в стане наших врагов, по ту сторону баррикад.

Отрицание социалистического характера нашей революции, отрицание возможности построения социализма в нашей стране определяло и предопределяло враждебную позицию троцкистов к делу социалистического строительства в СССР.

Это, однако, не мешало троцкистам прикрываться именем социализма, как не мешало и не мешает в настоящее время многим врагам социализма прикрываться этим именем.

Так бывало всегда в истории. Известно, что меньшевики и эсеры, эти злейшие враги социализма, всегда прикрывались именем социализма. Но ведь это им не мешало валяться в ногах у буржуазии, у помещиков, у белых генералов. Мы помним, как меньшевики в петлюровской раде призвали на Украину войска Вильгельма II, как они торговали свободой и честью украинского народа;

как под вывеской эсеровского правительства Чайковского орудовали в Архангельске интервенты;

как, так называемое, «социалистическое» «правительство Комитета учредительного собрания» привело к власти Колчака;

как меньшевистское правительство Ноя Жордания верой и правдой служило иностранным интервентам!

Все эти господа называли себя социалистами, все они прикрывались именем социализма, но всем известно, что не было и нет более последовательных и более жестоких, озверелых врагов социализма, чем меньшевики и эсеры.

Троцкий и троцкисты всегда были капиталистической агентурой в рабочем движении. Они превратились теперь в передовой фашистский отряд, в штурмовой батальон фашизма.

В 1926—27 гг. они перешли на путь открытых антисоветских, уже караемых в уголовном порядке преступлений. Они перенесли на улицу, пытались, по крайней мере, это сделать, свою борьбу против руководства нашей партии, против советского правительства. Это было трудное и сложное время в жизни Советского государства. Это было время перехода от восстановительного периода к периоду перестройки нашей промышленности и сельского хозяйства на основе высокой техники. В этот период не могло не быть ряда серьезных трудностей, отражавших собой сложность борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства.

«Оппозиционный блок», так называемая, «новая оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым, Каменевым, с участием почти всех сидящих здесь подсудимых — обвиняемых Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольникова, Муралова, Дробниса, Богуславского, — пытался тогда использовать эти трудности для того, чтобы еще раз попытаться ударить в спину Советского государства, и притом как можно крепче.

Троцкистско-зиновьевский блок 1926 года был блоком, повернувшим все острие своей борьбы против дела социализма в нашей стране, за капитализм. Под прикрытием лживых, иногда внешне «левых»

фраз о «сверхиндустриализации» и пр., троцкистско-зиновьевская банда с 1926—27 гг. выдвинула такое предложение, которое подрывало и срывало союз рабочих и крестьян, подрывало основу Советского государства. Она выдвигала такие требования, как усиленный нажим на крестьянство, как «первоначальное социалистическое накопление» за счет разорения и ограбления крестьянства, она выставляла ряд требований, которые должны были привести к срыву смычки между городом и деревней и тем самым сорвать возможность действительной индустриализации. Это были, в сущности говоря, те же диверсионные и вредительские меры. В сущности говоря, между вредительскими и диверсионными мерами 1926—27 гг. и теперешними разница только в форме. И тогда оппозиционный блок пытался сорвать смычку между рабочим классом и крестьянством своими как будто «левыми», а на самом деле контрреволюционными предложениями, в форме, которая соответствовала условиям классовой борьбы того времени. Это тоже была особая форма диверсии, форма подрывных актов, направленных против диктатуры пролетариата и дела социалистического строительства. Эти предложения тогдашней оппозиции были лишь особой формой борьбы против Советского государства, соответствовавшей тогдашней исторической обстановке. Прошло 10 лет, и мы видим, что они становятся на путь прямых диверсий, на путь вредительства, на путь подрывной работы, но уже в гораздо более острых формах, соответствующих новым условиям, — условиям ожесточенной классовой борьбы с остатками капиталистических элементов.

«Новая оппозиция», как назывался этот блок, объединила не случайно такого «сверхиндустриализатора», каким был Троцкий, с таким противником индустриализации, каким был 10 лет назад Сокольников и каким он остался и до сих пор. «Новая оппозиция» по существу вещей стояла за определенную политическую и социально-экономическую программу, которая не могла не привести, неминуемо должна была привести к ликвидации диктатуры пролетариата, что в свою очередь неминуемо должно было привести к реставрации в СССР капитализма.

Товарищи судьи, когда теперь мы слышим на суде в показаниях главарей этой банды, главарей троцкистской подпольной организации признание в том, что они действительно получали от Троцкого установки на реставрацию в СССР капитализма, приняли эти установки и во имя их осуществления вели вредительскую, диверсионную, разведывательную работу, — может стать вопрос, который кое у кого и возникает: как эти люди, которые столько лет боролись за социализм, люди, которые кощунственно называли себя большевиками-ленинцами, — как можно их обвинять в этих чудовищных преступлениях? Не доказательство ли это того, что обвинение предъявлено неправильно, что эти люди обвиняются в том, в чем не могут быть обвинены по самому существу всей своей прошлой социалистической, революционной, большевистской деятельности?

Я на этот вопрос отвечаю. Подсудимым по настоящему процессу предъявлено обвинение в том, что они действительно пытались всякими, самыми отвратительными и бесчестными мерами вернуть нашу

страну под иго капитализма. Мы обвиняем этих господ в том, что они — предатели социализма. Это обвинение мы аргументируем не только тем, что они совершили сегодня, — это предмет обвинения, — но мы говорим, что история их падения начинается задолго до организации ими, так называемого, «параллельного» центра, этого отростка преступного троцкистско-зиновьевского объединенного блока. Органическая связь — налицо. Связь историческая — налицо. И достаточно было бы ограничиться тем, что я сказал, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что основное обвинение, предъявляемое государственной прокуратурой сидящим здесь на скамье подсудимых, в попытке восстановления в нашей стране низвергнутого девятнадцать лет назад капиталистического строя, — обосновано полностью, доказано документально, и этим обвинением сидящие здесь преступники пригвождены к вечному позору и вечному проклятию со стороны всех честных тружеников, честных людей нашей страны и всего мира.

От платформы 1926 года, от уличных антисоветских выступлений, от нелегальных типографий, от союза с белогвардейскими офицерами, на который они тоже тогда шли, до диверсий, до шпионажа, до террора, до измены родине в 1932—1936 гг. — один шаг. И этот шаг они сделали!

Это мы видели уже на примере троцкистско-зиновьевского объединенного блока, на примере политической судьбы Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского, Тер-Ваганяна и др., позорно кончивших свою жизнь с клеймом наймитов иностранных разведок.

Это же мы видим теперь и на примере судьбы обвиняемых по настоящему делу, большинство которых многие годы и до и после Октябрьской революции боролись против Ленина и ленинизма, против партии Ленина — Сталина, против дела строительства социализма в нашей стране.

Пятаков, К. Радек, Сокольников, Серебряков, Дробнис, Муралов, Лившиц, Богуславский, Шестов — все они ряд лет боролись против дела социализма, против дела Ленина — Сталина.

Эти господа уже тогда направляли свои силы на то, чтобы, как говорил Сталин, «переломить партии хребет», и вместе с тем переломить хребет и советской власти, о гибели которой не уставали каркать все контрреволюционные вороны.

В этой борьбе против советской власти эти господа пали так низко, как, кажется, еще не падал никто и никогда.

Ленин предвидел неизбежность такого позорного конца, к которому пришли обвиняемые, к какому должен притти всякий, кто станет на тот путь, на который стали они. В резолюции X съезда нашей партии, тогда еще называвшейся Российской Коммунистической Партией, принятой по предложению Ленина, было грозное предостережение, что тот, кто настаивает на своей фракционности и на своих ошибках при советском строе, неминуемо должен скатиться в лагерь врагов рабочего класса, в лагерь белогвардейцев и империалистов. Эти господа доказали всей своей деятельностью всю справедливость этого исторического предсказания.

КАК ОНИ БОРОЛИСЬ ПРОТИВ ЛЕНИНА

Что собою представляют члены центра в своем политическом прошлом? Пятаков и Радек, Серебряков и Сокольников, Богуславский и Дробнис, Муралов и Шестов долгие годы воспитывали в себе ненависть к советскому строю, к социализму. Они умели маскировать, они умели скрывать свои настоящие чувства и взгляды, двурушничали, обманывали, в чем все они сейчас и признаются. Некоторые утверждают, что в некоторые периоды времени у них был отход от троцкизма. Трудно поверить. Мы знаем, что вся деятельность обвиняемых по настоящему делу была в высокой степени последовательной. Такие, я бы сказал, заслуженные деятели троцкизма, как Пятаков, Радек, Дробнис, Серебряков, Богуславский, маскировались, шантажировали, надували и своих и чужих. Только в такой среде, которую создали Пятаковы и Радеки, — эти беспринципнейшие, окончательно отпетые люди, использовавшие свое высокоответственное положение в советской государственной системе для обделывания своих позорных, грязных и кровавых преступлений, и могли оказаться в числе, так сказать, троцкистского актива такие авантюристы и проходимцы, как Ратайчаки, Князевы, Шестовы, Арнольды, Строиловы, Граше.

Вы, товарищи судьи, видели здесь этих господ, вы их слушали, вы их изучали. Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается, — лгун, обманщик и плут. Человек, по его собственным словам, имеющий автобиографию старую и автобиографию новую. Человек, который эти автобиографии, смотря по обстоятельствам, подделывает и пересоставляет. Человек, который, будучи заместителем председателя губернского совета народного хозяйства на Волыни, не только покрывает грабительство, воровство и спекуляцию своего подчиненного, но вместе с ним участвует в прямых корыстных преступлениях. По его собственным словам, он состоит на содержании этого вора, растратчика и спекулянта. И вот, этот Ратайчак, со всеми своими замечательными, вскрытыми следствием и судом качествами, становится ближайшим помощником Пятакова по химической промышленности. Химик замечательный! (Движение в зале.)

Пятаков знал, кого выбирал. Можно сказать, на ловца и зверь бежит. Ратайчак пробирается к большим чинам. Он молчит о двигающих им мотивах и не говорит так болтливо, как это сказал, пожалуй, Арнольд, признавший, что его мучила «тяга к высшим слоям общества». (Смех, движение в зале.) Об этом Ратайчак молчит. Он, конечно, хитрее Арнольда. Он знает, что слово — серебро, а молчание — золото. И вот этот Ратайчак, со всеми своими моральными качествами, оказывается человеком, сумевшим добиться степеней известных. Он начальник Главхимпрома! Надо только вдуматься в то, что значат эти слова: начальник Главного управления всей химической промышленности нашей страны!

Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, то только за одно то, что он этого человека подпустил ближе одного ки-

лометра к химической промышленности, его надо было привлечь к самой суровой ответственности.

На ответственном посту начальника Главхимпрома Ратайчак, этот обер-вредитель, разворачивает свои преступные таланты, пускается в широкое преступное плавание, раздувает паруса во-всю, — взрывает, уничтожает плоды трудов народа, губит и убивает людей.

Или возьмите Дробниса, старого профессионального троцкиста, этого истребителя рабочих по формуле — «чем больше жертв, тем лучше». Или возьмите Князева, японского разведчика, пускавшего под откос не один десяток маршрутов. Или Лившица — бывшего заместителя наркома путей сообщения и одновременно заместителя Пятакова по преступным делам на транспорте. Совместительство было в ходу у этой компании... Наконец, троцкистский «солдат» Муралов, один из самых преданных и закоренелых адъютантов Троцкого, — он также признал, что был вредителем и диверсантом. И рядом — Арнольд, он же Иванов, он же Васильев, он же Раск, он же Кюльпенен и, как еще его там звали, — никому неизвестно. Этот прожженный пройдоха, прошедший огонь, воду и медные трубы, жулик и авантюрист, тоже оказывается троцкистским доверенным человеком... И первым бандитом. Или Граше, человек не только трех измерений, но, по крайней мере, трех подданств, сам определивший свою основную профессию очень красноречиво, хотя не особенно приятным словом, — ш п и о н, и добавивший, что ему, как шпиону, по положению иметь убеждений не полагалось... (С м е х в з а л е.)

Вот беглая характеристика тех кадров, которые здесь продефилировали перед судом, перед всей страной, перед всем миром, — кадров, которые собрал «параллельный» центр, армии, которую организовал этот самый «параллельный» центр по указанию Троцкого, воспитал и бросил на троцкистскую борьбу против советской власти и Советского государства.

Говоря об этих кадрах, конечно, особо надо сказать об их главарях, об атаманах. Начнем, конечно, с Пятакова, — после Троцкого первого атамана этой бандитской шайки. Пятаков не случайный человек среди троцкистов. Пятаков, до сих пор упорно и умело маскировавшийся, всегда был и есть старый враг ленинизма, враг нашей партии и враг советской власти. Проследите политический путь Пятакова.

В 1915 году он выступает вместе с Бухариным с антиленинской платформой по вопросу о праве наций на самоопределение, по вопросу, имеющему важнейшее принципиальное значение в определении позиции большевизма, кстати, обругав Ленина походу «талмудистом самоопределения».

В 1916 году этот же человек под псевдонимом П. Киевского выступает, как сложившийся уже идеолог троцкизма. Он доказывает, что социальный переворот (он говорит — социальный процесс) можно мыслить лишь как объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающее границы буржуазного государства, сносящее пограничные столбы. Внешне ультра-«левая», в действительности — чисто троцкистская постановка вопроса. Пятаков полностью здесь повторяет троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной

стране. Он выступает против Ленина. Ленин разоблачает антимарксистский характер этого пятаковского выступления. Ленин квалифицирует эту статью уже тогда как статью, способную нанести «серьезнейший удар нашему направлению и нашей партии», как статью, которая могла скомпрометировать партию изнутри, из ее собственных рядов, «превращала бы ее,— как писал Ленин, — в представительницу карикатурного марксизма».

1917 год. Пятаков опять выступает против ленинского тезиса о праве наций на самоопределение. Он называет это право «бессодержательным правом», увлекающим революционную борьбу на ложный путь. Он высказывается против возможности построения социализма в одной стране. Пятаков в 1917 году — против апрельских тезисов Ленина.

В 1918 году он опять против Ленина. Это был тяжелый год героической борьбы рабочих и крестьян нашей страны, отстаивавших в неимоверно сложных и трудных условиях, с оружием в руках, свою независимость. Это был год, когда, по словам Ленина, мы впервые «вошли в сердцевину революции». Это был год, когда Ленин призывал «лучше пережить и перетерпеть и перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

Позиция Пятакова вместе с Радеком — против этого тезиса, против Ленина. Они — эти «левые» коммунисты — готовы даже идти на утрату советской власти. Еще в 1918 году, засев в бюро Московского комитета партии, эти господа говорили о необходимости, хотя бы ценою утери советской власти, превратившейся, как они говорили, в формальное понятие, сорвать Брестский мир. Заключение Брестского мира Сталин справедливо называл образцом ленинской стратегии, давшей силы для подготовки к отражению банд Деникина и Колчака.

Пятаков, Радек и их единомышленники думали и действовали уже тогда так, как их уже позже метко и крепко назвал Феликс Дзержинский, бросивший по адресу троцкистов и зиновьевцев — «кронштадтцы»! Пятаковы и Радеки не дорожили советской властью. Они дошли в своей борьбе против Ленина до такого остервенения, что поговаривали о смене существовавшего тогда Совета Народных Комиссаров и о замене его Совнаркомом из людей, входящих в состав группки «левых». Это Пятаков и его компания в 1918 году, в момент острейшей опасности для Советской страны, вели переговоры с эсерами о подготовке контрреволюционного государственного переворота, об аресте Ленина с тем, чтобы Пятаков занял пост руководителя правительства— председателя Совнаркома. Через арест Ленина, через государственный переворот прокладывали себе эти политические авантюристы путь к власти!

А сейчас что делают они? Через попытки свержения советской власти, через уничтожение руководителя нашей партии и Советского государства — тов. Сталина и его соратников они прокладывают тот же путь к реставрации капитализма при помощи иностранных интервенционист-

ских агрессорских штыков, при помощи террора, диверсий, шпионажа, вредительства и всех возможных тяжких государственных преступлений. Историческая преемственность налицо. Вместе с Троцким Пятаков восставал против Ленина в тяжелые для нашей страны дни Бреста. Вместе с Троцким восставал Пятаков против Ленина в дни, когда партия совершала сложнейший поворот к новой экономической политике. Вместе с Троцким Пятаков боролся против ленинского плана построения социализма в нашей стране, против индустриализации и коллективизации нашей страны, проведенной под гениальным руководством нашего вождя и учителя товарища Сталина.

15-й год, 16-й год, 17-й год, 18-й и 19-й, 21-й и 23-й, 26-й и 27-й — больше десятилетия Пятаков неизменно защищает троцкистские позиции, ведет открытую борьбу против Ленина, против генеральной линии партии и против Советского государства.

1926-й год — 1936-й год — это второе десятилетие почти непрерывной, но уже тайной, подпольной борьбы Пятакова против Советского государства и нашей партии, борьбы, которую он вел систематически и не покладая рук, пока, наконец, не был пойман с поличным, не был уличен, не был посажен на эту скамью подсудимых, как предатель и изменник!

Таков Пятаков и его портрет.

Многое из того, что я сказал о Пятакове, можно повторить и в отношении подсудимого Радека. Радек не раз выступал против Ленина как до, так и после революции. Этот Радек в 1926 году на диспуте в Коммунистической академии хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее теорией строительства социализма в одном уезде или даже на одной улице, называя эту идею щедринской идеей.

По этому поводу Сталин писал: «Можно ли назвать это пошлое и либеральное хихиканье Радека насчет идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом?»

Радек — один из виднейших и, надо отдать ему справедливость, талантливых и упорных троцкистов. При Ленине он идет войной против Ленина, после Ленина он идет войной против Сталина. Прямо пропорционально его личным способностям велика его социальная опасность, его политическая опасность. Он неисправим. Он — хранитель в антисоветском троцкистском центре портфеля по внешней политике. По поручению Троцкого он ведет дипломатические переговоры с некоторыми иностранными лицами или, как он выражается, «дает визу» на мандат Троцкого. Он регулярно, через собственного, так сказать, дипкурьера Ромма переписывается с Троцким, получает от него то, что они здесь высокопарно называли «директивами». Он один из самых доверенных и близких к главному атаману этой банды — к Троцкому — людей.

Сокольников. В 1918 году он тоже против Ленина. Он даже в том году по одному политическому конфликту угрожал Ленину отставкой. В 1921 году он подписывает антиленинскую бухаринскую профсоюзную платформу. В 1924 году он подписывает «пещерную платформу», ту, которая была написана в пещере около Кисловодска. В 1925 году

Сокольников, клевеща на Советское государство, утверждал, что наша внешняя торговля, наши внутренние торговые предприятия являются государственно-капиталистическими предприятиями, Государственный банк является точно также государственно-капиталистическим предприятием, что наша денежная система проникнута принципами капиталистической экономии. Апологет и идеолог капиталистической экономической политики!

Товарищ Сталин тогда указал, что Сокольников — сторонник дауэсизации нашей страны. Сокольников был доподлинным сторонником сохранения хозяйственной отсталости нашей страны, т. е. закабаления нашей страны капиталистическими странами, «превращения нашей страны в придаток капиталистической системы». Как видите, от этой позиции Сокольников никуда не ушел и к сегодняшнему дню.

Сокольников, будучи в 1925 году наркомфином, жаловался и клеветал на нашу партию и советское правительство, что они мешают ему защищать диктатуру пролетариата и бороться с кулаком, мешают обуздать кулака. А теперь Сокольников перед всем миром признался, что троцкистский центр, одним из заправил которого он является, рассчитывал именно на кулака или, вернее, уже на остаточки кулака. На суде он сам говорил: «Мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу реставрации капитализма, потому что тогда мы сможем опереться на некоторые слои в нашей стране».

Вопрос: Конкретно на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вопрос: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вопрос: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вопрос: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так.

Так Сокольников пришел к откровенной кулацкой программе, к откровенной защите кулацких интересов, завершив путь своего падения. От позиции Сокольникова 1925—26 гг. к программе троцкистского центра 1933—1936 гг. — переход вполне естественный.

Два слова о Серебрякове — четвертом члене этого антисоветского троцкистского центра. Он подписывает бухаринскую программу во время профсоюзной дискуссии 1920 года, он активный участник оппозиции 1923 года, он активный участник оппозиции 1926—27 гг., он, по существу, как он и сам признался здесь на суде, никогда не порывал с троцкизмом. Ясно, что он имел все основания претендовать на руководящее положение в этом антисоветском троцкистском центре.

Как старых троцкистов мы знаем Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Лившица. Знаем, что они ряд лет посвятили борьбе против

Ленина и социалистического строительства в нашей стране. Не ясно ли, что участие этих людей в антисоветской подпольной троцкистской работе, участие в троцкистском вредительстве, диверсиях и террористических группах, их измена родине были подготовлены и явились прямым следствием всей их прошлой троцкистской деятельности, явились прямым результатом их многолетней борьбы против СССР, против советского народа. Это должны были признать сами обвиняемые. Они долго, упорно и гнусно вели свою борьбу против социализма. Теперь они схвачены с поличным. С них сорвана последняя маска. Они изобличены как враги народа, как ничтожная гнусная кучка людей, ставших агентами иностранной разведки.

НЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ, А БАНДА ПРЕСТУПНИКОВ

Эти господа пробовали предстать, как некая политическая партия. Пятаков на суде говорил о своих сообщниках, как о «фракции», говорил о «политическом недоверии» своей «фракции» к зиновьевской части блока. Он говорил о «собственной организации», употребляя это понятие в политическом смысле; о «собственной» даже политике, которую собирался вести Троцкий. Радек тоже говорил о своих сообщниках, как о политических руководителях. Говоря о преступных вредительских требованиях Троцкого, полученных Пятаковым в личной беседе Пятакова с Троцким, обвиняемый Пятаков говорил о них, как о составной части политики Троцкого.

В высоком стиле говорил и Радек — один из тех «реальных политиков», которые реально изменяли родине, обещали врагам реальные и территориальные уступки. Говоря даже о таких прозаических вещах, как обычное уголовное вредительство, Радек пытался говорить в высоком штиле, как о политической материи. На судебном заседании 24 января Радек говорил: «Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что, раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики: нереальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок». Вот они, эти реальные политики, сидят здесь под охраной... всего только трех красноармейцев! (С м е х в з а л е.) Не трудно убедиться, что весь этот высокий стиль был в сущности говоря приплетен сюда по некоторой старой памяти. Не трудно убедиться, что это — вовсе не политическая партия, что это — просто банда уголовных преступников, ничем или, в лучшем для них случае, немногим отличающихся от бандитов, которые оперируют кистенем и финкой в темную ночь на большой дороге.

Это — не политическая партия. Это — банда преступников, представляющих собой простую агентуру иностранной разведки. На прямо поставленный Пятакову вопрос: «Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?» — Пятаков ответил: «Да,

были». И рассказал о том, как эта связь была установлена по прямой директиве Троцкого. Это подтвердил и Радек — специалист «параллельного» центра по «внешним делам». Это подтвердили Лившиц, Князев, Шестов, ряд других подсудимых — прямые и непосредственные агенты этих разведок. Вот что представляет собой эта компания, которая называла себя «политической силой», какой она хотела казаться, а в действительности была не политической партией, а шайкой разведчиков, бандитов, террористов и диверсантов.

Корни этой группы — не в народных массах нашей страны, которых эта банда боится, от которых она бежит, как чорт от ладана. От народных масс эта банда прячет свое лицо, прячет свои звериные клыки, свои хищные зубы. Корни этой компании, этой банды надо искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их за верную холопскую службу. Вы видели этих штатных и внештатных полицейских шпиков и разведчиков.

Пятаков убеждает своих подручных в необходимости организации взрывов и диверсий по преимуществу с человеческими жертвами. Дробнис доказывает, что «чем больше жертв, тем лучше» для троцкистов. Шестов организует убийства. Лившиц, Князев, Турок организуют крушения поездов. А Радек занимается «внешней политикой», смысл которой состоит в том, чтобы так же, как Лившиц и Князев пускали под откос поезда, пустить под откос дело социализма, открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору. Каждый из них у вас перед глазами, погрязший в этом кровавом преступном месиве. Возьмите отдельные группы: они переплелись с иностранными разведчиками, покупающими их обещаниями поддержки, а то и просто за наличный расчет.

Они взрывают шахты, сжигают цеха, разбивают поезда, калечат, убивают сотни лучших людей, сынов нашей родины. 800 рабочих Горловского азотно-тукового завода через газету «Правда» сообщили имена погибших от предательской руки диверсантов лучших стахановцев этого завода. Вот список этих жертв: Лупев — стахановец, рождения 1902 года, Юдин — талантливый инженер, рождения 1913 года, Куркин — комсомолец, стахановец, 23 лет отроду, Стрельникова — ударница, 1913 года рождения, Мосиец, ударник, тоже 1913 года рождения. Это — убитые. Ранено было больше десяти человек. Погиб Максименко — стахановец, выполнявший норму на 125—150 процентов, Немихин, один из лучших ударников, который спустился в забой на шахте «Центральная», пожертвовал своими 10 днями отпуска, а там его подстерегли и убили, убит запальщик Юрьев — один из участников боев с белокитайцами, убит Лапин — участник гражданской войны, старый горняк. И так далее и так далее.

Товарищи судьи! Их убийцы сидят вот здесь, перед вами!..

Шестов организует ограбление банка. Шестов организует бандитское убийство инженера Бояршинова, который показался ему способным разоблачить их преступную деятельность.

Арнольд — международный бродяга, побывавший, кажется, во всех странах мира и везде оставлявший следы своих мошеннических

проделок. В Минске он подделывает документ. В Америке оказывается сержантом американской армии и попадает в тюрьму, по его собственному признанию, по подозрению в растрате казенного имущества. Я думаю, что если этот человек когда-нибудь дорвался до казенного имущества, то этому казенному имуществу не сдобровать. (С м е х.) Это — человек, который через масонов пытался пробраться в «высшие слои общества» в Америке, а через троцкистов — к власти, по которой тайно и вожделенно вздыхал, под умелым руководством такого воспитателя, каким явился висельник Шестов...

В буквальном смысле слова шайка бандитов, грабителей, подделывателей документов, диверсантов, шпиков, убийц! С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь средневековая каморра, объединявшая итальянских вельмож, босяков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой.

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд на поезд. Ничего не стоило загазовать шахту и спустить в шахту десяток или несколько десятков рабочих. Ничего не стоило из-за угла убить инженера, честно работающего. Поджечь завод. Взорвать в динамитной яме забравшихся туда детей.

Хороша, нечего сказать, политическая партия! Если бы это была партия, то она не прятала бы от масс своей программы. Политические партии не прячут своей программы, своих политических взглядов. Большевики — эта подлинная политическая партия, партия в самом настоящем и высоком смысле этого слова — никогда не пряталась от масс и никогда не прятала свою программу.

На заре русской революции Ленин писал о том громадном значении, которое революционная социал-демократия придает открытой пропаганде ее идей, открытому заявлению ее целей, открытой массовой агитации за свои программные, тактические и организационные взгляды и принципы. Партия Ленина — Сталина выросла, окрепла и превратилась в громадную и могущественную силу, как партия, опирающаяся на массы, партия, органически связанная с массами. В этом — признак настоящей политической партии. Она не только не скрывает от масс своих взглядов, а старается как можно шире распространить в массах эти взгляды. А эта «партия», как они себя называют, боялась и боится сказать о себе народу правду, боится сказать о своих программах.

Почему? Потому что их взгляды, их программа ненавистна нашему народу, как ненавистна капиталистическая кабала, как ненавистен капиталистический гнет, который эти господа хотят вернуть, навязать на шею нашему народу, потому что они превратились в оторвавшуюся от народа группу отщепенцев, банду преступников во главе с атаманом Троцким, с податаманами Пятаковым и Радеком и другими бандитскими «батьками». Это не растение Советской страны. Это растение иностранного происхождения, и на советской земле не расти ему, не цвести ему...

Странно слышать, когда эти господа говорят здесь о каком-то соглашении этой «партии», а попросту банды преступников, с японскими и германскими фашистскими силами. С серьезным видом Пятаков, Радек и Сокольников говорили о «соглашении», которое Троцкий заключил или о котором Троцкий договорился с Германией и Японией. Эти господа с серьезным видом рассказывали, что они рассчитывали использовать эти страны в своих интересах. Но как можно серьезно об этом говорить, когда этот самый «параллельный» центр — просто несчастная козявка по сравнению с волком.

Соглашение! Сказали бы просто: «сдались на милость победителя». Это, конечно, не соглашение, а сдача на милость победителя.

Послушать Пятакова и Радека, так можно подумать, что действительно это было соглашение. Радек показывал, что он послал Троцкому письмо, «в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: «не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами».

Видите ли, Радек и Пятаков «визируют мандат» Троцкому на переговоры Троцкого с иностранными государствами. Но это еще не главное. Не главное и то, что центр одобряет эти переговоры. Главное то, что я — Карл Радек, блочный министр иностранных дел центра, лично одобряю то, что Троцкий — этот блочный премьер-министр — ищет контакта с иностранными государствами. Это, конечно, звучало бы очень смешно, если бы положение Пятакова и Радека не было бы столь трагичным. Но для всякого, не потерявшего окончательно голову человека, для всякого обладающего минимумом рассудка, должно было бы быть ясно, что это соглашение, о котором говорили Пятаков с Троцким и Радеком,—не соглашение, а прикрашенная капитуляция, сдача троцкистов на милость победителя, что это кабала, что идти на такое соглашение значило лезть в волчью пасть, утешаясь тем, что волк не злой и не проглотит.

Это соглашение мне напоминает басню Крылова «Лев на ловле». В басне говорится, как собака, лев, да волк с лисой между собой заключили соглашение — «положили завет» — сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начали делить. Тут одна из «договаривающихся сторон» говорит: «Вот эта часть моя по договору, вот эта мне, как льву, принадлежит без спору, вот эта мне за то, что всех сильнее я, а к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет, тот с места жив не встанет». (Смех).

Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, господа подсудимые, господа офицеры германского и японского фашизма! Так получилось и у вас, с той лишь, пожалуй, разницей, что в вашем соглашении лев фигурирует на ролях цепной собаки. Вот почему я утверждаю, что здесь нет никакой политической партии, — есть банда преступников, есть морально ничтожные, в моральном отношении растленные люди, потерявшие и совесть и разум.

МОРАЛЬНО НИЧТОЖНЫЕ, МОРАЛЬНО РАСТЛЕННЫЕ

После того, что мы слышали здесь на суде от этих людей, может ли быть какое-нибудь сомнение, что это действительно и окончательно разложившиеся и морально павшие люди?! Нет, сомнений быть не может.

В то время, как советский народ под руководством нашей партии трудился над укреплением своих новых, социалистических позиций, наш враг, — а это его передовой отряд, — медленно, предательски старался прорвать фронт наших побед, обойти нас и ударить с тылу. Не покладая рук, работают иностранные разведчики, отыскивая и находя себе, к сожалению, союзников в нашей стране, помощников в среде, правда, разложившихся, враждебных советскому строю людей и, как теперь доказано с полностью и точностью, — в первую очередь среди троцкистов.

Почему среди троцкистов иностранные разведки находят своих агентов? Потому что троцкисты всем прошлым своим и настоящим доказали непримиримую враждебность к советам, готовность служить капитализму не за страх, а за последние остатки своей совести, — доказали свою способность действовать самыми мерзкими и подлыми средствами борьбы, не останавливаясь ни перед чем.

Еще на XV Всесоюзной партийной конференции товарищ Сталин подчеркивал, что троцкистов и организованный ими в то время блок отличает именно: «неразборчивость в средствах и беспринципность в политике». Эта неразборчивость в средствах, в политической борьбе переросла теперь всякие пределы, достигла чудовищных размеров, возросла в тысячу крат.

Разве не о крайнем пределе морального разложения говорят статьи Пятакова и Радека, посвященные их сообщникам Зиновьеву и Каменеву, гнуснейшим изменникам, настоящим бандитам, убившим незабвенного Сергея Мироновича Кирова! Не являются ли верхом цинизма и издевательства над последними остатками человеческой совести, над последними понятиями морали статьи, в которых Радек и Пятаков с притворным видом возмущенных праведников требовали расстрела своих собственных союзников, единомышленников и сообщников?!

Вы хотите знать, что представляет собой моральное лицо этих господ? Прочтите их статьи, которые отделяют сегодняшний день от дня их напечатания в наших газетах всего лишь несколькими месяцами.

Вот Радек в 3 номере «Большевика» за 1935 год разоблачает—что бы вы думали? Двурушничество Зиновьева и всей головки зиновьевской фракции, как он выражается. Специалист этого дела — Радек проявляет здесь большие познания. Развязно повествует он о том, что представляет собой двурушничество...

Позвольте привести свидетельство Радека по вопросу о том, что такое двурушничество... Радека. Он пишет:

«Скатившись к контрреволюции, бывшие вожаки зиновьевско-троцкистского блока применили этот метод разведчиков интервенции, подрывников и вредителей. Двурушничество оказалось маскировочным средством, позволяющим обстрелять пролетарский штаб».

Мы знаем, что, когда Радек писал эту статью, он был уже осведомлен за много времени о подготовлявшемся злодейском убийстве Сергея Мироновича Кирова. Мы знаем, что он, Радек, был в заговоре и в сговоре с Зиновьевым и Каменевым, убившими тов. Кирова, обреченного на смерть этим самым Радеком и сидящими с ним рядом его друзьями.

И вот, заметая следы своего соучастия в этом гнусном злодействе, Радек повествует о разоблаченных двурушниках, отданных в руки закона, — «знающего, как обращаться с теми, кто пытается колебать устои пролетарской революции».

Да, подсудимый Радек, вы правы! Советский закон знает, как обращаться с двурушниками и изменниками, подобными вам и вашим друзьям.

Накануне суда над Зиновьевым, Каменевым и другими, накануне суда над государственными изменниками, изобличенными в антисоветской преступной борьбе,— что писал этот Радек? Он писал о «троцкистско-зиновьевской фашистской банде и ее гетмане — Троцком» (это его собственное выражение), что из зала, где происходил процесс и разбор этого дела, несло «трупным смрадом», и с пафосом восклицал: «Уничтожьте эту гадину! Дело идет не об уничтожении честолюбцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма, которые готовы были помочь зажечь пожар войны, облегчить победу фашизму, чтобы из его рук получить хотя бы призрак власти».

Так писал Радек. Радек думал, что он писал о Каменеве и Зиновьеве. Маленький просчет! Этот процесс исправит эту ошибку Радека: он писал о самом себе!

Двурушничая и гримасничая, он писал тогда о том, как в 1928 году его, Радека, соблазнял Троцкий бежать за границу и как он — этот Радек — «ужаснулся от мысли о действиях под охраной буржуазных государств против СССР и саботировал попытку побега». В 1929 году, по словам Радека, — «он, Троцкий, уговорив троцкиста Блюмкина организовать транспорт литературы в СССР, послал к нему в гостиницу своего сына Седова с поручением организовать нападение на торгпредства за границей для добычи денег, необходимых Троцкому для антисоветской работы. От эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому, людям, связанным с ним восемнадцать лет. Смирнов и Мрачковский, поднимая оружие против Сталина и партии, растоптав оказанное им доверие, пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена».

Товарищи судьи! Тогда еще Радек не судился и не был на скамье подсудимых. Это было не в 1936 году, даже не в 1935 году, это было в 1929 году. И здесь Радек свидетельствует о том, как Троцкий давал ему поручения организовать ограбление нашего торгпредства. Тогда Радек был на свободе, его не держали никакие ЧК, ГПУ или НКВД, ему не докучали допросами следователь или прокурор, он был свободным гражданином, он был журналистом, он свободно курил везде и всюду свою трубку, пуская дым в глаза не только своим собеседни-

кам. Что же он тогда писал? Он писал, что он получил от Троцкого поручение организовать нападение на торгпредства для добычи денег, необходимых Троцкому на антисоветскую работу. Я думаю, нельзя не поверить этому авторитетному признанию, сделанному перед советской общественностью, сделанному не на скамье подсудимых, а в советской печати. История, как вы видите, повторяется. И когда нам теперь говорят, что Троцкий в 1935 г. уговаривал Пятакова, вернее не уговаривал, а предлагал организовать хищение советских денег при содействии фирм «Демаг» и «Борзига», когда Седов налаживал для тех же целей связь с фирмой «Дейльман», то мы видим, что история повторяется...

Дальше. Когда Радек писал тогда: «От эксов...» (что такое экс? По-русски — это просто-напросто грабеж)... «от эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому — людям, связанным с ним восемнадцать лет», — мы думали, что Радек пишет на основании официальных следственных документов. Оказывается то, что писал Радек, было, так сказать, аутентическим толкованием, т. е. толкованием из авторских уст, как одного из соавторов. Дальше он пишет: «Смирнов и Мрачковский... пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена». Писал так Радек или не писал? Писал. Увы, писал! Радек бил тогда на откровенность, он делал вид, что раскаивается, говорит искренне. Он возмущался, бранился, проклинал, клялся, уверял, раскаивался... От чистого сердца? Нет, он лгал... Вспоминая 1929 год, когда Троцкий подготовлял грабежи наших торгпредств за границей, он делал вид, что говорит от чистого сердца. Нет, он лгал, он прикидывался только, что говорит правду, проклинал своих друзей, чтобы отвести глаза от самого себя, чтобы, как он выразился здесь на своем блатном жаргоне, «не засыпаться». И все-таки он «засыпался». Он прибег к приему закоренелых преступников. «Держи вора!» — кричал он, чтобы самому уйти из рук правосудия. Это известный прием тех, которые говорят языком — «засыпаться» и «пришить». Он пробовал увильнуть, ускользнуть от ответственности. Он, этот Радек, по трупам своих друзей и сообщников пытался выбраться из той зловонной, кровавогрязной ямы, в которой он тогда уже сидел по уши. Он с искусственной и лживой, нарочитой аффектацией восклицал:

> «Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата».

Вы помните, Радек, вы говорили тогда, что эти люди, такие люди должны головою уплатить за свою вину? Радек писал: главный организатор этой банды — Троцкий — уже пригвожден историей к позорному столбу, ему не миновать проклятия мирового пролетариата. Это верно. Изменникам не миновать приговора мирового про-

летариата, как не миновать и приговора нашего советского суда, суда великого социалистического государства рабочих и крестьян!

А Пятаков? Пятаков тоже выступает в печати по поводу разоблачения бандитско-террористического объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Пятаков рвет и мечет по поводу подлой контрреволюционной деятельности, деятельности, окутанной, как он писал, невыносимым смрадом двурушничества, лжи и обмана. Что скажет Пятаков сейчас, чтобы заклеймить свое собственное моральное падение, свой собственный «смрад лжи, двурушничества и обмана»? Найдет ли Пятаков эти слова, а если найдет, то какая цена этим словам, кто этим словам поверит?

Пятаков писал:

> «Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны— такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров».

Навзрыд плачет Пятаков над трупом убитого им Кирова. Рыдает. «Враг в нашей стране победившего социализма увертлив», пишет Пятаков, смотрясь в зеркало. «Приспосабливается к обстановке», — охорашивается Пятаков перед зеркалом. «Притворяется», — про себя думает Пятаков, — а ловко я притворяюсь... «Лжет». Гм, — думает Пятаков, — как же не лгать в таком положении? «Заметает следы»... «Втирается в доверие»...

Вот что пишет Пятаков, заметая кровавые следы своих преступлений:

«Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчили этим бандитам делать свое черное дело». Удивительный трюк! Бдительности мало было у Пятакова! (Д в и ж е н и е в з а л е.) Вот в чем, оказывается, виноват Пятаков. Это опять-таки старый прием уголовных преступников. Когда человека обвиняют в грабеже с убийством, он признает себя виновным в грабеже. Когда человека обвиняют в краже со взломом, он признает себя виновным только в краже. Когда его обвиняют в краже, он признает себя, на худой конец, виновным только в хранении или в скупке краденного. Это старая тактика профессиональных преступников. Пятаков боится быть пойманным, разоблаченным, и он выступает в печати, громит врага и себя не жалеет. Ах ты, говорит, ротозей Пятаков, не замечаешь, что делается вокруг тебя. Но ведь делается то не вокруг тебя, это делаешь сам ты!

Пятаков писал: «Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду». Правда, хорошо. Спасибо органам НКВД, что они н а к о н е ц разоблачили вот эту банду! «Хорошо, что ее можно уничтожить». Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить. «Честь и слава работникам НКВД». Вы кощунствуете, подсудимый Пятаков!

О ком писал Пятаков 21 августа 1936 года? Пятаков писал о себе. Пятаков опередил неумолимый ход событий.

О чем же говорят эти статьи Пятакова и Радека? Разве не говорят они о крайнем, беспредельном, в буквальном смысле этого слова, моральном падении этих людей, о моральном ничтожестве, о растлении этих людей? Ничтожные, заживо сгнившие, потерявшие последний остаток не только чести, но и разума, подлые людишки, собиравшиеся в поход против Советского государства мальбруки, плюгавые политики, мелкие политические шулера и крупные бандиты.

ПРОГРАММА АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Объединенный зиновьевско-троцкистский центр и его деятели упорно пытались доказывать, что у них никаких политических программных требований не было, что у них была одна только «голая жажда власти». Это неправда. Это была попытка обмануть общественное мнение. Не может быть борьбы за власть без какой-нибудь программы, без программы, которая должна формулировать цели, задачи, стремления, средства борьбы. Мы и тогда не верили тому, что не было у объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра какой-нибудь программы. Мы знали, что они ее упорно скрывают, и действительно: программа у них была, как была программа и у этого троцкистского террористического центра. Она сводилась к откровенному признанию необходимости капиталистической реставрации в СССР. Сокольников подтвердил, что по сути дела — это была старая антисоветская рютинская программа. И это верно. Сокольников говорил:

> «Что касается программных установок, то еще в 1932 году и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.
>
> Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму».

Но как «сговориться»? Захочет ли фашизм «сговориться»? Не предпочтет ли он действовать без всякого сговора, так, как он действует везде, во всем мире — нахрапом, наваливаясь, давя и уничтожая слабых? Радек говорил, что ясно,

«хозяином положения будет фашизм — германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Это, конечно, понимал не хуже их и их учитель Троцкий, это понимал весь троцкистский центр. На это они шли с открытыми глазами. Это составляло второй пункт их «замечательной» программы.

Третий пункт — вопрос о войне и поражении СССР.

Четвертый — вопрос о последствиях поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств промышленных предприятий, но и продажа в частную собственность важных экономических объектов, которые они наметили; это займы, о которых говорил Радек; это допущение иностранного капитала на те заводы, которые лишь формально останутся в руках Советского государства.

Пятый пункт, — как они говорили, аграрный вопрос. Этот аграрный вопрос очень просто решался у «параллельного» центра, точь в точь, как у Фамусова решался культурный вопрос — «Забрать все книги бы да сжечь». Так решался у них аграрный вопрос: сжечь завоевания пролетарской революции — колхозы распустить, совхозы ликвидировать, тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины передать единоличникам. Для чего? Откровенно сказано: «Для возрождения нового кулацкого строя». «Нового» ли? Может быть, просто старого?

Шестой вопрос — это вопрос о демократии. Радек рассказывал, что ему писал по этому поводу Троцкий. Это очень важно нам знать, особенно теперь, когда наша страна достигла высочайшего развития пролетарской социалистической демократии, выражением чего является недавно принятая и утвержденная нашим народом великая сталинская Конституция. Как о демократии ставился вопрос в троцкистской программе? Что говорит по вопросу о демократии К. Радек, получивший письмо от своего учителя?

«В письме Троцкий сказал (я цитирую показания Радека):

«Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции (теперь уже 19. — *А. В.*), и у него аппетит громадный...»

Это правильно. Такой громадный аппетит, что он скушает, как уже скушал не раз, любого своего врага.

«...а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса».

А в деревне?

«В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию».

Ну, вероятно, Радек продумал очень хорошо.

И, наконец, седьмой вопрос — программа внешней политики, раздел страны: «Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии». Мы дальше интересовались, а как обстоит дело насчет каких-нибудь других экономических уступок?

Радек ответил: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Я спросил: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

— А насчет придунайских стран?

Радек: О придунайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вот семь основных вопросов этой, так называемой, программы центра, добивавшегося насильственного свержения советской власти в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя и восстановления в нашей стране господства буржуазии, добивавшегося нанесения удара против демократии, против дела мира, против мирных демократических стран, — в помощь кровожадным империалистическим агрессивным странам фашистского типа.

Что означала и что означает эта программа для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа?

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя. Социалистический строй — это строй без эксплоатации и эксплоататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплоататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция.

Троцкисты этим недовольны. Они хотят изменить существующий у нас ныне общественный строй. Они хотят уничтожить рабочий класс, превратившийся благодаря победе социализма в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, вернуть его в положение, которое он занимал до Октябрьской революции, в положение рабов, закованных в капиталистические цепи.

Вот что означает для рабочих нашей страны и для рабочих всех стран мира троцкистская платформа капиталистической реставрации в СССР.

Наше советское крестьянство, это новое колхозное крестьянство — оно совсем не похоже на крестьянство капиталистических стран. В капиталистических странах крестьянство влачит нищее, полуголодное или вовсе голодное существование. Разбросанные по лицу всей страны, как говорил об этом товарищ Сталин, они «копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплоатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п.».

«Такого крестьянства, — говорил на Чрезвычайном VIII Съезде Советов Сталин, — у нас уже нет... У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплоатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплоатации крестьянство... Как видите, — говорил товарищ Сталин, — советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Это не нравится троцкистам и они хотят изменить и это положение. Они хотят вернуть в деревню кулаков и помещиков, утвердить вновь кулацкую власть, восстановить в деревне хозяев, кулаков, отдать крестьян в кулаческую кабалу, лишить наше колхозное крестьянство добытых кровью прав.

Вот что означает для крестьян нашей страны троцкистская программа капиталистической реставрации, возврата нашей страны в руки капиталистов, кулаков и помещиков.

Троцкисты недовольны, наконец, и тем, что победа социализма в СССР превратила интеллигенцию из служанки капитала в равноправного члена советского общества. Троцкисты недовольны тем, что наша интеллигенция «вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества» (Сталин). Они этим тоже недовольны. Они хотят изменить общественно-политический строй в СССР. Это значит — изменить общественно-политическое положение и роль в нашем государстве рабочих, крестьян и интеллигенции и вернуть их в положение, какое они занимают в старом капиталистическом обществе, бросить их в омут эксплоатации, безработицы, каторжного, беспросветного и тупого труда, вечной нищеты и голода.

Вот что значат те семь пунктов программы реставрации капитализма, о которых я говорил выше.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главари антисоветского объединенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главари «параллельного» центра — Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и другие.

Как показывал Радек, Троцкий указывал, что «не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программных вопросов во весь рост. Испугаются...» Радек заявил:

«И для меня и для Пятакова было ясно, что директива подвела блок к последней черте, что подводя итоги и намечая перспективы работы блока, она устраняла всякие сомнения насчет ее буржуазного характера. Понятно, мы этого вслух признать не могли, ибо это ставило нас перед необходимостью — или признать себя фашистами, или поставить перед собой вопрос о ликвидации блока...» (т. V, л. д. 147).

Не потому ли, между прочим, не удалось Радеку созвать совещание? О чем бы стали они говорить на этом совещании? О реставрации капитализма? О расчленении СССР? О разделении территории СССР? О территориальных уступках? О распродаже нашей территории японским и германским захватчикам? О шпионаже, вредительстве? Они скрывали эти пункты своей программы, являющиеся основными пунктами их программы. Но известно, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Стала явной и эта позорная программа антисоветского троцкистского блока.

Эту программу признали здесь Пятаков, Радек, Сокольников, об этом рассказали здесь на суде они сами.

Но, может быть, это выдумки? Может быть, они говорят так просто потому, что они хотят разыграть комедию раскаявшихся грешников? Раз раскаялись, то надо о чем-то говорить, надо что-то разоблачать. Может быть, Троцкий никогда таких установок не давал?

Но, товарищи судьи, вы знаете, всем известно, что за границей Троцкий издает так называемый «Бюллетень» оппозиции, и если вы возьмете № 10 за апрель 1930 года этого «Бюллетеня», вы увидите, что там напечатано по существу то же самое:

... «Отступление все равно неизбежно. Нужно совершить его как можно раньше...

... Приостановить «сплошную» коллективизацию...

... Прекратить призовые скачки индустриализации. Пересмотреть в свете опыта вопрос о темпах...

... Отказаться от «идеалов» замкнутого хозяйства. Разработать новый вариант плана, рассчитанный на возможно широкое взаимодействие с мировым рынком.

... Совершить необходимое отступление, а затем стратегическое перевооружение...

... Без кризисов и борьбы из нынешних противоречий выйти нельзя...»

В 1933 году Л. Троцкий требовал:

а) роспуска большей части колхозов, как дутых;

б) роспуска совхозов, как нерентабельных;

в) отказа от политики ликвидации кулачества;

г) возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных.

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием,

служила и основой соглашения троцкистов с иностранными агрессорами, которые зарятся на советскую землю. Ведь следствием установлено, что на основе этой программы Радек, Пятаков и их сообщники вступили и вели переговоры с иностранными агрессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли. Они пошли на самую черную измену, они пали ниже последнего деникинца или колчаковца. Последний деникинец или последний колчаковец выше этих предателей. Деникинцы, колчаковцы, милюковцы не падали так низко, как эти троцкистские иуды, продававшие родину за 30 серебренников, да и то фальшивых, пытавшиеся отдать в кабалу иностранному капиталу нашу страну. Это — факты. Это следствием установлено, и поколебать этого нельзя.

Мудрено ли, что подобная программа предательства отвергается нашим народом, что, если бы с этой программой пойти на наши фабрики, заводы, в колхозы, в наши красноармейские казармы, агитатора немедленно бы схватили и повесили на первых попавшихся воротах. И поделом, ибо, кроме виселицы, изменникам не может быть другого удела. Это — программа черной измены. Мы противопоставляем ей свою программу — программу советского правительства. Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, «не пофартило», и она к власти не пришла.

Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся Советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина—Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли.

В одном великом порыве, невиданном в прошлом истории царской России и ни в одном капиталистическом государстве, в порыве советского патриотизма, героическими руками трудящихся СССР строится наше новое социалистическое отечество. Все народы нашей страны охвачены небывалым в истории энтузиазмом, творящим чудеса. Могуча любовь к нашей родине, к нашему отечеству!..

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества», говорил товарищ Сталин в 1931 году. «Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». Вся наша страна громко, на весь мир повторяет эти слова товарища Сталина и готова по первому призыву партии и правительства, как один, подняться на защиту отечества.

Товарищ Сталин сказал: «Наша политика есть политика мира» и что мы «эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому...» Пусть это крепко запомнят наши враги.

Наш великий русский народ, наши великие народы — украинский, белорусский, узбекский, грузинский, азербайджанский, армянский, татарский и все другие многомиллионные народы СССР живой стеной стоят на страже наших границ, охраняя каждую пядь, каждый вершок нашей священной советской земли!

«Мы полны, — писал Ленин, — чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» (XVIII, 81).

И вот перед вами, товарищи судьи, сидят люди, которые собирались повергнуть с помощью иностранных штыков нашу страну в капиталистическое рабство. Об этих людях и им подобных писал в свое время Ленин, что это «вызывающие законное чувство негодования, презрения и омерзения холуи и хамы». Вот эти люди, эти холуи и хамы капитализма, пытались втоптать в грязь великое и святое чувство нашей национальной, нашей советской патриотической гордости, хотели надглумиться над нашей свободой, над принесенными нашим народом за свою свободу жертвами, они изменили нашему народу, перешли на сторону врага, на сторону агрессоров и агентов капитализма. Гнев нашего народа уничтожит, испепелит изменников и сотрет их с лица земли...

ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА — ПРОВОКАЦИЯ ВОЙНЫ

Как это установлено на предварительном и судебном следствии, антисоветский троцкистский центр одним из пунктов своей программы имел установку на ускорение войны и поражение Союза ССР в этой войне. А через войну и поражение — приход к власти, захват власти и использование ее для капиталистической реставрации.

Троцкистский центр в составе Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова понимал, разумеется, всю безнадежность своих преступных замыслов о свержении советской власти и захвате этой власти в условиях мирного существования нашего Союза, мирного развития СССР. Они понимали, конечно, что внутри нашей страны нет сил, на которые можно было бы рассчитывать, как на действительно реальные силы. Поэтому главари этого центра основную ставку свою ставили на предстоящую войну, на неизбежность военного нападения на СССР агрессора, на неизбежность завязки войны, на необходимость обеспечить в этой войне победу нашего врага и наше поражение.

В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил о неизбежности войны в ближайшее же

время. Мы здесь это проверили, насколько возможно. Называлась дата — 1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном обстоятельстве, которое было вчера рассмотрено в закрытом заседании. Именно, в связи с установкой Троцкого и, очевидно, соответствующих компетентных в этом деле кругов и учреждений одного иностранного государства, с которым договаривался Троцкий, установка на 1937 год обусловливалась необходимостью ряда таких мероприятий, которые должны были бы действительно к этому времени подготовить неизбежность поражения СССР. Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробное объяснение, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году и, в частности, в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны. Они нам показали вчера, как глубоко и как чудовищно подл был их план предательства нашей страны в руки врага. Они показали, как они своим планом хотели обезоружить в наиболее для нас важный и опасный в случае возникновения военных действий период времени — нашу Красную армию, нашу страну, наш народ.

Теперь становится понятным, почему их планы были приноровлены к тому, чтобы именно в 1937 году поставить нас в тяжелое положение в области некоторых мероприятий оборонного значения.

Именно к 1937 году было подтянуто то чудовищное преступление, которое вчера было установлено в закрытом судебном заседании. Именно на 1937 год ставилась основная ставка на поражение.

Надо вспомнить, что еще 10 лет назад Троцкий оправдывал свою пораженческую позицию по отношению к СССР, ссылаясь на известный тезис о Клемансо. Троцкий тогда писал: надо восстановить тактику Клемансо, восставшего, как известно, против французского правительства в то время, когда немцы стояли в 80 км от Парижа. Товарищ Сталин зло высмеял Троцкого — этого «опереточного Клемансо» и его «Донкихотскую группу». Троцкий и его сообщники выдвинули тезис о Клемансо не случайно. Они вновь вернулись к этому тезису, но уже теперь не столько в порядке теоретической, сколько практической подготовки, подготовки на деле, в союзе с иностранными разведками, военного поражения СССР.

Л. Троцкий и антисоветский троцкистский центр всячески, всеми доступными им средствами старались ускорить нападение агрессоров на СССР.

«Ускорить столкновение» — спровоцировать войну, подготовить поражение СССР — вот к чему сводилась программа троцкистского «центра» в области, так сказать, внешней политики.

Это — «программа» иностранных лазутчиков, агентов иностранных разведок, забирающихся, если это им удастся, в самую гущу рядов противника и пытающихся взрывать ряды противника изнутри. Вот к чему сводилась программа троцкистского центра в части, так сказать, внешней политики.

Две программы — непримиримые, как смертельные враги, стоят одна против другой. Две программы, два лагеря. С одной стороны — оторванная от народа и враждебная народу жалкая кучка людей,

ставшая агентами иностранных разведок; с другой стороны — советское правительство, имеющее поддержку со стороны всего населения СССР. Две программы, две принципиально противоположные линии борьбы.

Вполне понятно, что, исходя именно из этих принципиальных своих установок на войну, на поражение, на дезорганизацию нашего государства, на предательство его интересов воинствующему фашизму, и вытекал ряд уже других практических шагов и мероприятий, которые проводила троцкистская организация под руководством своего троцкистского антисоветского центра.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНИЕ ДИВЕРСИЙ И ВРЕДИТЕЛЬСТВА

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из «центра» являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистской партии соглашения было обязательство

«... во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения,.. действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Осуществляя взятые на себя таким образом обязательства, «параллельный» или просто антисоветский троцкистский центр на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные ими диверсионные и вредительские группы. Не только в области нашей промышленности, но также и в области железнодорожного хозяйства, «параллельный» центр расставлял, в соответствии с этим, своих людей. Мы видели, ведь, как это делалось. Если плохо или недостаточно удовлетворительно, с точки зрения центра, разворачивается вредительская и диверсионная работа в Западной Сибири, Пятаков спешит туда, посылает Дробниса специально для того, чтобы усилить западно-сибирский центр, руководящий диверсионной и вредительской работой.

Мы знаем, что расстановка сил проводилась и проходила по определенному плану, не случайно. Были специальные люди, в адреса которых направлялись прибывавшие из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись также по определенному плану, их направляли именно туда, где, казалось, необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков оставляет в центре за собой руководство диверсионной и вредительской работой. Руководство вредительством и диверсиями на железнодорожном транспорте поручается Серебрякову, вкупе с ним — Князеву, Туроку, Богуславскому.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности, на Кемерово. Не случайно, именно в Западной Сибири создается достаточно сильный краевой центр в составе испытанных троцкистов: Муралова, Дробниса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих ближайших помощников Ратайчака, Норкина; Муралов и Дробнис опираются на Шестова и Строилова.

Основные вредительские и диверсионные силы расставляются достаточно умело и по определенному плану. Основной вредительский и диверсионный актив не распыляется, он концентрируется. Эти силы концентрируются со всеми необходимыми требованиями, предъявляемыми конспирацией. Эти силы концентрируются на наиболее крупных, наиболее важных предприятиях, имеющих преимущественно оборонное значение. Здесь учитывается и ряд таких, естественно возникающих трудностей, которые связаны с организацией нового дела, каким является, например, организация мощного Кемеровского комбината. Учитывается решительно все. Можно сказать, что каждая мелочь берется на строгий учет. Все взвешивается «по-хозяйски», если употребить это слово с издевательством над понятием хозяин. Пятаков выступает здесь именно как хозяин, как организатор этого вредительского хозяйства.

Это — человек, который живет двойной жизнью. Он ко всему, даже к вредительскому и диверсионному акту, подходит с расчетом, с выкладкой, соображая, что к чему, что и когда, действуя не просто так, по-партизански. Пятаков — враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства, и в области диверсии. Он действует по строгому хозяйственному расчету: вредит там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства. Учет обстоятельств находится в его руках, учет обстановки находится в его руках, учет сил — в его руках, учет средств — в его руках. Средства маскировки также находятся в его руках. Отсюда — достаточно широкая, планомерная, разветвленная вредительская, диверсионная деятельность, чудовищность которой иногда может просто привести в содрогание. На предварительном следствии Пятаков показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.

В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах».

Надо отдать Пятакову справедливость, он умел наносить чувствительные удары в действительно чувствительных местах.

Мы видели на судебном следствии, что означала эта троцкистско-пятаковская формула в действии: она означала порчу и уничтожение машин, агрегатов и целых предприятий, поджог и взрыв целых цехов, шахт и заводов, организацию крушений поездов, гибель людей.

Наша история знает немало преступлений против власти рабочих, против пролетарской диктатуры. В нашу историю вписаны отврати-

тельные страницы возмутительных заговоров против советов. Мы помним «шахтинское дело» и, как живые свидетели прошедших перед нашими глазами судебных процессов, мы помним дело «Промпартии», дело «союзного бюро с.-д. меньшевиков». Но едва ли будет преувеличением сказать, что в искусстве вредительства, цинизма и гнусной диверсионной практики троцкисты далеко оставили за собою своих предшественников, что в этой области они перещеголяли самых матерых и отъявленных преступников. Если сравнить Пятакова с его предшественниками в этой области, то я думаю, что фигуры его предшественников померкнут перед силою и глубиною тех предательских, преступных действий, которые сумел осуществить Пятаков, прикрывая свою преступную деятельность своим высоким положением в Наркомтяжпроме.

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу — подорвать хозяйственную мощь Советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу — вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть. Эту вторую задачу они решали при помощи самых изуверских преступлений. Они не только не останавливались перед этими преступлениями, они, наоборот, старались эти преступления организовать в возможно более широком масштабе, старались увеличить число жертв возможно больше. И не прав Пятаков, когда говорит, что принимал «это», как неизбежное. Он здесь не имеет мужества сказать всю ту правду, которую сказал сидящий за его спиною Дробнис.

Не как необходимое и неизбежное принималась центром система взрывов, поджогов, крушений с человеческими жертвами. Организация этого рода преступлений входила в план центра, являясь его составной частью. Дробнис сказал:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно».

Князев говорил, что Лившиц дал ему поручение

«подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв».

Товарищи судьи! На суде перед нашими глазами прошло несколько тяжелых картин, которые я должен буду сейчас восстановить в вашей памяти. Должен восстановить взрыв на шахте «Центральная», повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих. Я должен буду также напомнить о крушении на станции Шумиха, повлекшем за собой смерть 29 красноармейцев и ранение еще 29 красноармейцев.

Характерно, что, совершая преступления, заговорщики очень хладнокровно и продуманно заметали свои следы, пытались эти следы замести. Мы видели, как по поводу отравления рабочих в декабре 1935 года на 6-м участке в районе Северного ходка в Кемерово члены вредительской троцкистской организации Пешехонов и другие составили специальный акт, скрывший умышленный характер этого отравления. Здесь же на суде Князев и Турок должны были подтвер-

дить, что ряд организованных ими железнодорожных крушений остался безнаказанным, потому что они с циничным искусством прятали достаточно успешно концы в воду.

Мы знаем, что эти люди не останавливались перед тем, чтобы заведомо лживо, заведомо неправильно сообщать следственным органам о виновниках организованных ими крушений, что они умели свалить вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Здесь действовала чудовищная бандитская система, которая не щадит никого, не останавливается ни перед чем, направляет свои удары не только против тех, с кем непосредственно ведется борьба, но и против всех тех, кто вообще встречается на их преступном пути.

Надо сказать, что организация диверсионных и вредительских актов и проведение их в жизнь весьма облегчались преступникам тем, что ряд командных должностей в промышленности и на транспорте был захвачен в свои руки этими людьми, сумевшими нас обмануть. Экспертные технические комиссии, которые давали здесь свое заключение, с совершенной точностью и конкретностью установили, что все, так называемые, аварии, взрывы, пожары, которые сначала пытались изобразить, как результат несчастных случаев, на самом деле проводились вредителями умышленно, продуманно. Установлено, что на Горловском азотно-туковом комбинате под руководством подсудимого Ратайчака были организованы в сравнительно короткий срок три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекшие за собой человеческие жертвы и причинившие нашему государству к тому же и тяжелый материальный урон.

Товарищи судьи! Для того, чтобы оценить со всей полнотой всю безмерную чудовищность этих преступлений, надо не упускать из вида не только то, что эти преступления совершены, но и то, что они совершены людьми, которым была вверена охрана интересов нашего государства от всякого рода посягательств на них. Ратайчак, который должен был в первую очередь охранять нашу химическую промышленность от всякого рода посягательств на нее и беречь от всякого рода ущерба, — этот человек предает. Он действует, как прямой изменник: за подобного рода преступления в военной обстановке он подлежал бы расстрелу на месте, немедленному уничтожению.

Аналогичные диверсионные акты по поручению Ратайчака совершаются троцкистской организацией и на других химических предприятиях Союза. Диверсионный характер этих взрывов установлен и признан и подсудимыми и свидетельскими показаниями и, наконец, специальной технической экспертизой, которая здесь поставила все точки над «и» и не оставила никакого сомнения, что речь идет действительно о диверсиях.

Я хотел бы кратко остановиться на этих данных экспертизы. Я просил экспертов ответить нам на ряд вопросов по взрыву, имевшему место в ноябре 1935 года на Горловском туковом заводе в водородно-синтетическом цехе. На прямой вопрос — имелась ли возможность предупредить этот взрыв — эксперты ответили: бесспорно

имелась. Что же нужно было сделать для того, чтобы этих взрывов не было?

Оказывается, немногое. Для этого нужно было только придерживаться инструкции по безопасному проведению работ. Инструкция обеспечивает нормальную и безопасную работу. Это не было сделано. Отсюда — взрыв. И когда мы поставили экспертам вопрос: а может быть, этот взрыв все-таки случайный? Мы проверяли показания подсудимых, экспертиза ответила: «факт злого умысла неоспорим».

Мы при помощи экспертизы проверили показания самих подсудимых и, хотя мы знаем, что в некоторых европейских законодательствах признание подсудимым своей вины считается достаточно авторитетным для того, чтобы уже не сомневаться больше в его виновности, и суд считает себя вправе освободить себя от проверки этих показаний, мы все же для того, чтобы соблюсти абсолютную объективность, при наличии даже собственных показаний преступников проверяли их еще с технической стороны и получали категорический ответ и о взрыве 11 ноября, и о горных пожарах на Прокопьевском руднике, и о пожарах и взрывах на Кемеровском комбинате. Установили, что не может быть никакого сомнения в наличии злого умысла.

Мы, таким образом, имеем целую систему широко разветвленных вредительских и диверсионных мероприятий, которые охватывали те отрасли нашей промышленности, которые имеют наиболее важное значение с точки зрения общесоюзных интересов и с точки зрения интересов обороны и обороноспособности нашего государства.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные вредительские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Мы уже установили, что активную роль в этом кошмарном преступлении или, вернее, в этой сумме кошмарных преступлений играли Лившиц, Турок, Князев и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица, ибо это уже предел, как мы имели и в случае с Пятаковым, всякого мыслимого преступления. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников Народного комиссариата путей сообщения. Лившиц был заместителем народного комиссара путей сообщения. В этом отношении он ничем не отличается от Пятакова, несмотря на то, что его роль по сравнению с Пятаковым была второстепенной. Когда наша промышленность и железнодорожный транспорт под блестящим руководством товарищей Серго Орджоникидзе и Лазаря Моисеевича Кагановича, преодолевая всякого рода трудности, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год поднимались в гору, — в это самое время те, кто призван был им помогать, нагло и предательски обманывали их, обманывали нас всех, нашу партию, наш народ.

Вот почему я полагаю, что в отношении Пятакова, бывшего заместителя народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольникова, бывшего заместителя народного комиссара по иностранным делам, — в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной

ответственностью перед нашей страной, — вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

Подсудимый Князев по прямому заданию «параллельного» троцкистского центра организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв. Было крушение на ст. Шумиха, где погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными, крушение на перегоне Яхино — Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указаниям «параллельного» троцкистского центра и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав, — агента японской разведки господина Х., который действительно был одной из движущих пружин преступной деятельности Князева и Турока.

Князев показал, что организация крушений воинских поездов входила в круг мероприятий, намеченных для удара по нашей Красной армии, и нельзя отказать в признании того, что действительно эти мероприятия преступного характера могли нанести нам чувствительный удар.

Так переплетались интересы троцкистской организации с интересами иностранных разведок. Они не могли не переплетаться, потому, что у них были общая политическая задача, общие методы работы и организационная связь, что, в сущности говоря, стирало всякие грани различия троцкистской организации от организации японской или германской разведки.

Связи Князева и Турока, связи шпионского диверсионного характера нами были проверены на закрытом заседании, где была совершенно точно установлена и личность этого господина Х., и все те обстоятельства, о которых подсудимые давали показания на суде.

Я здесь должен буду напомнить об имеющихся в деле двух письмах, где изобличаются связи Князева с этим господином Х. Эти письма только лишний раз и вполне объективно подтверждают показания Князева.

Князев показал, что по соглашению с этим самым господином Х. он давал и выполнял задания на случай войны организовать поджоги воинских складов, пунктов питания, пунктов санитарной обработки войск. Князев подтвердил, что японская разведка особенно резко ставила вопрос об организации диверсионных актов путем применения бактериологических средств в момент войны с целью заражения острозаразными бактериями поездов под воинские эшелоны, а также пунктов питания и санитарной обработки войск.

Вот два наиболее характерных факта, которые сами по себе говорят о действительно беспредельном падении, о действительно моральном растлении, которым оказались подвержены и малые и большие деятели этого антисоветского троцкистского центра. Эпизод с Кемеровским комбинатом и задание, которое Князевым получено от Х. на случай войны, — заражение красноармейцев острозаразными бактериями —

два факта, вполне достаточных для того, чтобы считать полностью установленным предъявленное здесь обвинение в государственной измене.

Преступники действовали с наглостью и цинизмом. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до конца. В самом деле, как могли они в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, оставаясь безнаказанными? Это вопрос, конечно, законный. Но что же, если те самые консулы, на которых лежит обязанность заботиться, чтобы никакого ущерба не понесло государство (старая формула, которая говорит, что консулы обязаны не допускать никакого ущерба государству), эти самые консулы оказались основными вредителями, основными организаторами этих преступлений! Тут, конечно, можно вредить месяц, можно вредить год, два, пять лет, может быть, даже целые десять лет, если играть эту подлейшую двойную игру, если жить той двойной жизнью, какой жили обвиняемые по этому делу. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это объясняет все.

Но тут я поставлю другой вопрос: несмотря на то, что к руководству примазались вот такие шпики и разведчики, как Ратайчак, вот такие предатели и изменники, как Лившиц или Пятаков, — как случилось, что несмотря на все это, их усилия подорвать мощь промышленности, ослабить силы оборонной промышленности, поколебать обороноспособность нашей страны оказались тщетными? Это наиболее важный вопрос и на него нужно дать точный и исчерпывающий ответ.

Да, в известный период, в известный момент, на известных участках нам приходилось туго. Но, несмотря на вредительские и диверсионные удары, наша промышленность и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх. Я приведу несколько справок из нескольких отраслей промышленности, которые были ареною преступной деятельности троцкистских заговорщиков.

В угольной промышленности мы имеем рост добычи угля:

по Донбассу — с 25 288 тыс. тонн в 1913 году до 75 202 тыс. тонн в 1936 году, по Кузбассу — с 799 тыс. тонн в 1913 году до 17 259 тыс. тонн в 1936 году, по Подмосковному бассейну — с 300 тыс. тонн до 7 201 тыс. тонн в 1936 году. Громадный рост!

За 19 лет наша страна создала мощную химию и заняла третье или даже по отдельным отраслям промышленности второе место в мире.

К началу первой пятилетки наша страна обогатилась созданием ряда новых отраслей промышленности, имеющих общенародное хозяйственное значение, как анилино-красочная промышленность, коксобензоловая промышленность, химико-фармацевтическая и т. д. Первая и вторая пятилетки советской химии были наиболее яркими этапами в развитии химической промышленности. Надо иметь в виду,

что история мировой химии вообще начинается с конца 18-го века. Следовательно, современная мировая химическая промышленность имеет около 150 лет своего развития, а наша советская химическая промышленность имеет не больше 10 лет своего развития. И за эти 10 лет она прошла путь 150 лет мирового капиталистического хозяйства. Мы имеем успехи, благодаря которым по серной кислоте и соде мы занимаем третье место, уступая только Германии и Соединенным Штатам, по суперфосфату — первое место после Соединенных Штатов, по азотным удобрениям наша страна выдвигается на четвертое место в мире. Это факты многозначительные, особенно в свете тех кошмарных преступлений, о которых мы здесь слышали и которые вызвали всеобщее негодование нашей страны. Это говорит о том, что именно так отвечает наш народ, наша социалистическая промышленность на подрывную работу предателей и агентов фашистских разведок. Несмотря на вредительство, несмотря на диверсии, сотни погибших от рук разведчиков и диверсантов лучших стахановцев, несмотря на систематические и планомерно проводившиеся мероприятия по сознательному срыву стахановского движения, — наша промышленность бурно растет и перевыполняет свои производственные планы!

Аналогичное положение—на железнодорожном транспорте. И здесь мы имеем героический подъем железнодорожного хозяйства, о чем особенно красноречиво говорят цифры средне-суточной погрузки. Эта погрузка в 1934 году выражалась в 55 417 вагонов, в 1935 году—в 68 098 вагонов, в 1936 году — в 86 160 вагонов! Годовая перевозка грузов в миллиардах тонно-километров за те же годы: 205, 258, 323! Железнодорожный транспорт героически преодолел былые трудности...

Чем объяснить это чудо, чем объяснить это явление? Чудес в мире не бывает. Почему же мы имеем такой блестящий рост, такой расцвет нашей промышленности и железнодорожного транспорта? Потому что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому что на стороне советского правительства и строительства социализма стоят миллионы!

ШПИОНАЖ И ТЕРРОР

Материалами предварительного и судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пушина, Турока, Граше, Шестова, Строилова установлено, что, наряду с диверсионно-вредительской деятельностью, троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранных разведок. На этом вопросе я не буду подробно останавливаться, скажу лишь основное. Установление связи японской и германской разведки осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турока или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными—германской и японской—разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой подготовляли результаты,

которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Товарищ Сталин в своей телеграмме на имя Центрального Комитета Коммунистической партии Испании, на имя товарища Хозе Диас сказал, что «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они, — сказал товарищ Сталин, — отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества». И я хочу просить вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому делу с точки зрения охраны интересов нашего государства, с точки зрения охраны интересов всего передового и прогрессивного человечества.

Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каждой стране, желающей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительств были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготовляющими войну, собирающимися взорвать дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества. Достаточно полно установлено, что именно в этой области делали и маленькие шпики, сидящие здесь на скамье подсудимых, вроде Граше, Ратайчака, и большие шпики, возглавляющие эту скамью подсудимых. Князев и Лившиц, Ратайчак, Шестов, Строилов, Пушин, Граше — это непосредственная агентура германской и японской разведок. Агентура, конечно, не только не исключает, а, наоборот, предполагает ответственность на равных началах и главарей этого центра, организовавших агентуру и пустивших ее в ход.

Обвинительное заключение предъявляет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов.

Здесь надо раньше всего остановиться на основном и общем вопросе — доказано, что в программе троцкистского антисоветского центра стоял террор, что этот террор проводился на деле.

В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и притом в достаточно откровенной, незавуалированной форме дал установку на террор, — документы, которые оглашены их автором orbi et urbi (всему миру). Я имею в виду, во-первых, то письмо 1932 года, в котором Троцкий бросил свой предательский, позорный клич — «убрать Сталина», и, во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени, — троцкистский «Бюллетень оппозиции» №№ 36—37, октябрь 1934 года, где мы находим ряд прямых указаний на террор, как метод борьбы с советской властью.

В самом деле, здесь, в статье, имеющей программный характер, в статье, которая под своим официальным названием содержит еще подзаголовок — «Проблемы IV интернационала», — Троцкий говорит совершенно откровенно о терроре, как методе, который уже в те годы был поставлен в порядок практической деятельности троцкистов. Этот террор они, к нашему великому горю, сумели осуществить в 1934 году, убив Сергея Мироновича Кирова.

В этой самой статье, имеющей программный характер, есть глава, в которой говорится: «Возможно ли мирное снятие бюрократии?» Троцкий и троцкисты считают наш советский аппарат бюрократическим аппаратом.

Здесь говорится:

«Возьмите немаловажный вопрос, как подойти к реорганизации советского государства».

Троцкий, видите ли, озабочен реорганизацией Советского государства, чем озабочены, — как мы видели на этом процессе, — также и его ближайшие помощники — Пятаков, Сокольников, Радек, Серебряков и другие.

Как подойти к реорганизации Советского государства и можно ли разрешить эту задачу мирным способом? Ясная совершенно постановка. Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно мирным способом, скажем, на основе конституции.

А что говорят Троцкий и троцкисты? Они говорят так:

«Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики (как они клеветнически называют наше правительство) не осталось никаких нормальных конституционных путей».

«Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда (они говорят о себе, как об авангарде, имеют в виду очевидно вот подобный этим господам «авангард», который занимался убийствами, и диверсиями, и шпионажем) можно только силой».

Причем «силой», как это можно убедиться, набрано черным шрифтом. Ясная постановка вопроса! Мирные средства? Мирные средства бессильны. Единственное средство — сила, силой и устранять. Но мы знаем, как силой устраняют, в особенности, когда дело идет о том, чтобы эту силу оставлять в руках такого «авангарда», каким являются вот эти господа. (Смех.)

Они говорят дальше прямо о «сталинском аппарате», говорят, что если все-таки этот аппарат, наш государственный аппарат, будет сопротивляться, то придется применить против него особые меры.

То, что я процитировал и что я из чувства просто политической брезгливости не имею возможности цитировать дальше, — совершенно отчетливо говорит о том, как ставится троцкистами в своих журнальчиках вопрос о методах борьбы, каковы установки Троцкого в отношении этой так называемой «реорганизации» Советского государства. Об этом самом «Бюллетене» троцкистской оппозиции нам, кстати, Пятаков говорил, что Троцкий сказал ему: не обращайте внимания полностью на то, что будет писаться в «Бюллетене». Имейте в виду, что в «Бюллетене» мы не можем откровенно сказать все, что мы гово-

рим и требуем от вас. Знайте, что в «Бюллетене» мы будем даже говорить иногда, может быть, прямо противоположное тому, что мы от вас требуем. И если при этих условиях говорится то, что я сейчас процитировал, — как это назвать, если не прямым призывом к насильственным действиям против нашего государства, против наших руководителей? Как это назвать, как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу.

И это является объективнейшим доказательством того, что, когда некоторые — Пятаков, Радек и другие члены этой преступной банды — говорили, что они организовали террористические акты по прямым установкам Троцкого, — то они вынуждены были сказать то, что в действительности есть, и никакой болтовней, никакой клеветой, никакой инсинуацией и троцкистской брехней этого факта не замазать! В наших руках есть документы, которые объективно говорят, что террор стоит в порядке дня троцкистской организации, что террор был предложен Троцким, что он был принят Пятаковым.

Перед нами сидят террористы, которые организовывали терракты, не только сами, но по соглашению с троцкистско-зиновьевским блоком, с которым у них была некоторая конкуренция. Посмотрите: опубликованные протоколы судебных заседаний объединенного зиновьевско-троцкистского центра говорят о том, что зиновьевцев подхлестывала боязнь, что троцкисты в своей преступной деятельности их могут «обскакать». Разве и на этом процессе мы не слышали о том же? Разве троцкисты из «параллельного» центра не считали своей задачей, как здесь признался Радек, держать зиновьевцев в руках, не позволять зиновьевцам оттиснуть их от власти в тот момент, когда они будут распределять портфели? Этот «авангард» спал и видел во сне портфели. Радеку — портфель министра иностранных дел, Ратайчаку — вероятно, министра религиозных исповеданий (в зале смех), потому что он показывал, что он чувствует себя связанным до сих пор присягой, которую он где-то кому-то давал. А Пятакову предназначался (нам это известно) пост военного министра и вообще главнокомандующего всех вооруженных, сухопутных (морских сил у них не было) и — я имею в виду «старого летчика» Ратайчака — летных сил. (В зале смех.)

Центр организовал сеть террористических групп. У Пятакова — Логинов, Голубенко и другие. У Радека — Пригожин и другие; у Сокольникова — Закс-Гладнев, Тивель и другие; у Серебрякова — у того есть своя группа — Мдивани; у Дробниса — какая-то Подольская, которая тоже подготавливала террористический акт. У Дробниса — своя группа. У Муралова — об этом и говорить нечего. Он же — бывший командующий, как ему быть без армии? Если нельзя командовать советскими силами, разве нельзя командовать антисоветскими? Он — «солдат», чем и как прикажут, тем и так он будет командовать. Даже у Шестова и то была своя группа — Арнольд и К° — и группа неплохая с точки зрения ее задач. Правда, небольно она презентабельна с виду, но практически умела действовать.

Пятаков подготовляет террористический акт через своих украинских представителей против тт. Постышева и Косиора, а в 1935 году

против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логинова для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготовляет террористические кадры в Ленинграде; Закс-Гладнев и другие готовят под руководством Сокольникова террористический акт против товарища Сталина; Мдивани, под руководством Серебрякова, готовит террористический акт против товарища Берия, собирает террористов, которых можно было бы стянуть в Москве для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление, так называемых, групповых террористических актов. Они же готовят террористический акт против тов. Ежова. Дробнис тоже готовит терракт против тов. Ежова. Муралов готовит акт против тех, кто приедет к нему в Сибирь, не считая тов. Эйхе, который там живет. Такова установка: учесть, использовать выезды руководителей партии и правительства на периферию и организовать их убийства. И вот Муралов, который никак не хочет согласиться с тем, чтобы ему приписывалась подготовка покушения против тов. Орджоникидзе, этот самый Муралов твердо и откровенно (я не могу сказать «честно», потому что это слово не подходит к таким делам) признает, что он действительно организовал террористический акт против товарища Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров нашего Союза. Терракт не только организовал, а и пытался осуществить через Шестова и Арнольда.

Конечно, может быть поставлен и такой вопрос: много групп, а дела как-то не видать. Но это наше счастье. Ведь эти самые господа не брали на себя лично совершения террористических актов, в этом-то наше счастье. С Радеком, с Пятаковым, с Сокольниковым встречались довольно близко, обсуждали вместе разные вопросы, полагая, что рядом сидят товарищи. А оказалось, что рядом сидят наши убийцы! Если бы они могли открыто выступить за террор, положение было бы, конечно, сложнее. Но тактика у них была иная: не открывать, что троцкисты подготовляют убийства. Их тактика была такая: чтобы можно было совершение террактов свалить на других — скажем, на белогвардейцев (так ставился вопрос). В этих условиях, конечно, не легко было им найти людей, которые, вроде таких просвещенных мореплавателей, как Арнольд, согласились бы взять на себя подобного рода ужасные преступления. Арнольд, Шестов, Муралов, западно-сибирский центр, троцкистский центр в целом отвечают, конечно, за подготовку этих актов, потому что это делалось по общей директиве, «конкретно переведенной», как выразился Пятаков, «с языка алгебраического на язык арифметический». Но они забыли, что существует еще один язык — язык уголовного кодекса, который знает преступления, знает людей, их совершивших, и знает ответственность, предусмотренную законом за эти преступления. Они избирают Арнольда как вполне подходящего человека для подобного рода преступлений. Ну, что такое Арнольду взять на себя совершение одного или десятка террористических актов? Вы уже видели этого Арнольда. У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики — трусость... Вот он организовал покушение против товарища Орджоникидзе и, к вели-

чайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил, — не удалось. Организует покушение на Председателя Совнаркома товарища Молотова, но, к нашему счастью, к величайшему счастью, опять сдрейфил, — не удалось.

Но факт остается фактом. Покушение на товарища Молотова произошло. Эта авария на гребешке 15-метровой канавки, как здесь Муралов скромненько говорил, — факт.

Возьмите убийство инженера Бояршинова. Кто такой Бояршинов? Это был человек, когда-то осужденный за вредительство. Но потом это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту имени Рухимовича по вредительским планам и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова. Он разоблачает Строилова.

Эта честная работа Бояршинова озлобила гнездо диверсантов. Они организуют убийство. 15 апреля 1934 года инженер Бояршинов едет на лошади с вокзала. Его нагоняет грузовая машина и давит на смерть. Опять—тот же самый прием, при помощи которого действовала шайка Шестова — Черепухина и которая имела в своих рядах Арнольда и некоторых других лиц, которые были вскрыты, судимы и осуждены. Например, Казанцев, который участвовал в этой истории. Это факт, это не самооговор, это факт: убили Бояршинова. Покушались на убийство аналогичным способом Председателя Совета Народных Комиссаров товарища В. М. Молотова.

Вот почему за террористическую деятельность, за подготовку террористических преступлений отвечает этот центр в полной мере и в полном объеме — от Арнольда и до Пятакова, и от Пятакова до Арнольда. Ответственность одинаковая и солидарная.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Наш закон требует производить оценку имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению суда, на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности. 320-я статья Уголовно-процессуального кодекса РСФСР говорит о необходимости постановки на разрешение суда при вынесении приговора ряда вопросов. Из них я считаю наиболее существенными и важнейшими два первых вопроса: вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, и, во-вторых, содержит ли это деяние в себе состав уголовного преступления? На оба эти вопроса обвинение дает положительный ответ. Да, приписываемые обвиняемым преступления имели место. Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены, и эти деяния заключают в себе полный состав уголовного преступления. В этих двух вопросах не может быть никакого сомнения. Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?

Надо сказать, что характер настоящего дела таков, что именно этим характером предопределяется и своеобразие возможных по делу доказательств. Мы имеем заговор, мы имеем перед собой группу людей, которая собиралась совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить успех этого заговора, заговора, достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о доказательствах? Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? Вы говорите программа, но где же у вас имеется программа? У этих людей где-нибудь есть писаная программа? Об этом они только говорят. Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы этой заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т. п.?

Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы в делах о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов, требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинения на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, — косвенных улик. Я в данном случае должен сослаться хотя бы на такого блестящего процессуалиста, каким является известный старый английский юрист Уильям Уильз, который в своей книге «Опыт теории косвенных улик» говорит, как сильны бывают косвенные улики и как косвенным уликам принадлежит нередко убедительность гораздо большая, чем прямым доказательствам. Я думаю, что и мои уважаемые противники согласятся со мной с точки зрения позиций, на которых они, как защитники в этом вопросе, стоят. Но у нас есть и объективные доказательства. Я говорил о программе и я предъявил вашему вниманию, товарищи судьи, «Бюллетень» Троцкого, где напечатана эта самая программа. Но идентификация здесь будет гораздо более легкой, чем та, которую вы провели, устанавливая по фотоснимкам идентичность некоторых лиц из германской разведки.

Мы опираемся на ряд доказательств, которые могут служить в наших руках проверкой обвинительных утверждений, обвинительных тезисов. Во-первых, — историческая связь, подтверждающая обвинительные тезисы на основании прошлой деятельности троцкистов. Мы имеем в виду далее показания обвиняемых, которые и сами по себе представляют громаднейшее доказательственное значение. В процессе, когда одним из доказательств являлись показания самих обвиняемых, мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только

объяснения обвиняемых: всеми возможными и доступными нам средствами мы проверяли эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью.

Для того, чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса. Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т. д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей. Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что говорили здесь обвиняемые. Нет никаких оснований допускать, что Пятаков — не член центра, что Радек не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К., или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином, как его там звать, что он с Бухариным не кормил «яичницей с колбасой» каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, «визируя мандат Троцкому». Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства.

Но мы имеем, товарищи судьи, такой пример и в прошедших процессах, — и я прошу вас иметь это в виду и при окончательной оценке тех последних слов, которые пройдут перед вами через несколько часов. Я напомню вам о том, как, скажем, по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах, — одни прося, другие не прося пощады, — что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных, совершенных ими преступлений, — мы на каж-

дом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!

Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 году по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему Советскому государству.

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, — т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: $58^{1а}$ — измена родине, 58^{6} — шпионаж, 58^{8} — террор, 58^{9} — диверсия, 58^{11} — образование тайных преступных организаций.

Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т. е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе предъявляется, — это измена родине. Измена родине карается ст. $58^{1а}$ Уголовного кодекса РСФСР. Она говорит об измене родине, как о действиях, которые совершены в ущерб военной мощи Союза, его государственной независимости, его территориальной неприкосновенности, как шпионаж, выдача военных и государственных тайн, переход на сторону врага. Все эти элементы, кроме последнего, — бегство за границу, — мы имеем здесь налицо. Закон возлагает на совершивших это тяжелое государственное преступление, которое наша великая

Сталинская Конституция справедливо называет тягчайшим злодеянием, — тягчайшее наказание. Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах.

Вы должны будете, товарищи судьи, в совещательной комнате ответить на вопрос — есть ли у этих обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы вам смягчить угрожающее им по закону наказание? Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса в полном объеме.

Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, на костылях, искалеченные, полуживые, а, может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один! Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти! (Долго несмолкающие аплодисменты всего зала).

Председательствующий тов. Ульрих опрашивает каждого из подсудимых — Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова, Богуславского, Дробниса, Муралова, Норкина, Шестова, Ратайчака, Строилова, Лившица, Турока и Граше, имеющих право защитительной речи, — не желают ли они воспользоваться этим правом. Все перечисленные подсудимые от защитительной речи отказываются.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА тов. И. Д. БРАУДЕ

Председательствующий: Слово имеет тов. Брауде, защитник подсудимого Князева.

Брауде: Товарищи судьи, я не буду скрывать от вас того, исключительно трудного, небывало тяжелого положения, в котором находится в этом деле защитник. Ведь защитник, товарищи судьи, прежде всего, — сын своей родины, он также гражданин великого Советского Союза, и чувства великого возмущения, гнева и ужаса, которые охватывают сейчас всю нашу страну от мала до велика, чувство, которое

так ярко отобразил в своей речи прокурор, эти чувства не могут быть чужды и защитникам.

Но, товарищи судьи, волею советского закона, волею Сталинской Конституции, которая обеспечивает каждому обвиняемому, независимо от тяжести совершенного преступления, право на защиту, наш гражданский и профессиональный долг — помочь в осуществлении этого права тем обвиняемым, которые пожелали этим правом на защиту воспользоваться.

Я защищаю Князева, начальника дороги, который в угоду японской разведке пускал под откос поезда с рабочими и красноармейцами. Не скрою, что когда я читал материалы по делу, когда перелистывал документы, когда слушал показания Князева, мне чудился и грохот разрушающихся вагонов, и стоны умирающих и раненых красноармейцев. Тем не менее я был бы неправ, если бы сказал, что никаких оснований для его защиты нет.

Тов. Брауде говорит, что основной виновник преступлений Князева — это тот, кто является творцом гнусного явления, называемого троцкизмом, тот, кто предает свою родину, организует террористические акты, тот, кто входит в контакт с иностранными шпионскими организациями, — презренный Троцкий. Князев совершал тягчайшие преступления. Он был непосредственным их исполнителем, но основным виновником все-таки является не он, несмотря на то, что эти преступления внешне как будто бы связаны главным образом с ним.

Товарищ прокурор говорил здесь, что у троцкистской организации никогда не было, нет и не будет ни малейшей массовой базы. Это всегда были генералы без армии, это кучка заговорщиков. И потому они старались вовлекать людей в свои организации методами, которые определялись близостью и связанностью их с иностранными шпионскими организациями. Эти методы вербовки — шантаж, обман, вымогательство и запугивание. И именно такими методами был завербован в троцкистскую организацию и Князев.

У Князева нет опыта многолетней борьбы с партией, как у многих из обвиняемых, находящихся с ним на одной скамье подсудимых. Он, в сущности говоря, — молодой троцкист.

У Князева были известные сомнения в 1930 году. И нашелся человек, обвиняемый Турок, который в это время был связан с японской разведкой, который к этому времени был троцкистом. Турок пытался воспользоваться колебаниями и сомнениями Князева, чтобы вовлечь его в троцкистскую организацию.

Далее защитник напоминает, что в 1930 году Князев отказался вступить в троцкистскую организацию, и говорит об эпизоде, сыгравшем огромную роль в дальнейшей жизни Князева. В 1930 году с ним вел

переговоры господин X., стремясь завербовать Князева на работу для японской разведки. Князев ответил ему категорически резким отказом, но никому об этом случае не рассказал.

И вот через четыре года снова к Князеву явился Турок и снова поставил перед Князевым вопрос, чтобы тот вошел в троцкистскую организацию. Князев снова отказался. Тогда Турок ему сказал: я знаю о тех разговорах, о тех предложениях, которые делались тебе японским шпионом в 1930 году, и если ты не вступишь в троцкистскую организацию, то я тебя предам суду и как скрытого троцкиста, и как шпиона, ибо ты находился в близких отношениях с господином X. и не донес об этом соответствующим органам.

Припертый к стене, Князев дал согласие вступить в контрреволюционную троцкистскую организацию. Открылась первая страница отвратительных деяний Князева, продиктованных ему троцкистской террористической организацией.

Не прошло и полгода, как в Челябинске в кабинет к Князеву вошел неизвестный гражданин в сером костюме. Неизвестный сказал ему, что приехал от господина X. для продолжения разговора, который происходил в 1930 году. Князев попытался дать резкий отпор. Но неизвестный сказал ему: мне известно, что вы полгода тому назад вступили в контрреволюционную троцкистскую организацию. Если вы не согласитесь сейчас на предложение японской разведки, я донесу на вас и вас будут судить как троцкиста-террориста.

Вы видите метод, совершенно одинаковый для обеих организаций. Троцкистская организация употребляла методы японской разведки, а японская разведка употребляла методы троцкистской организации.

И, — говорит Князев в своих показаниях, — будучи поставлен в безвыходное положение и боясь, что я действительно могу быть установлен как троцкист, я ответил согласием работать в пользу японской разведки.

Сам Князев инициативы для вступления в террористическую шпионскую организацию не проявлял. Вследствие малодушия, вследствие недостаточности воли, он является, я бы не сказал жертвой, но он явился только исполнителем и был как таковой и использован.

В чем же я вижу еще моменты, которые дают основания для смягчения его участи? Это — полное и действительно чистосердечное признание своей вины. Как это принято в судебной практике, мы в таких признаниях видим известные основания для более мягкого отношения к обвиняемому, как бы, казалось, ни тяжелы были его преступления. Князев был искренен и правдив во всех своих показаниях. Вот что он пишет в своем заявлении, которым открывается следственный материал: «...Я не ожидаю и не прошу никакого к себе снисхождения. Отбросив все личное, я хочу рассказать только истинную правду и до конца разоблачить всю преступную троцкистско-японскую подрывную работу».

Его дальнейшее поведение показало, что это—не фраза, не стремление обмануть следственные органы и суд. Это слова человека, порвавшего с прошлым.

Князев действительно был беспощаден к себе и другим, он был правдив. Это в известной степени принесло пользу суду в расследовании этого страшного, исключительного дела.

Иллюзии уничтожены... Остались факты во всей их неприкрытой мерзости. Вместо якобы вождей, за которыми Князев шел, на скамье подсудимых оказались политические банкроты и предатели во всей их неприглядной наготе. Этот страшный урок не может не оттолкнуть от смрада контрреволюции и таких людей, как Князев, несмотря на тяжесть их непосредственных преступлений.

И в этом твердая гарантия того, что Князев, если бы суд нашел возможным сохранить ему жизнь, никогда не пойдет по тому пути, который привел его к бездне.

И думается, что Князев искренен, когда в конце своего заявления пишет: «Если пролетарский суд найдет возможным, учтя мое искреннее раскаяние, оставить мне жизнь, то я всеми силами и своей неустанной работой постараюсь загладить свою вину и упорно, не покладая рук, хочу работать на благо нашей могучей родины».

Хочется верить в искренность этого заявления Князева. И это дает мне право просить вас обсудить вопрос о возможности сохранения Князеву жизни.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА тов. С. К. КАЗНАЧЕЕВА

Председательствующий: Слово имеет защитник подсудимого Арнольда — член коллегии защитников тов. Казначеев.

Казначеев: Товарищи судьи, чудовищна картина измены и предательства, которая развернулась перед вами на протяжении этих нескольких дней. Безмерна тяжесть вины сидящих на скамье подсудимых. Понятен гнев народных масс нашего Союза. С предельной убедительностью и ясностью вскрылись здесь на суде как самая работа троцкистской организации, так и методы, которые применяла она для вовлечения в свою среду. Фактическая сторона этого дела установлена не только признанием обвиняемых по делу, но и той громадой улик, которая имеется в вашем распоряжении. Круг аргументов, которые можно предложить вашему вниманию, круг доводов, которые могут быть выдвинуты, как моменты, смягчающие вину того или иного обвиняемого по этому делу, — чрезвычайно суживается.

В смысле оценки положения каждого из обвиняемых по этому делу можно пожалеть только об одном — что тот человек, который направлял действия этой организации откуда-то из-за пределов нашего Союза, избежал этой скамьи подсудимых...

На первый взгляд кажется непонятным, как случилось, что Арнольд, у которого в сущности говоря никакой политической ориентации раньше не было, стал соучастником людей, имеющих большой актив политического двурушничества на протяжении целого ряда лет.

В своих показаниях Шестов цинично рассказывает о том, как ему приходилось вовлекать в организацию Арнольда. Он говорит: «Я его

постепенно подкармливал. Я его прикрепил незаконно на снабжение в Инснаб, я материально ему помогал, я заботился о его семье. Я выяснил его неблагополучное прошлое и угрожал ему». Под влиянием этих угроз Арнольд в организацию вступил.

Арнольд утверждает: «Я вынужден был согласиться на предложение Шестова вступить в троцкистскую организацию». После вербовки Арнольд подвергался обработке в течение длительного срока. Этот момент также подтверждается показаниями Шестова и другими объективными материалами по делу.

Как Арнольд выполнял задания, полученные им от Шестова и Черепухина? Шестов говорит, что когда это задание давалось, то от Арнольда требовали самопожертвования. Арнольд дал твердое обещание пожертвовать собой. На самом деле, как мы знаем по материалам дела и как это совершенно правильно отметил тов. Вышинский, благодаря трусости Арнольда и благодаря тому, что в нем проснулся инстинкт самосохранения, он не решился провести до конца это гнусное задание. Террористический акт, к счастью всего советского народа, не был завершен! В трусости Арнольда, в том, что он в обоих случаях пытался обмануть троцкистскую организацию, в значительной степени нужно искать причину того, что эти гнусные акты не были совершены! Арнольд по этому моменту дает, мне кажется, искренние показания, ибо никаких других мотивов, которыми бы он руководствовался, мне кажется, и предположить нельзя. «Я, как никогда в жизни, испугался...» «Я не хотел умереть или остаться калекой». Вот мотивы, которые руководили им в этот момент! И, наконец, факт, что Арнольд в значительной мере обманывал и троцкистскую организацию.

Перед нами неизбежно должен встать вопрос: сделал ли Арнольд хотя бы одну попытку из этой организации уйти, порвать с ней. Если у него такие попытки действительно были, то они в данном случае являются чем-то весомым и во всяком случае таким, что должно быть учтено при разрешении вопроса о его дальнейшей судьбе. Мы знаем по делу, что Арнольд уехал в Ташкент, уехал в Москву, что он порвал с Черепухиным. Мы знаем, что этот отход подтверждается.

Таким образом, попытки порвать с троцкистской организацией после неудачного выполнения террористических актов, когда он боялся мести со стороны Черепухина, — эти попытки по делу надо считать установленными!

Как бы ни был, товарищи судьи, непригляден облик обвиняемого Арнольда, мне думается, что этот самый Арнольд, который начал свою жизнь с бродяжничества, конечно, — в большой мере — жертва трагического обмана, о котором говорил здесь обвиняемый Богуславский. Если люди, занимавшие там в течение долгих лет видное положение, люди, которые в течение долгих лет боролись в верхушках этой организации, боролись с партией и правительством, если эти люди здесь на суде заявляют о том, что они стали жертвой трагического обмана со стороны Троцкого, — то те люди, которые никогда раньше не имели связи с троцкистской организацией и которые были в организацию вовлечены, с бо́льшим правом могут утверждать, что

они были жертвой более тяжелого и мерзкого обмана. Мне кажется, что Арнольд — одна из таких жертв такого трагического обмана троцкистских генералов.

Уликовая ситуация дела совершенно ясна. Но мне кажется, среди всех членов троцкистской организации как сидящих на скамье подсудимых, так и не сидящих, обвиняемый Арнольд—один из персонажей самых незначительных и он относится к разряду тех, кто может быть только исполнителем в этой организации и ни в какой иной роли.

Срок его участия в этой организации опять-таки отодвигает его фигуру на последний план. И, наконец, последнее соображение таково, что обвиняемый Арнольд действительно хотел уйти от той организации, в которую он попал по принуждению.

Долгие скитания Арнольда по разным странам, в сущности говоря, трудно вместить в рамки обычных показаний и в рамки обычных анкет. И надо признать, что надлежащего политического воспитания он не получил. И последний политический урок он получил на этом процессе.

Позвольте мне, товарищи судьи, думать, что, когда вы в совещательной комнате будете решать вопрос о судьбе Арнольда, о том, жить дальше Арнольду или не жить, то вы все эти моменты учтете и этот политический урок этого процесса в жизни Арнольда будет не последним.

Вот, товарищи судьи, к чему сводится моя просьба.

После речи защитника т. Казначеева председательствующий т. **Ульрих** объявляет перерыв до 11 часов 29 января.

Утреннее заседание 29 января

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА тов. Н. В. КОММОДОВА

Председательствующий: Слово имеет защитник подсудимого Пушина — член коллегии защитников тов. Коммодов.

Коммодов: Борьба с советской властью, товарищи судьи, как вы знаете, началась тотчас же после прихода этой власти. Борьба была тяжелой, упорной. Враг был разгромлен.

Эти победы сузили круг врагов, расширили круг друзей. Наиболее дальновидные, наиболее честные поняли, что если советскую власть нельзя опрокинуть силой оружия, если народное хозяйство не подломилось под тяжестью трудностей, следовательно, эта власть корнями своими ушла в гущу народной жизни. Но остатки разбитого классового врага не сложили оружия.

Начались фракционные выступления троцкистской оппозиции, о которых здесь говорил государственный обвинитель. С самого начала эти выступления троцкистской оппозиции стали точкой приложения всех контрреволюционных сил. Контрреволюционеры всех оттенков оценивали троцкизм не только как надежду на падение советской власти, но и надежду на реставрацию капитализма.

Глубоко был прав тов. Вышинский, когда характеризовал эту борьбу, как борьбу двух систем. Это — борьба двух миросозерцаний, и таковой она остается до последнего дня. Поскольку наиболее активным защитником прежней системы производственных отношений в их худшем выражении является сейчас фашизм, отсюда понятно, почему фашизм подал руку троцкизму, а троцкизм — фашизму, и они заключили союз для совместной эксплоатации, насилия и рабства.

Нужно понять нас. Нам не легко. Если мы, защитники, в этом процессе будем просить вас, товарищи судьи, отступить в отношении того или иного подсудимого от той высшей меры наказания, которую предлагал государственный обвинитель, то не по основаниям, лежащим в характере преступления или в личности подсудимого, а по основаниям, которые вытекают из самого факта силы, могущества и мощи Советского Союза. И это основной наш довод в защите. К этому основному доводу защита в отношении защищаемого мною Пушина приходит, основываясь также и на его малом весе в его же собственной организации. Я не могу мириться с тем, чтобы поставить всех подсудимых по их удельному весу на одну доску.

Товарищ прокурор при допросе здесь на суде Пушина спросил его: «А знали ли вы о существовании параллельного центра?»

Пушин ответил: «Я не знал». И этому можно поверить, потому что ведь ни с кем из них, из главарей, он не был связан непосредственно. Он не был и в курсе всех тех директив, которые проводились центром.

Не забудьте, товарищи судьи, что в море ужасных злодеяний у Пушина есть еще один просвет. Он не был никаким, не только прямым, но и косвенным, путем связан с той директивой, упоминание о которой леденит нашу кровь. Я имею в виду террористические акты.

Мы, защитники, в этом процессе по крупицам, в буквальном смысле слова, можем собирать положительное насчет того или другого подсудимого.

Эти крупицы в деле Пушина я вижу в том, что его удельный вес в троцкистской организации был незначителен. Но я должен сказать больше. Все то, что составляет содержание и предмет его вины, было им самим дано в показании 22 октября, в день его ареста, причем со всеми деталями. Через несколько часов после ареста он написал собственноручное письмо, и он рассказал все, причем с такими деталями, которые не оставляют никакого сомнения в правдивости, искренности и откровенности этих показаний.

Позвольте мне напомнить вам один случай. Мы знаем, что в великом строительстве много людей перековывалось. Вот здесь был рассказан трагический случай с инженером Бояршиновым. Я помню его очень хорошо. Он стоит передо мной, как живой, на Шахтинском процессе. Он был тогда вредителем. Но вы видели, с какой искренностью, с какой честностью этот бывший вредитель стал прекрасным советским работником. За время процесса я прочитал отзывы о нем его товарищей по работе. Они с понятным ужасом писали о том чудовищном злодеянии, которое было совершено в Сибири, когда этот бывший вредитель, ставший честным работником, был раздавлен грузовым автомобилем.

Кто знает, может быть, то собственноручное письмо, которое в первые же часы после ареста писал Пушин, те показания, которые он давал, показания подробные и чистосердечные, и явились отголоском того внутреннего перелома, который намечался раньше.

Я позволю указать, что фактически Пушин отошел от работы троцкистов еще осенью 1935 года. Товарищ Вышинский спросил — может быть потому, что вы не получали задания? Ну пусть хотя бы поэтому, но ведь он имел возможность проявить собственную инициативу. Когда он в июле месяце 1936 года приехал в Каменский комбинат и встретился там с людьми, которых он же завербовал в троцкистскую организацию, он только издали, мимоходом с ними поздоровался, ему не хотелось говорить о вредительстве. Эта версия не была привнесена здесь на суде, она достаточно повторена в его показаниях от 17 января 1937 года. Эта мелочь важна в смысле характеристики искренности, в смысле правдивой оценки данных показаний. В последний год ни по линии вредительства, ни по линии передачи сведений вы не найдете нигде ни одного момента, который бы можно было криминализировать Пушину. Это — тоже положительный момент. Я думаю, вот эта совокуп-

ность небольших положительных черт дает мне право просить, а вам право, может быть, удовлетворить мою просьбу, отступить от той высшей меры наказания, которую в отношении Пушина предлагал государственный обвинитель.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

Граждане судьи! Я отказался от защитительной речи, потому что государственное обвинение было правильно в смысле установления фактов, оно было правильно и в смысле квалификации моего преступления. Но я не могу согласиться, я не могу помириться с одним утверждением государственного обвинителя: это то, что я и сейчас остаюсь троцкистом. Да, я был троцкистом в течение многих лет. Рука об руку я шел вместе с троцкистами, но ведь единственным мотивом, единственным, который побудил меня дать те показания, которые я давал, — это было желание, хотя бы сейчас, хотя бы слишком поздно, избавиться от своего отвратительного троцкистского прошлого.

И поэтому я понимаю, что свое признание, рассказ о той деятельности — гнусной, контрреволюционной, преступной деятельности, которую проводил я и проводили мои соучастники, что он в смысле времени произошел слишком поздно для того, чтобы сделать для меня лично какие-либо практические из этого выводы. Но не лишайте меня права на сознание того, только на сознание того, что хотя бы и слишком поздно, но я все-таки эту грязь, эту мерзость из себя выбросил.

Ведь самое тяжелое, граждане судьи, для меня это не тот приговор справедливый, который вы вынесете. Это сознание прежде всего для самого себя, сознание на следствии, сознание вам и сознание всей стране, что я очутился в итоге всей предшествующей преступной подпольной борьбы в самой гуще, в самом центре контрреволюции, — контрреволюции самой отвратительной, гнусной, фашистского типа, контрреволюции троцкистской.

Было бы неправильно думать, что, когда начиналась моя троцкистская деятельность, я знал, к чему все это приведет. Было бы неправильно думать — это не уменьшает ни в малейшей степени моих объективных преступных деяний — но было бы неправильно думать, что я субъективно ставил себе контрреволюционные задачи и сознавал, в какое болото мерзости, преступлений мы в конце концов придем.

Да, я сделал один раз попытку отойти от троцкизма. Это был 1928—30 гг., и эта попытка не была доведена до конца. Я не выбросил из себя всех остатков своего прошлого, осталась ядовитая заноза остатков троцкистской идеологии. Осталась заноза, которая сначала не имела больших практических для меня последствий, но дальше вокруг этого разрастался тот злокачественный нарыв, который привел меня на путь преступлений, предательства, измены. Этот нарыв вскрыт.

Не думайте, граждане судьи, — хотя я и преступник, но я человек, — что за эти годы, годы удушливого троцкистского подполья, я не видел того, что происходит в стране. Не думайте, что я не понимал

того, что делается в промышленности. Я скажу прямо. Подчас, выходя из троцкистского подполья и занимаясь другой своей практической работой, иногда чувствовал как бы облегчение и, конечно, человечески была эта двойственность не только в смысле внешнего поведения, но и двойственность внутри.

Я ведь понимал не только то, что делается. Я же видел, несмотря на то, что это ни в малейшей степени не уменьшает ни гнусности преступлений, ни их объективной значимости, но я же видел, что мы — группка троцкистов, как правильно сказал государственный обвинитель, передовой отряд фашистской контрреволюции, что мы нашими вредительскими деяниями не можем хотя бы на йоту действительно изменить объективный ход развития промышленности, хозяйства. Но так было. И когда уже к концу 1935 года, к 1936 году мы вплотную подошли, вернее, неправильно, — не вплотную подошли, а оказались в самой гуще государственной измены, предательства и самой неприкрытой фашистской контрреволюции, когда ясно было и для нас, что мы превращаемся в агентуру фашизма, тогда не только у меня было стремление уйти от этого. Я не нашел в себе ни достаточного мужества, ни достаточной твердости для того, чтобы стать на тот единственный путь, который открывался, это — путь добровольного рассказа о своей деятельности, выдача организации и выдача всего того, что я сделал в прошлом, т. е. сделать раньше, чем это я сделал.

Произошел арест. Арест совершил свою роль положительную в смысле дачи мной исчерпывающих, полных показаний о деятельности троцкизма. Но он сыграл свою роль только в том отношении, что если я раньше пытался неправильным путем как-то выкарабкаться из этой ямы, то арест поставил передо мной дилемму: или дальше до конца оставаться врагом, несознавшимся, нераскрывшимся, оставшимся троцкистом до последнего дня, или стать на тот путь, на который я встал.

Я понимаю, что это не может служить мотивом для снисхождения. Я только поясняю суду, что меня в конце концов побудило дать те исчерпывающие показания, которые, я надеюсь, хоть немного помогли разобраться в этом грязном клубке.

Я не стану говорить, граждане судьи, — было бы смешно здесь об этом говорить, — что, разумеется, никакие методы репрессий или воздействия в отношении меня не принимались. Да эти методы, для меня лично по крайней мере, не могли явиться побудительными мотивами для дачи показаний.

Не страх являлся побудительным мотивом для рассказа о своих преступлениях. Что может быть хуже самого сознания и признания во всех тех преступлениях — тягчайших и вреднейших, которые пришлось делать?

Всякое наказание, которое вы вынесете, будет легче, чем самый факт признания. Вот почему я не мог помириться с утверждением государственного обвинения, что и сейчас, на скамье подсудимых, я, как был, так и остался троцкистом.

И вот тогда, когда не только я предстал перед советским судом, когда я несу полную уголовную ответственность по советским законам перед советским судом за свои преступления, когда мы отвечаем в пол-

ной мере за все свои деяния, — тот, во имя которого мы это делали, по прямым указаниям и наущениям которого мы все это совершали, зная его очень хорошо, я думаю, — не найдет ничего другого, как отказаться от того, что мы делали вместе с ним и под его руководством, клеветать на нас, лгать, обвинять в трусости и в чем угодно другом.

Троцкий ничего другого не сделает. Я знаю его слишком хорошо, чтобы сомневаться в этом. Вместо того, чтобы здесь на суде с глазу на глаз опровергнуть или бросить мне эти обвинения, которые он, несомненно, будет бросать, вместо очной ставки с нами, конечно, легче, проще, безопаснее продолжать свою вредительскую работу.

Меня лично, граждане судьи, это очень мало трогает. Я только глубоко сожалею, что вместе с нами на скамье подсудимых не сидит этот основной преступник, не раскаявшийся, преступник до конца, каким является Троцкий.

Я слишком остро сознаю свои преступления и я не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады.

Через несколько часов вы вынесете ваш приговор. И вот я стою перед вами в грязи, раздавленный своими собственными преступлениями, лишенный всего по своей собственной вине, потерявший свою партию, не имеющий друзей, потерявший семью, потерявший самого себя...

Не лишайте меня одного, граждане судьи. Не лишайте меня права на сознание, что и в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашел в себе силы порвать со своим преступным прошлым.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО РАДЕКА

Граждане судьи! После того, как я признал виновность в измене родине, всякая возможность защитительных речей исключена. Нет таких аргументов, которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Человек, который 35 лет провел в рабочем движении, не может смягчать какими бы то ни было обстоятельствами свою вину, когда признает измену родине. Я даже не могу сослаться на то, что меня свел с пути истинного Троцкий. Я уже был взрослым человеком, когда встретился с Троцким, со сложившимися взглядами. И если вообще роль Троцкого в развитии этих контрреволюционных организаций громадна, то в тот момент, когда я вступал на этот путь борьбы против партии, авторитет Троцкого был для меня минимальным.

Я пошел с троцкистской организацией не во имя теорийки Троцкого, гнилость которой я понял во время первой ссылки, и не во имя признания его авторитета вождя, а потому, что другой группы, на которую я бы мог опереться в тех политических целях, которые я себе ставил, не было. С этой группой я был связан в прошлом и поэтому я с нею пошел.

Пошел не потому, что я был на этот путь борьбы втянут, а на основе собственной оценки положения, на основе добровольно выбранного

пути. И за это я несу полную, исключительную ответственность — ответственность, которую вы будете мерять по букве закона и по тому, что вам говорит ваша совесть судей Советской Социалистической Республики.

На этом я бы мог кончить свое последнее слово, если бы не считал необходимым возразить против освещения процесса, освещения частичного, не в основном пункте, данного здесь, которое мне приходится отклонить, не с точки зрения лично моей, а с точки зрения политической. Я признал свою вину и дал полные показания о ней, не исходя из простой потребности раскаяться, — раскаяние может быть внутренним сознанием, которым можно не делиться, никому не показывать, — не из любви вообще к правде, — правда эта очень горька, и я уже сказал, что предпочел бы три раза быть расстрелянным, чем ее признать, — а я должен признать вину, исходя из оценки той общей пользы, которую эта правда должна принести. И если я слышал, что на скамье подсудимых сидят просто бандиты и шпионы, то я против этого возражаю, возражаю не с точки зрения защиты себя, потому что, если я признал измену родине, то изменял ли я ей в сговорах с генералами, с моей точки зрения, человеческой, это мало значит, и нет у меня профессионального высокомерия, — что допускается предавать с генералами, а не допускается с агентами.

А дело состоит в следующем — процесс этот показал два крупных факта: сплетение контрреволюционных организаций со всеми контрреволюционными силами страны. Это один факт. Но этот факт есть громадное объективное доказательство. Вредительство может быть установлено техническими экспертами, террористическая работа состояла в связи стольких людей, что показания этих людей, кроме вещественного доказательства, дают абсолютную картину. Но процесс — двуцентрический, он имеет другое громадное значение. Он показал кузницу войны и он показал, что троцкистская организация стала агентурой тех сил, которые подготовляют новую мировую войну.

Для этого факта какие есть доказательства? Для этого факта есть показания двух людей — мои показания, который получал директивы и письма от Троцкого (которые, к сожалению, сжег), и показания Пятакова, который говорил с Троцким. Все прочие показания других обвиняемых, они покоятся на наших показаниях. Если вы имеете дело с чистыми уголовниками, шпиками, то на чем можете вы базировать вашу уверенность, что то, что мы сказали, есть правда, незыблемая правда?

Понятно, государственный обвинитель, суд, которые знают всю историю троцкизма, которые знают нас, не имеют никакой причины подозревать, что мы, неся на спине бремя террора, еще для удовольствия присвоили себе государственную измену. Убеждать в этом вас нет никакой надобности. Надо убедить, во-первых, распыленные, бродящие троцкистские элементы в стране, которые не сложили еще оружия, которые опасны и должны понять, что мы здесь говорим, потрясенные до глубины, и говорим правду и только правду. И надо еще показать всему миру то, что Ленин — я с дрожью повторяю его имя с этой скамьи — в письме, в директивах для делегации, направляющейся в Гаагу,

писал о тайне войны. Кусок этой тайны нашелся в руках сербского молодого националиста Гаврилы Принципа, который мог умереть в крепости, не раскрыв ее. Он был сербский националист и чувствовал свою правоту, борясь за эту тайну, которая охраняла сербское национальное движение. Я не могу скрыть эту тайну и взять ее с собой в гроб по той причине, что если я ввиду того, в чем признался, не имею права выступать, как раскаявшийся коммунист, то, все-таки, 35 лет моего участия в рабочем движении, при всех ошибках и преступлениях, которыми оно кончилось, дает мне право требовать от вас доверия в одном— что все-таки эти народные массы, с которыми я шел, для меня что-то представляют. И если бы я эту правду спрятал и с ней сошел со сцены, как это сделал Каменев, как это сделал Зиновьев, как это сделал Мрачковский, то я, когда передумывал эти все вещи, в предсмертный час слышал бы еще проклятие тех людей, которые будут убиты в будущей войне и которым я мог моими показаниями дать средства борьбы против готовящейся войны.

Поэтому оспариваю утверждение, что на скамье подсудимых сидят уголовники, которые потеряли все человеческое. Я борюсь не за свою честь, я ее потерял, я борюсь за признание правдой тех показаний, которые я дал, правдой в глазах не этого зала, не общественного обвинителя и суда, которые нас знают, как облупленных, а значительно более широкого круга людей, который меня знал 30 лет и который не может понять, как я мог скатиться. Мне нужно, чтобы они видели убедительно от начала до конца, почему я дал это показание, и поэтому, несмотря на то, что отчасти я уже говорил об этой вещи, я принужден дать картину событий и переживаний за последнее время, в первую очередь с момента получения последней инструкции Троцкого.

Я должен объяснить, почему решение, принятое в январе, раскрыть все не было выполнено, и должен объяснить, почему не мог я этого сделать на моем допросе, почему, пришедши в Наркомвнудел, хотя бы тогда немедленно не провел в жизнь это решение. Сомнения государственного обвинителя абсолютно законны. Внешние факты говорят против этого решения. И, кроме того, государственный обвинитель, который имеет за собой тот факт, что Каменев предпочитал погибать именно как бандит без политической программы, спрашивает себя, почему принять, что здесь есть искренность до конца, до конца сказана правда?

Я без всякого якания, — моя личность играет здесь минимальную роль, — должен, во-первых, назвать личные моменты, которые мне облегчили, что я раньше других и решительнее внутренне воспринял эту декабрьскую директиву Троцкого, как финал, как конец, как необходимость рвать. Это были личные причины. Часть моих сообвиняемых вернулись на путь борьбы, как убежденные троцкисты, стоящие на точке зрения перманентного отрицания возможности построения социализма в одной стране. Я вернулся, разуверившись в этой концепции Троцкого, вернулся, смалодушничал перед трудностями социализма в 1931—33 гг. Это показывает только, что признать строительство социализма теоретически легче, чем иметь ту силу и стойкость, которая

воспитывалась только у тех людей, которые шли с партией без борьбы, с глубочайшим внутренним сознанием. Сама теория при недоверии руководящему кадру или недостаточном доверии, при недостаточной связанности с кадрами — она была мертвой буквой, она была теоретической точкой зрения, а не практической. На этом я споткнулся и пошел обратно в это подполье. И на этом пути я сразу стал предметом обмана. Я об этом говорю не для того, чтобы уменьшить свою вину, а потому, что этот обман я увеличил, удесятерил по отношению к нашим рядовикам, и для того, чтобы вы поняли те личные элементы, которые мне облегчили понять необходимость поворота.

Когда я входил в организацию, Троцкий в своем письме не заикнулся о захвате власти. Он чувствовал, что эта идея мне будет казаться чересчур авантюристской. Он подхватил только мое глубокое беспокойство и то, что я могу в этом состоянии решиться присоединиться. А позже все уладится. И когда в разговоре с Пятаковым, в декабре 1932 года, он мне сказал: «Что ты, что ты, дело идет о государственном заговоре», то это была в самом начале первая трещина.

В сентябре 1933 года Ромм привез мне письмо Троцкого, в котором, как бы само собой понятно, говорилось о вредительстве. Снова — и Ромм в показаниях своих говорит, что я был неслыханно ошарашен. Почему? Потому что, когда я вел переговоры, мне ни звука не сказали о вредительстве и не сказали не случайно. Знали, что после периода борьбы с вредительством, после раскрытия всей его отвратительности, я могу на этом сорваться. И поэтому это было скрыто от меня. И когда снова Пятаков мне раскрыл эти вещи, то я понятно знал: двери захлопнулись. Смешно начинать по этому поводу распри. Но это была вторая трещина.

И наконец, когда после директивы Троцкого 1934 года я, пересылая ему ответ центра, добавил от себя, что согласен на зондирование почвы, — сами не связывайтесь, обстановка может измениться. Я предлагал: пусть переговоры ведет Путна, имеющий связи в руководящих военных японских и германских кругах. И Троцкий мне ответил: «Мы не свяжемся без вас, никаких решений не примем». Год молчал. Через год поставил нас перед фактом своего сговора. Вы поймите, что это не есть моя добродетель, что я против этого восставал. Но это — просто факт, чтобы вы поняли.

И какая картина передо мной? Первый этап. Киров был убит. Годы террористической подготовки, десятки бродячих террористических групп, ждущих на авось, чтобы ухлопать одного из руководителей партии, и результаты террора лично для меня были — утрата человеческой жизни без всяких политических последствий для нас. Для группового террора мы не могли заполучить в Москву нужных нам руководителей и организаций, это показывало состояние сил террористических организаций. А, с другой стороны, я же был достаточно близок к правительству и руководящим кругам партии, чтобы знать, что не только меры предосторожности органов безопасности, но народные массы настолько стали бдительны, что идея, что можно повалить наземь советскую власть террором, даже с помощью самых преданных, отчаянных террористических групп, что это — утопия, что можно

пожертвовать человеческими жизнями, но это не может свалить советскую власть.

Вторая сторона дела. Я видел, что Троцкий сам потерял веру. Первый вариант был прикрытый: «ну-ка, мальчики, попробуйте своими силами, без Гитлера, свалить советскую власть. Что, не можете? Попробуйте сами получить власть. Не можете?» Сам Троцкий уже чувствовал свое полное внутреннее бессилие и ставил ставку на Гитлера. Теперь — ставка на Гитлера. Старые троцкисты исходили из того, что невозможно построение социализма в одной стране, поэтому надо форсировать революцию на Западе. Теперь им преподносят: на Западе никакая революция невозможна, поэтому разрушайте революцию в одной стране, разрушайте социализм в СССР. А то, что социализм в нашей стране построен, этого никто не может не видеть.

Второе — поражение.

Я мало-мальски военно-грамотный человек и могу оценить международную обстановку. И для меня было ясно: 1934 год — период, в котором я, при моей склонности к пессимизму, считал неизбежным поражение, гибель; уже в 1935 году есть все шансы на победу этой страны, и кто раньше маскировал перед собой, что он пораженец по необходимости, чтобы спасти то, что можно спасти, — тот должен себе сказать: я — предатель, который помогает покорить страну — сильную, растущую, идущую вперед. Для каких целей? Для того, чтобы Гитлер восстановил капитализм в России.

Все то, что говорил общественный обвинитель о реставраторском характере не только директивы Троцкого, но всей работы троцкистов, — это правда, которую не поколеблешь. Сами директивы были директивами на полное восстановление капитализма, и эти директивы не упали с неба: они подытожили то, что если люди стреляют в штаб революции, если люди подрывают народное хозяйство, то они подрывают социализм, а раз так, то они работают на капитализм.

И эта правда — основная правда, имеющая решающее значение для оценки троцкистов, как общественного течения, и это не закрывает обвинителю глаз на это. Наоборот, это указывает, что мы с этой платформой не могли дойти со своими собственными сотрудниками даже до какого-то кадра в 100 человек. Если государственный обвинитель признает это, — а он это полностью признает, — и считает, что мы не созвали даже совещания, которое решили созвать для выяснения, что даже близкие наши кадры не признают такой постановки, — это показывает, что троцкисты, эта группа людей преступных, покрытых кровью одного из вождей революции, натворивших неслыханно много преступных дел, в своей ставке на реставрацию все-таки просчитались.

Когда люди в борьбе идут с шорами, перед собой ничего не видят, они могут делать и делают вещи, имеющие страшные последствия и значение.

Но когда, вы, судьи, всякого из них особо будете оценивать, — а вы не можете иначе поступать, — вы не можете этого не учесть.

Товарищи судьи...

Председательствующий: Подсудимый Радек, не «товарищи судьи», а граждане судьи.

Радек: Извиняюсь, граждане судьи. Я должен рассказать теперь о закулисной стороне этого совещания, которое мы хотели созвать. Серебряков был полностью прав, когда сказал, что не было решения. Именно совещание было созвано для того, чтобы решить. Почему оно не состоялось? Почему это совещание не состоялось, что скрывалось за кулисами этого совещания, почему я даже человеку, так мне близкому, как Бухарин, который знал о ведущемся контакте с представителями западно-европейских и восточных держав, не сказал о декабрьской инструкции и не сказал о свидании Пятакова с Троцким?

Я буду об этом говорить, потому что это может иметь в дальнейшем практическое значение и даст ответ на вопрос, не осталось ли еще что-нибудь скрытого. Я думаю, что да: что осталось скрыто и от нас и от властей, а может быть открыто. Ясно уже было для меня, самоликвидация террористической организации — это нонсенс. В этой троцкистской организации есть люди разные, разных оттенков и, как оказалось, люди, связанные непосредственно с разведками. Я этого тогда не знал. Я не мог не допускать, что вокруг нас кто-то крутится. И в тот момент, в который мы выпустили бы из рук этих четырех людей, эту тайну,— в этот момент мы уже не в состоянии были никоим образом овладеть положением.

Я несколько возвращусь к фамилии Дрейцера. Государственный обвинитель говорил, что мы вернемся к этой фамилии, и я вернусь к ней в одном контексте, который здесь не разбирался.

Когда Дрейцер в продолжении 7—8 месяцев не появлялся в Москве, я мог думать, что это конспирация. Но когда Дрейцер не явился в январе и, получив от меня призыв приехать на совещание, приехал в Москву и не явился ко мне, — он был в Москве в 1935 году и не явился, — то для меня стало ясно, что Троцкий на основе той переписки, которую имел с нами, видя отпор Пятакова и сомнения наши насчет пораженческой линии, — что он создает наравне с параллельным центром какую-то новую чертовщину. Я это вижу в том, что Дрейцер в 1935 году прошел мимо нас.

Когда я прочел материал процесса об объединенном центре, то там не было ни одного факта, который мне был бы неизвестен, который прошел бы мимо других. Это означает, что тут действовала какая-то третья организация.

И, наконец, когда Пятаков вернулся из-за границы, он бросил мельком о разговоре с Троцким, что Троцкий ему сообщил, что создаются кадры людей, не развращенных сталинским руководством. Но когда я прочитал об Ольберге и спросил других, знает ли кто о существовании Ольберга, то об этом никто не знал, и для меня стало ясным, что Троцкий создает здесь, помимо кадров, прошедших его школу, организацию агентуры, прошедшей школу германского фашизма. И я непосредственно нашел ответ этому тогда, когда встал вопрос о совещании. Для меня было ясным, что ежели Дрейцер узнает о том, что мы поставим вопрос о директивах Троцкого в такой плоскости, что это может привести снова к расколу, как в 1929 году, то раньше, чем мы

поставим этот вопрос, нас уже не будет. Не потому, что Дрейцер плохо к нам относился, но потому, что он был вернейшим человеком Троцкого и он имел непосредственно более тесную связь с ним, помимо нас. Поэтому я не мог никак говорить людям о совещании. Когда мы им сказали, начались аресты, собрать их не было возможным.

Знал ли я до ареста, что это кончится именно арестом? Как я мог не знать об этом, если был арестован заведующий организационной частью моего бюро Тивель, если был арестован Фридлянд, с которым за последние годы я очень часто встречался. Не буду называть других фамилий, я могу назвать еще десяток фамилий людей, которые часто встречались со мной. Я тогда не мог ни на одну минуту иметь сомнения в том, что это дело окончится в Наркомвнуделе. И тогда я должен ответить на вопрос — почему я, вместо каких-то совещаний, не обратился к партии, не обратился к власти, а если я этого не сделал до ареста, то почему не сделал в момент ареста?

Ответ на этот вопрос очень простой. Ответ состоит в следующем. Я был одним из руководителей организации. Я знал, что советское правосудие не есть мясорубка, что есть люди разной степени вины среди нас, что мы — руководители — должны головой ответить за то, что делали. Но что есть значительная прослойка людей, которую мы свели на этот путь борьбы, которая не знала основных, я бы сказал, установок организации, которые в ослеплении брели вперед.

Когда я ставил вопрос о совещании, то я хотел размежевания, чтобы отделились те, которые хотели идти до конца, — тех можно выдать в руки даже связанных, — а тем, другим дать возможность уйти и дать возможность самим заявить о своей вине правительству.

Когда я очутился в Наркомвнуделе, то руководитель следствия сразу понял, почему я не говорил. Он мне сказал: «Вы же не маленький ребенок. Вот вам 15 показаний против вас, вы не можете выкрутиться и, как разумный человек, не можете ставить себе эту цель; если вы не хотите показывать, то только потому, что хотите выиграть время и присмотреться. Пожалуйста присматривайтесь». В течение 2 с половиной месяцев я мучил следователя. Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу. В течение 2 с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл.

Продолжалось это 2 с половиной месяца. И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: «Вы уже — последний. Зачем же вы теряете время и медлите, не говорите то, что можете показать?» И я сказал: «Да, я завтра начну давать вам показания». И показания, которые я дал, с первого до последнего не содержат никаких корректив. Я развертывал всю картину так, как я ее знал, и следствие могло корректировать ту или другую мою персональную ошибку в части связи одного человека с другим, но утверждаю, что ничего из того, что

я следствию сказал, не было опровергнуто и ничего не было добавлено.

Я признаю за собою еще одну вину: я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу, была та же самая. Но мы с ним — близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в Наркомвнудел. Я так же, как и в отношении остальных наших кадров, хотел, чтобы он мог сложить оружие. Это объясняет, почему только к концу, когда я увидел, что суд на носу, понял, что не могу явиться на суд, скрыв существование другой террористической организации.

И вот, граждане судьи, я кончаю это последнее слово следующим. Мы будем отвечать по всей строгости советского закона, считая, что ваш приговор, какой он будет, справедлив, но мы хотим встретить его, как сознательные люди. Мы знаем, что мы не имеем права говорить массе, — не учителя мы ей. Но тем элементам, которые с нами были связаны, мы хотим сказать три вещи.

Первая вещь: троцкистская организация стала центром всех контрреволюционных сил; правая организация, которая с ней связалась и была на пути слияния, является тем же самым центром всех контрреволюционных сил в стране. С этими террористическими организациями государственная власть справится. В этом мы не имеем, на основе собственного опыта, никакого сомнения.

Но есть в стране полутроцкисты, четвертьтроцкисты, одна восьмая-троцкисты, люди, которые нам помогали, не зная о террористической организации, но симпатизируя нам, люди, которые из-за либерализма, из-за фронды партии, давали нам эту помощь. Этим людям мы говорим, — когда раковина оказывается в стальном молоте — это еще не так опасно; но когда раковина попала в винт пропеллера, может быть авария. Мы находимся в периоде величайшего напряжения, в предвоенном периоде. Всем этим элементам перед лицом суда и перед фактом расплаты мы говорим: кто имеет малейшую трещину по отношению к партии, пусть знает, что завтра он может быть диверсантом, он может быть предателем, если эта трещина не будет старательно заделана откровенностью до конца перед партией.

Второе: мы должны сказать троцкистским элементам во Франции, Испании, в других странах, а такие есть, — опыт русской революции сказал, что троцкизм есть вредитель рабочего движения. Мы их должны предостеречь, что они будут расплачиваться своими головами, если не будут учиться на нашем опыте.

И, наконец, всему миру, всем, которые борются за мир, мы должны сказать: троцкизм есть орудие поджигателей войны. Сказать это твердым голосом, ибо мы это узнали, мы это выстрадали, нам было неслыханно тяжело в этом признаваться, но это исторический факт, и мы за правду этого факта уплатим головой.

Вот все, что мы, что я лично хотел бы сказать, чтобы та ответственность, которую я буду нести, не была только физической ответственностью, а принесла бы хотя бы маленькую пользу.

Мы, и я в том числе, не можем требовать никакого снисхождения, не имеем никакого на это права, и я не говорю, — тут никакой гордости нет, какая тут может быть гордость... я скажу, что не нужно нам этого снисхождения. Жизнь в ближайшие годы, пять — десять лет, когда будет решаться судьба мира, имеет смысл в одном случае, когда люди могут принимать участие хотя бы в самой черной работе жизни. То, что было, — исключает это. И тогда снисхождение было бы только ненужным мучением. Мы довольно спетая компания между собой, и когда Николай Иванович Муралов, ближайший человек Троцкого, о котором я был убежден, что он помрет в тюрьме и не скажет ни одного слова, — когда он дал свои показания и мотивировал их тем, что не хотел помереть в сознании, что его имя может быть знаменем для всякой контрреволюционной сволочи, — то это есть самый глубокий результат этого процесса.

Мы до конца осознали, орудием каких исторических сил были. Очень плохо, что при нашей грамотности мы это так поздно сознали, но пусть это наше сознание кому-нибудь послужит.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО СОКОЛЬНИКОВА

Я хочу воспользоваться своим последним словом не для того, чтобы отвергать или опровергать какие-нибудь данные следствия или выводы обвинительного заключения и государственного обвинителя. Я признал свою вину и свои преступления на предварительном следствии, полностью признаю их здесь и не имею к ним ничего добавить. Я хотел бы только просить суд верить мне в том смысле, что ничего мною не скрыто, что сказано мною не полправды, а сказана вся правда. Я это говорю потому, что во вчерашней речи государственного обвинителя было указание на то, что такие факты бывали и поэтому я считаю себя обязанным это подчеркнуть и подчеркнуть как раз в той связи, о которой говорил государственный обвинитель.

Он упоминал, что на процессе объединенного центра обвиняемыми была скрыта политическая платформа троцкистско-зиновьевского блока. Мне в своих показаниях пришлось пополнить этот пробел. Я не считал возможным сохранять в этой части какую-нибудь недоговоренность, и все то, что было мне известно о политической платформе блока, было мною на следствии сообщено.

Каково было мое собственное отношение к этой платформе и каким образом я оказался борцом за нее, хотя в своем прошлом, в течение долгих лет, многих лет, выступал как верный член партии? Чтобы объяснить это, я должен сказать, что в моих выступлениях в 1925 и 1926 гг., несомненно, уже содержались все основные элементы программы капиталистической реставрации. Тогда мои выступления

встретили уничтожающую критику на XIV Съезде партии, встретили отпор всей партии. Это меня на известное время образумило. Но я должен признать, что я не отделался полностью от тех взглядов, которые я высказывал тогда, и в 1932 году я стал рецидивистом.

Я вернулся полностью к этим старым установкам и начал вновь борьбу за эти установки. Какие моменты определяли это обстоятельство? Определялось это тем, что к этому времени, к 1932 году, все основные оппозиционные антипартийные группки сошлись на общих позициях. Восстановился тесный союз зиновьевцев и троцкистов на основе программы правых, и с правыми был установлен к 1932—33 году теснейший контакт, хотя в тот момент они не вошли формально в блок, а вошли позднее. И вот это обстоятельство, должен сказать, для меня играло большую роль. И в 1932, и в 1933, и позднее—в 1935 году, то обстоятельство, что правые и центр правых, которые в наиболее развернутом виде, наиболее последовательно защищали, может быть не наиболее последовательно, но последовательно защищали установки капиталистической реставрации, ставку на кулачество, борьбу против индустриализации, борьбу с коллективизацией, то, что правые включились в борьбу,— это обстоятельство имело большое значение и для меня.

И позднее, в 1935 году — я показал это на предварительном следствии, и здесь на этот счет нужно упомянуть — в 1935 году, когда параллельный центр начал возобновлять свою работу, огромное значение имело то, что в этот момент правые в лице Томского, который был на это уполномочен всей центральной группой правых, дал свое согласие на вхождение в блок. Это чрезвычайно значительно укрепляло позиции блока, это открывало действительные возможности борьбы, и это подталкивало параллельный центр. Это, в частности, имело значение и для меня.

Каким же образом все-таки от этой программы, которая, при всей своей антипартийности, при всей своей полной противоположности социалистической программе, каким образом от этой политической программы мы пришли вот к той практике, которая привела параллельный центр, поставила параллельный центр в положение вождя авантюристской группки, как вчера эту группку еще беспощаднее характеризовал государственный обвинитель? Есть ли тут противоречие между характером программы, между фактом этой политической программы, которая была как-никак программой политической организации, и формами той деятельности, преступными, гнуснейшими, до которых дошел параллельный центр? Я считаю, что я должен это объяснить хотя бы в двух словах. Первое объяснение здесь заключается в том, что самый характер этой программы, самый характер программы восстановления капитализма, предлагаемый в социалистической стране, не мог не означать собой ничего другого, кроме голой авантюристической практики.

И второй момент. Связав себя этими установками, поставив себе эти цели капиталистической реставрации, блок оказался во власти того, что называется логикой борьбы. Эта фраза широко употребляется, но в таком виде она, конечно, обща. Вот как у нас это было, вот что

представляла собой наша логика борьбы, которая связала с железной необходимостью членов параллельного центра, стащила их со ступеньки на ступеньку.

Я думаю, что не должен тут говорить об отдельных фактах, которые были уже оглашены на предварительном следствии, на судебном следствии и хорошо известны вам, граждане судьи. Я думаю, что тут надо вкратце охарактеризовать для вас, для всей страны, для всех тех, кто, может быть, колеблется, мог бы стать преступником, мог бы начать антисоветскую борьбу.

Надо сказать, что, начав с антипартийных взглядов, мы оказались в необходимости бороться против социализма, мы оказались на позиции борьбы с нашей партией, противопоставили себя всем народным массам, которые шли вместе с партией.

Наша программа антипартийная, антисоциалистическая. Поэтому она немедленно развернулась и оказалась программой антинародной. То, что здесь говорил вчера государственный обвинитель, это же правильно. Эту программу мы не могли никому сказать, кроме своих ближайших членов центра. Мы ее даже не решались записать ни в одном документе, не решались ее распространять, потому что одно разоблачение такой программы уже означало бы банкротство нашего блока.

Наша программа была антинародной. Мы не могли опереться на массы. Значит, следующий шаг был тот, что мы должны были переходить — и попытка такая была — к заговорщическим методам борьбы. Кроме заговора, другого оружия у нас не оказалось в руках. Никакие возможности массовой борьбы не были для нас открыты. Но и для заговора-то у нас своих собственных средств не оказалось достаточно. Даже для заговора.

Если бы могли рассчитывать на то, что наши преступные планы, программы поддержат в стране хоть какие-то группки заговорщиков, которые могли бы представить из себя внутри страны какую-то угрозу для существования советской власти, для существования советского строя, — может быть, у нас развилась бы заговорщическая тактика, — такие примеры уже бывали. Но мы и для заговора-то не нашли достаточных сил, и мы должны были искать силы, союзников вне нашей организации и вне нашей страны. Мы должны были искать любых союзников, которые нам подворачивались, а подворачивались нам такие, которые были злейшими врагами тех, с которыми мы начали борьбу.

Так от заговора мы перешли к авантюрам, и от этих авантюр немедленно попали в фашистскую волчью яму, потому, что союзников нашли в фашистской организации, а они схватили нас, и мы стали их игрушкой.

Вот конкретно что значит, как можно представить себе, как мы сейчас представляем, как мы сейчас понимаем, — я думаю, что другие участники параллельного центра и организации, — мы все смотрим на это дело одинаково.

Мы воображали, что сможем использовать враждебные силы, а на самом деле мы оказались совершенно беспомощной, презренной и подлейшей игрушкой в их руках. Но я должен сказать, что когда летом 1932 года я давал свое согласие на то, чтобы войти членом в запасный

центр, я, конечно, не представлял себе всей той картины... Я не знаю, может быть, это представляет какой-нибудь интерес, какое-нибудь значение для суда в данный момент, но факт был именно таков. Конечно, всей этой картины я себе не представлял, как развернется все это, я себе не представлял; что будет делать запасный центр, я себе не представлял. Я себе не представлял и того, что силы наши окажутся так ничтожны и что это полнейшее ничтожество наших сил приведет к бесславию, позорному концу нашей политики, уничтожению и падению.

Конечно, я думаю, никто не предполагает, что в течение этих лет борьбы, ну, скажем, я не испытывал некоторых колебаний, не участвовал в этой борьбе с внутренним надломом, с внутренними трудностями. Это все было, это так было. Но я должен сказать, что, конечно, пока эта борьба шла, и я, а думаю, и другие члены центра, — были охвачены каким-то безумным азартом этой борьбы, и мы шли со ступеньки на ступеньку, рассчитывая, что будет, так сказать, какой-то успех...

Несмотря на эти колебания, несмотря на то, что в каждом из нас, из участников центра, из участников организации, конечно, оставалась, говорила о себе, давала о себе знать его вторая душа, в хорошем смысле слова я это говорю, т. е. та душа, которая воспитана была в нем его прежней революционной работой, до его падения, ослепления и омерзения.

Я хотел бы еще сказать, граждане судьи, что, будучи арестован, будучи поставлен в известность о тех данных, которыми следствие располагало о существовании параллельного центра, я понял, что это есть полнейшее поражение, т. е. что полнейшее поражение блока наступило. Но первым моментом, который толкнул меня на то, чтобы дать показания, признать свою вину, было именно то, что я понял, что это — момент конца деятельности блока, что попытки сохранения каких-то остатков этого блока и т. д. могут привести только к дальнейшему, еще худшему загниванию; что это полная бессмыслица и что нужно иметь мужество признать свое поражение и держать ответ за то, что я сделал, чтобы по возможности, конечно, исправить то зло, которое было сделано.

Но к этому я пришел в ходе следствия, тем более, что в ходе следствия я ознакомился с рядом материалов о работе организации, о которой я, в качестве члена центра, по конспиративным условиям вообще полной информации не имел, как и никто из остальных членов центра не имели полной информации, и я должен сказать, что и рядовые участники блока и даже некоторые видные периферийные участники, конечно, не знали всего. Но и мы, участники центра, тоже не все знали. Мы были по конспиративным условиям один от другого разобщены, разрознены. И, конечно, я не могу не сказать: то, что о деятельности нашего блока следствие показало мне, о том, во что превращаются наши директивы (я не отрицаю — мы отвечаем за эти директивы), — что из этого получилось, какая грязь, какая гнусность, какой политический разврат... Я не могу не ужаснуться от этой картины, картины наших преступлений. И естественно, что с тем большей искренностью, с тем большим желанием я сам шел на полное раскрытие всей

деятельности нашей организации для того, чтобы положить ей конец.

Граждане судьи, я не буду затягивать своего слова, мне остается сказать очень немногое. О роли Троцкого в работе организации я ничего добавить не могу к тем сообщениям и оценкам, которые были здесь сделаны участниками центра — Пятаковым и Радеком. Я думаю, что эти оценки были сделаны достаточно прямо, и я целиком их разделяю. Но добавить от себя что-либо я тут не могу, потому что непосредственно с Троцким я не сносился, связан с ним непосредственно не был и получал информацию из вторых рук.

Вчера государственный обвинитель, гражданин прокурор, закончил свою речь тем, что мы все, сидящие в этом зале в качестве обвиняемых, заслуживаем смертной казни. Я не могу спорить, не имею для этого никаких оснований, против заключения государственного обвинителя; такое заключение, конечно, максимально обосновано. Но я хотел бы сказать: мне думается, что уже данными обвинительного заключения, данными следствия и даже вчерашним выступлением государственного обвинителя мы уже политически убиты и погребены.

Я высказываю свое убеждение или, во всяком случае, надежду на то, что не найдется больше ни одной руки в Советской стране, которая бы попробовала взяться за древко троцкистского знамени. Я думаю, что и в других странах троцкизм разоблачен этим процессом, сам Троцкий разоблачен, как союзник капитализма, как подлейший агент фашизма, как поджигатель мировой войны, которого везде будут ненавидеть и преследовать миллионы.

Я думаю поэтому, что поскольку троцкизм, как контрреволюционная политическая сила, перестает существовать, окончательно разбит, я думаю, что и я, и другие обвиняемые, все обвиняемые могут все же просить вас, граждане судьи, о снисхождении. Я не вижу в этом ничего ни невозможного, ни зазорного для себя и для других участников процесса. Конечно, каждый из нас имеет в этом деле свою, индивидуальную долю ответственности. Я не сомневаюсь в справедливости, в полном беспристрастии Верховного суда Союза. Я думаю, что все то, что может быть найдено в качестве смягчающих вину обстоятельств, в качестве таких моментов, которые могут вызвать снисхождение, в деле других ли участников, в моем ли деле, — я не сомневаюсь в том, что суд взвесит все это. Поэтому я от себя каких-либо моментов, которые, как мне казалось, говорят о возможности снисхождения, приводить не буду. Повторяю, я жду справедливого решения Верховного суда.

Но если говорить не об индивидуальной ответственности, а говорить об общей ответственности обвиняемых, то, я повторяю, я думаю, что троцкистская организация, что троцкизм убит, стал ненавистным для масс, погребен, не сможет подняться. Я думаю, что это обстоятельство может быть судом рассматриваемо как момент для снисхождения, и, повторяю, я обращаюсь с этой просьбой о снисхождении к суду и через суд обращаюсь ко всему нашему народу, которому открыто приношу свою повинную.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО СЕРЕБРЯКОВА

Я воспользовался последним словом подсудимого не для защиты. Я хочу здесь сказать, что целиком и полностью признаю справедливость того, что вчера говорил гражданин прокурор о моих тягчайших преступлениях против родины, против Страны советов, против партии. Тяжело сознавать, что я, вошедший с ранних лет в революционное движение и прошедший два десятка лет честным и преданным членом партии, стал в итоге врагом народа и очутился вот здесь, на скамье подсудимых. Но я отдаю себе отчет, что это произошло потому, что в свое время, совершив политическую ошибку и проявив упорство в ней в дальнейшем, я усугубил эту ошибку, которая, по неизбежной логике судьбы, переросла в тягчайшие преступления. Для меня, конечно, это поздний вопрос. Но это может быть уроком для всех, кто до конца не осознал, что упорство в своей ошибке при оставании в партии неминуемо приводит к тому, к чему меня привело.

Я давал искренние показания на следствии и на суде, потому что я действительно решительно и окончательно порвал с контрреволюционным бандитизмом Троцкого и троцкизма. Поэтому прошу суд поверить в мою искренность, в своем решении это учесть и принять во внимание.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО БОГУСЛАВСКОГО

На процессе развернулась отвратительнейшая картина преступлений, предательств, крови, измен. И в этой картине я занимаю определенное место, место, которое правильно квалифицировано на языке уголовного кодекса статьями, выраженными в обвинительном заключении, и вчера подчеркнуто, как подтверждение после судебного следствия, государственным обвинителем. Я сегодня стою перед вами, как государственный преступник, предатель, изменник.

Нельзя не задать себе вопроса в тысячный раз, а на сей раз перед вами, граждане судьи, а в вашем лице перед тем классом, который меня породил, который меня воспитал, — как же это так случилось? Это не шаблонный вопрос. На него нужно ответить, и когда я очень много раз этот вопрос передумывал, я себе дал следующий ответ.

Логика борьбы, это действительно обще и, на мой взгляд, очень мало объясняет. Ведь логика борьбы вовсе не всегда должна довести до тех омерзительных преступлений, до которых в данном случае эта, так называемая, логика довела меня и других подсудимых.

Вот я вижу несколько причин, о которых я считаю необходимым здесь изложить вам, граждане судьи.

Ведь началось как будто с невинного на первый взгляд пустячка. В 1923 году группа троцкистов во главе с Троцким, из них часть сидит вместе со мною на скамье подсудимых, составили так называемое письмо 46, в котором были заложены уже все элементы того, к чему мы пришли. Я помню свое ощущение и, мне кажется, это не только мое,

когда я подписывал это письмо. Вот передо мною были авторитетные товарищи — большевики, занимающие очень ответственные места, ответственное положение в партии, в государстве. И я забыл о том, о чем неоднократно учил партию Ленин, что одним авторитетам, только словам верить нельзя; он учил разбираться добросовестно во всех спорных документах для того, чтобы выносить свое мнение. Вот это слепое доверие к так называемым авторитетам я лично вижу в своем не только глубоком, но и окончательном падении.

Вторая причина — это опять-таки забвение одного из основных в партийном строительстве заветов Ленина о том, что, раз сбившись с пути, раз ошибившись, нельзя упорствовать и настаивать на ошибках, ибо, как правильно вчера упомянул государственный обвинитель, это может привести и приводит, как и нас привело, в фашистское контрреволюционное болото.

И, наконец, третья причина. Я считаю необходимым о ней еще раз сказать, я об этом говорил в своих показаниях здесь на суде. Это — система обмана, система постоянного обмана, и я должен сказать, что обман обнаруживается у Троцкого и у его ближайших соратников не только в 1934 и в 1935 году, когда скрыли так называемые директивы. Вот когда анализируешь весь этот период борьбы, то видишь, что этот обман проводился очень часто. Я должен это сказать суду. Почему я говорю об обмане, я скажу дальше. Я должен сказать суду, что например для многих из нас — троцкистов, в том числе и для меня, которые были тогда в Москве и были довольно близки и к Троцкому и к его ближайшим соратникам, для нас было неожиданностью вынесение тогда уже антисоветской борьбы на улицу 7 ноября 1927 года. Они скрыли от нас это, и мы встали уже перед фактом самой демонстрации, встали перед фактом, перед необходимостью драться за этот нелепый, за этот преступный антисоветский шаг, за первую попытку вынести борьбу на улицу. Я об этом упоминал для того, чтобы сказать, что это не случайно. Это метод, это система, и это я подчеркиваю еще раз сегодня потому, что ведь Троцкий еще жив, ядовитое жало еще ведь не вырвано, он продолжает сегодня обманывать не только своих сторонников, но, к счастью безуспешно, старается обманывать и рабочих. В нашей стране это ему не удастся, но в той или иной мере это может ведь ему удаться и в других странах, и вот разоблачение этого обмана есть величайшая необходимость. И я считаю одной из причин такого глубокого и такого окончательного падения вот эту систему обмана. Заверяю вас, граждане судьи, я говорю об этом не для того, чтобы найти смягчающие вину обстоятельства, обстоятельства, смягчающие мою личную вину, я не знаю, как их искать, где их найти, хотя, не скрою, я бы их хотел найти и я бы хотел, чтобы вы, граждане судьи, помогли бы мне найти их. Я хочу, чтобы вы помогли найти их, разобравшись во всем этом деле. Но на этом я не считаю возможным не заострить ваше внимание — на этой системе обмана и предостеречь каждого, кто еще не убедился в этом обмане, что эта система является роковой, как она явилась роковой и для меня.

Само собой разумеется, что иного ничего нельзя сказать, кроме того, что вдохновителем, организатором всей этой преступной нашей

деятельности являлся Троцкий, и задача его разоблачения, всестороннего и окончательного, является основной задачей, кроме той задачи, чтобы найти конкретных преступников, его сообщников здесь у нас в стране.

Граждане судьи, когда вы подойдете к вопросу о наказании для меня, я прошу вас учесть следующее: я уже человек не молодой, — пошел шестой десяток лет, и не все эти годы наполнены у меня преступным содержанием. Меня партия знала как преданного борца, и с винтовкой в руке в партизанских и красногвардейских отрядах, и на фронте советского строительства, на хозяйственном фронте.

Я говорю это не для того, чтобы этой своей работой что-нибудь вымолить себе. Эта работа многократно перекрыта теми отвратительными преступлениями, которые я делал, — но я говорю это вот для чего. Когда я ставлю перед собой вопрос, действительно ли я в конец закоренелый и неисправимый преступник, я отвечаю себе: не может этого быть, нет, и это дает мне право просить снисхождения, просить пощады.

Когда я ставлю перед собой вопрос о том, что совсем еще недавно я проводил большую и честную работу, это также мне дает право просить вас о снисхождении.

И когда стоит вопрос о конце, я об одном прошу вас, граждане судьи: дайте мне возможность, умирая естественной смертью, в те годы, которые мне еще осталось жить, дайте мне возможность любой работой, в любом месте хоть сколько-нибудь загладить те преступления, которые я совершил перед страной, перед рабочим классом.

Правильно вчера говорил государственный обвинитель: страна наша сильна, могуча; своими гнусными преступлениями мы не могли повлиять ни на йоту на победоносный ход революции в нашей стране. И вот в этом свете, на этом фоне, я прошу вас дать мне возможность, сколько у меня хватит сил, хоть сколько-нибудь загладить все свои преступления, искупить свои преступления. Вот почему я прошу оказать мне снисхождение. Вот почему я прошу сохранить мою жизнь.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ДРОБНИСА

Вчера государственный обвинитель с исчерпывающей полнотой дал оценку всем моим тягчайшим преступлениям. И вот я — рабочий, сапожник, с 15 лет ставший активным революционером, членом партии, прошедший через 6-летний срок царской тюрьмы, переживший 3 расстрела, оказался в качестве тяжкого преступника, изменника своей родине на скамье подсудимых.

Воспитанный и вскормленный своим рабочим классом, я стал против этого класса, как самый злейший враг и предатель его. Я нагромождал одно преступление за другим и расчищал путь Троцкому, который предавал и продавал оптом и в розницу социалистическую страну, рабочий класс, форсируя кровопролитную войну.

Все это произошло потому, что я долгие годы продолжал жить в затхлом, вонючем, смрадном, зловонном троцкистском подполье.

Я дышал этим отравленным воздухом, и даже тогда, когда я вот, например, уехал в Среднюю Азию, уклонился от активной деятельности, у меня не хватило достаточно стойкости и воли, чтобы окончательно порвать. По первому зову запасного центра я перебрасываюсь в качестве подкрепления в Западную Сибирь для того, чтобы творить гнусные, омерзительные преступления, не отдавая себе ясного отчета, во имя чего.

Ослепленный, я творил эти мерзости и гнусности на стройке, где я работал. Я видел энтузиазм и преданность рабочих, это меня вовлекало, а темная сила отвлекала.

Арест и тюрьма были тем чистилищем, которое дало мне возможность окончательно вымести, выпотрошить из себя всю эту гнусь. Я это делал со всей решительностью, со всей твердостью и последовательностью.

Государственный обвинитель вчера справедливо выражал сомнение. Я прошу мне верить, что я очистился и вымел из всех закоулков своего сознания этот гнилой смрадный троцкизм, я беспощадно с ним расправился. Следственные власти могут подтвердить, что я иногда поторапливал в этом отношении, не давая себе передышки для того, чтобы окончательно, бесповоротно и в конец с этим разделаться.

Мне 46 лет. Незадолго до моего ареста исполнилось 30 лет моего пребывания в рядах партии. Я стал отверженным, проклятым сыном трудящихся масс. Суд вынесет мне приговор. Как бы суров он ни был, я его приму, как должное и заслуженное. Но если, граждане судьи, у вас найдется хоть малейшая возможность дать мне умереть не позорной смертью, а пройдя все тяжкие испытания, вернуть меня в ряды того класса, из которого я вышел, — я буду почитать для себя великой и священной обязанностью оправдать полностью и целиком этот дар трудового народа и служить ему до самой своей кончины.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО МУРАЛОВА

Я отказался от защитника, я отказался от защиты, потому что я привык защищаться годным оружием и нападать. У меня нет годного оружия, чтобы защищаться.

Вчера государственный обвинитель усомнился в нашей искренности, в искренности наших показаний. Я отнес это и по своему адресу, потому что, конечно, вполне законно сомнение по отношению к преступникам. Но я заверяю суд, что ни на следствии, ни здесь на суде в своих показаниях я ничего не скрыл, дал исчерпывающие сведения о своей преступной деятельности и дал соответствующую оценку. Я уже упоминал о том, как я пришел к этому заключению. Я боролся долго с собою. Я вспомнил изречения великих вождей марксизма, изречение умнейшего человека древности, жившего за сотни лет до нашего времени, который сказал: «Каждому человеку свойственно ошибаться, но глупец тот, который не сознает своих ошибок», а я добавлю — и преступлений. Я не хотел оставаться глупцом, я не хо-

тел оставаться преступником, ибо, если бы я запирался, я был бы знаменем для контрреволюционных элементов, еще имеющихся, к сожалению, на территории Советской республики. Я не хотел быть корнем, от которого росли бы ядовитые отпрыски. Я не хотел быть тем семенем, от которого росла бы не благодатная пшеница, а ядовитый плевел, вот это и старая большевистская закалка заставили меня признать все мои преступления, и вот почему я ничего не скрывал и не скрываю. Было бы непристойно мне обвинять кого-нибудь в вовлечении меня в троцкистскую организацию. Хотя я вышел из бедной трудовой семьи и пробился своим горбом и к образованию и к положению, и когда вступал в рабочие кружки в 1899 году и в партию в 1905 году, и в последующей своей деятельности, я был сознательным, развитым, образованным человеком, тем более, к тому моменту, когда начался троцкизм. В этом я не смею никого обвинять, в этом я сам виноват. Это моя вина, это моя беда.

Свыше десяти лет я был верным солдатом Троцкого, этого злодея рабочего движения, этого достойного всякого презрения агента фашистов, врага рабочего класса и Советского Союза. Но ведь свыше двух десятков лет я был верным солдатом большевистской партии. Вот эти все обстоятельства заставили меня все честно сказать и рассказать и на следствии, и на суде. Это не мои пустые слова потому, что я привык быть верным в прежнее время, в лучшее время моей жизни, верным солдатом революции, другом рабочего класса. И эти мои чистосердечные показания я прошу учесть при вынесении мне того или иного приговора.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО НОРКИНА

На следствии я без утайки рассказал все о своих преступлениях. Я совершенно раскаялся. Все мои показания совершенно искренни и точны. Этого достаточно для того, чтобы суд мог, разобравшись во всех деталях и обстоятельствах, принять необходимое решение. Если суд найдет какие-либо обстоятельства достаточными для того, чтобы смягчить оценку и пощадить мою жизнь, я заявляю, что буду с величайшей жадностью накапливать силы в надежде отдать свои силы в борьбе с фашизмом. А на случай другого решения, на случай, если это мое слово на суде — последний акт моей жизни, — я хочу воспользоваться им для того, чтобы передать клокочущее мое презрение и ненависть к Троцкому. Его много для того, чтобы Троцкий мог щедро его разделить со своими партнерами и действительными хозяевами фашистских генштабов и разведок.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ШЕСТОВА

Граждане судьи, 13 лет я был членом контрреволюционной троцкистской террористической, подрывной и фашистской организации. Последние пять лет активно подготовлял, пытался убивать вождей тру-

дового народа, вождей рабочего класса и угнетенных капиталистического мира. Последние пять лет активно вел на шахтах, рудниках Кузнецкого бассейна разрушительную подрывную работу. Последние пять лет я был изменником, был агентом самого реакционнейшего отряда мировой буржуазии, агентом немецкого фашизма.

Что меня, бывшего рабочего, сына трудовой семьи, заставило быть в организации убийц, в организации изменников социалистической родины? Не скрою, с 1923 года, шаг за шагом, со ступеньки на ступеньку, я поднимался все выше и выше и приблизился к организатору фашистской агентуры — Троцкому, к его ближайшим лидерам — Седову, Смирнову, Пятакову. Мое с ними знакомство, сближение, в особенности последняя встреча в 1931 году, и их ко мне внимание прельстили меня, и я целиком и полностью отдался контрреволюционной террористической и шпионской деятельности. В 1923 году я впервые изменил рабочему классу. В 1923 году впервые начал бороться с партией, во главе которой стоит Сталин и в своих крепких, цепких руках держит и несет знамя Маркса — Энгельса — Ленина. Я применял в этой борьбе все мерзкие, все грязные, все подрывные методы. Я здесь перед вами весь. Я рассказал все, что меня привело на скамью подсудимых. Я сдался не в первый день моего ареста. В течение пяти недель я отпирался, в течение пяти недель мне предъявляли факт за фактом — фотографии моей подлой работы, и когда я оглянулся назад, я сам ужаснулся того, что я наделал.

Не убитая еще частичка сохранившейся рабочей совести, совести трудового народа, заставила меня сказать правду, и я решил, как блудный сын, пойти к братьям по классу и рассказать все, что я знал, что я делал. Там в Сибири, в управлении НКВД, на предварительном следствии, в камере № 23, я частенько дрожал, как осиновый лист, перед своими преступлениями, и вот это дало мне здесь то спокойствие, с которым я рассказывал вам о своей преступной деятельности. Я знал, на что шел. Я знал, куда я иду, и я знал, что меня ожидает, если будет провал организации, которой я руководил. Пощады не прошу. Снисхождения мне не надо. Пролетарский суд не должен и не может щадить мою жизнь. Здесь перед вами, перед лицом всего трудового народа, перед лицом угнетенных капитализмом всех стран я, в силу своих способностей, расстреливал идеологию, в плену которой был 13 лет. И теперь я хочу одного: с тем же спокойствием встать на место казни и своею кровью смыть пятно изменника родины.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО СТРОИЛОВА

Моими личными признаниями, а также тем исчерпывающим анализом, который в своей речи сделал государственный обвинитель, полностью представлены и доказаны мои преступления и вся тяжесть моей вины, которым нет оправдания. Изменив родине, на первое время в небольших делах, я покатился вниз, сделавшись агентом германской разведки и выполняя ее гнусные задания. Вместе с этим, не

будучи никогда в партии, не будучи никогда троцкистом, я сделался и агентом троцкистов, задания которых нисколько не отличались, а часто превышали задания германской разведки.

Хотя вся моя преступная работа была следствием этого двойного пресса на меня, я не могу ни в какой мере уменьшить мои преступления и тяжесть моей вины, которая перед страной очень велика. Это еще увеличивается и усиливается тем, что партия и правительство относились ко мне очень хорошо. Это выражалось и в общественном положении, это выражалось и в поощрениях, и в предоставлении ряда наград.

Это выражалось в том, что я был поставлен на самую для беспартийного инженера ответственнейшую должность в стране. Мне были созданы такие благоприятные материально-бытовые условия, что это в несколько раз превышало понятие зажиточной жизни даже в буквальном смысле. Но я пытался в начале 1934 года порвать мои преступные связи с разведкой враждебного государства и встретил ярое сопротивление сибирского центра троцкистской организации, предложившего мне продолжать совместную работу.

Мне было непонятно тогда, откуда такая родственность германской разведки и троцкистов, так как мне не была известна ни так называемая платформа, ни так называемая политическая задача, которую ставил параллельный центр.

Сейчас на суде мне стало понятно, что они являются родственными людьми, родственными по своим методам работы, решившими распродавать территорию Советского Союза.

Я, как должностное лицо, а также как вообще видевший возрастание вредительской работы в резкой ее форме проявления, пытался в ряде случаев провести организационно-технические производственные мероприятия в жизнь с пользой для дела. И тут опять я натыкался на понукание представителей троцкистской организации, упрекавших меня и в либерализме, в интеллигентщине и т. д., и я продолжал эту работу вести. И если я с германской разведкой, и в целом с иностранным государством, порвал всякую связь во второй половине 1935 года, то тяготение троцкистов сказывалось дальше. И эта двойственность все время сопровождала меня. С одной стороны, я выполнял задания, исходившие из источника троцкистско-зиновьевского центра. С другой стороны, видя прекрасное отношение ко мне общественности, партии и правительства, чувствовал, что это вредительство противно духу созидания, понятного мне как инженеру. Я не мог не проводить ряда мероприятий, которые выходили за рамки моей должности, как главного инженера треста. Мною издан в печати, впервые в Союзе, ряд технических трудов. Я предложил ряд изобретений, и часть из них осуществлена не только в массовом масштабе в Кузнецком бассейне, но начинает осуществляться и в других трестах каменноугольной промышленности, сохраняя жизнь рабочих и давая большие экономические и технические преимущества.

В конце февраля 1936 года я твердо решил оставить совершенно Кузнецкий бассейн и уехать. Но говоря об этом только по служебной линии, я встретил возражения и в Новосибирске, и в Москве, и вынуж-

ден был остаться снова там в Кузбассе, испытывая на себе преступные связи с троцкистами.

Я не буду перечислять всех моих преступлений по вредительской работе. Они велики и обширны, и им и на предварительном следствии, и прокурором подведена черта. Я вижу за этой чертой огромный итог моих преступлений, вижу огромный счет, который предъявляет мне Советская страна.

Но я прошу суд при вынесении мне приговора учесть, что по классовому своему происхождению из мелкоземельных крестьян, по своему стажу лишь с 1921 года, т. е., не имея никакого стажа в капиталистическом обществе, и по своей натуре я не чужд пролетариату и совершенно не враждебен советской власти.

Если я так низко пал, изменив родине, то это падение было не на родине, это падение было за границей, в результате целой сети провокаций, слежек, равным образом и контакта с троцкистами, которые вызывались исключительно шантажем и вымогательствами с их стороны.

Точно также я прошу учесть суд и то, что никакого отношения к террористической деятельности я никогда не имел. Я даже не знал о террористических актах и об их подготовке. Но моя вина и мои преступления огромны. Я в них полностью и искренне сознаюсь до конца.

Я прошу суд снисходительно отнестись ко мне, пощадить меня, сохранить мне жизнь. Я имею опыт, и я приму все меры, мобилизовав свои знания и опыт, к тому, чтобы продуктивной работой, созидательной работой хотя бы отчасти загладить свою величайшую вину перед пролетарским государством.

Я прошу верить искренности этого моего заявления и прошу, чтобы суд тем самым дал мне возможность снова вернуться в трудовую семью советских народов.

Вечернее заседание 29 января

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО АРНОЛЬДА

Граждане судьи! Я с малолетства получил в наследие от царской России позорное клеймо «незаконнорожденный». Приспосабливаясь к жизни, которая оказалась такой путаной, я могу обвинять в этом только царскую Россию, капиталистическое общество, в котором я приспособлялся. В результате, как это вышло, я — рабочий, родители мои — рабочие, и я вдруг очутился в рядах троцкистов.

Я уже на суде об этом говорил и еще подчеркиваю, что, имея слабое, низкое политическое развитие, я не был в состоянии разбираться в сложных вопросах политики, и в результате я очутился под влиянием таких сильных троцкистов и оказался членом их организации. Я принимал участие в преступлениях против передовых руководителей партии и правительства, подняв на них руку. И я очень рад, что это мне не удалось. Я осознал свое гнусное преступление и сразу же уехал из Прокопьевска. Я старался искупить работой свой гнусный поступок.

На предварительном следствии и здесь на суде я признался во всем, что во мне больше ничего грязного нет. Я никогда не чувствовал свою биографию такой чистой, какой она есть сейчас, после того, как я рассказал обо всем том, что было со мною. Граждане судьи, я — еще не совсем потерянный человек. Я еще могу работать и быть полезным тому обществу, из которого я сам вышел. Несмотря на то, что я совершил большое преступление, несмотря на то, что прокурор требует высшей меры наказания в отношении меня, я все-таки прошу сохранить мне жизнь, и я постараюсь ее оправдать не на словах, а на деле.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ЛИВШИЦА

Граждане судьи! Обвинение, предъявленное мне государственным обвинителем, усугубляется еще тем, что я из рабочих низов был поднят партией на высоту государственного управления — до заместителя народного комиссара путей сообщения. Я был окружен доверием партии, я был окружен доверием соратника Сталина — Кагановича. Я

это доверие растоптал в контрреволюционном троцкистском болоте и стал на путь предательства и измены родине.

Как это произошло? Как я погряз в контрреволюционном болоте? Начав с несогласия с партией и поддержки Троцкого по важнейшему, по решающему вопросу нашей пролетарской революции — о строительстве социализма в нашей стране, — логикой борьбы дошел шаг за шагом, от фракционной работы к подпольной, от подпольной к вредительству, диверсии и измене родине. Я не могу считать, я не могу ссылаться на то, что я не знал всей программы Троцкого и центра, хотя в действительности всей программы, которая раскрылась на этом процессе, я не знал. Факт остается фактом, что Троцкий является организатором, вдохновителем восстановления капитализма в нашей стране. Троцкий подготовляет, вместе с самыми оголтелыми, самыми черными силами фашизма, войну и поражение в этой войне СССР, а я в этой подлой предательской работе ему помогал. Так я дошел до последней черты. Последняя черта подводится на этом процессе.

Граждане судьи, я прошу при рассмотрении всего обвинительного и следственного материала учесть, что мне 40 лет. Жизнь моя наполнена не только преступлениями. Я был преданным партии, рабочему классу и революции много лет, я работал честно и преданно, я не считаю себя окончательно погибшим, я считаю себя еще способным честно служить рабочему классу и революции. Это дает мне право просить суд пролетарский, суд советский сохранить мне жизнь, дать мне возможность честной работой хотя бы отчасти искупить свои чудовищные преступления. Об этой пощаде я и прошу пролетарский суд.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО КНЯЗЕВА

Вчера я слушал речь государственного обвинителя с исключительным вниманием и напряжением.

Несмотря на то, что она была суровой, но я, честно говоря, должен прямо и мужественно сказать, что она была справедливой, так, как квалифицировал гражданин обвинитель мои преступления перед партией и родиной. Я могу лишь только одно здесь сказать, что ни в одном своем шаге, ни в один момент моей $2^1/_2$-летней преступной работы в троцкистской организации, в связи с японцами, я никогда не преследовал личных целей и личных интересов. В этом отношении моя совесть чиста. Да, я скажу больше того, что сказал гражданин государственный обвинитель. Я работал над подготовкой войны. Попросту говоря, над ее приближением, для того, чтобы расчистить путь, развязать путь прихода к власти подлецу Троцкому. За $2^1/_2$ года я пережил много тяжелых минут, но то, что я услыхал на суде, как наш центр торговал оптом и в розницу территорией Советского Союза, при всем том, что я много пережил тяжелого, я прямо скажу, что у меня волосы дыбом стали.

Я не политик, это верно, но и не политический невежда. Я прекрасно понимаю, что такое отдать Украину, что такое отдать Приморье и

Приамурье. Нехватало еще одного добавить, а это, очевидно, вытекало из дальнейшей концепции, как я понял из всех обвинений, — еще отдать бакинскую и грозненскую нефть и железные дороги, тогда совсем была бы Россия первоклассной колонией германского фашизма.

Я прекрасно понимаю, что всякое политическое могущество любого государства прежде всего основывается на его экономическом базисе. И кто может, кроме отъявленного человека, дошедшего до этой оптовой и розничной торговли, превратившегося в самого первосортного фашиста, так поступать?

Если бы кто-нибудь из нас — работников периферии, которые верили центру, это узнали, — здесь не место для трагических слов, — но я прямо заявляю, что у реальных политиков первым долгом не оказалось бы бороды. Очевидно, что мы вместе бы пришли в НКВД. Но сейчас нас привели.

Я искренно заявляю, что я к этой преступной торговле государством непричастен, и заявляю, что Лившиц никогда мне об этом не говорил.

Я хочу еще сказать о крушениях на транспорте.

Гражданин государственный обвинитель совершенно правильно сказал, что вся сила нашей подрывной, вредительской, диверсионной работы сосредотачивалась на крушениях. Почему, спрашивается? Крушения и аварии на транспорте — это то место, где могут вредители, диверсанты, классовые враги безнаказанно проводить свою работу, будучи необнаруженными.

Это происходит потому, что несмотря на огромную созидательную и творческую работу, которую проделал Лазарь Моисеевич за полтора с небольшим года по работе на транспорте, в сознании ряда работников и большого числа специалистов не изжито понятие, что без крушений и аварий на транспорте работать нельзя, что крушения и аварии являются неизбежным следствием или спутником сложного производственного процесса на транспорте. Вот в этом, я бы сказал, убеждении и психологическом господстве теории, которая еще существует и, повторяю, полностью не изжита, находят себе место и враги. Нашли мы тоже в этой области свою вредительскую работу.

Граждане судьи, моя биография неразрывно связана со всей нашей революцией. Я поднялся до больших постов начальника ответственных дорог и был два раза по существу техническим руководителем самого ответственного на транспорте управления, эксплоатационного управления. Во времена еще Феликса Эдмундовича Дзержинского, который меня очень близко держал у себя, работал я с ним вместе на транспорте. Первый я заключил по его поручению соглашение о международном сообщении с иностранными державами.

Поднявшись до больших постов, я пользовался исключительным доверием и партии, и правительства, и Л. М. Кагановича. Я искренне скажу, что эти полтора года, когда мне приходилось не раз встречаться с Лазарем Моисеевичем один на один, у нас было много разговоров, и всегда в этих разговорах я переживал чудовищную боль, когда Лазарь Моисеевич всегда мне говорил: «Я тебя знаю, как работника железнодорожника, знающего транспорт и с теоретической и с практической

стороны. Но почему я не чувствую у тебя того размаха, который я вправе от тебя потребовать?» Этот размах находился во власти моей преступной работы и, повторяю, надо было нечеловеческое усилие, чтобы пройти эти разговоры. Но мужества, признаться, нехватило.

На этом процессе, как и на предварительном следствии, так и здесь на суде я старался искренне и до конца признать все, без всяких к тому понуждений — с первого дня, как началось следствие. И я чувствую, что до конца своего процесса я это выполнил, ибо при всей строгости квалификации моих преступлений государственным обвинителем он не мог исключить признания того, что мои показания отличаются добросовестностью. Я прошу граждан судей эту искренность мою учесть.

Я прошу также учесть при решении моей судьбы и мое заявление, которое я подал перед началом следствия, где я писал, что если мне будет сохранена жизнь, то я всеми силами, своими знаниями и преданностью постараюсь искупить все мои преступления и я еще раз подтверждаю, что я их искуплю.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ТУРОКА

Граждане судьи! На троцкистский путь я встал в 1931 году; конечно, логически с этого пути я уже в 1934 году, работая на Урале, встал на путь совершения прямых контрреволюционных вредительских действий и измены родине.

Я с этого времени активно участвовал в этой контрреволюционной практической работе, на практике осуществляя ту преступную программу, которую из-за границы давал Троцкий и наш центр.

Я должен здесь сказать, что если я к троцкизму примкнул в 1931 году случайно, то уже в 1934 году моя активная подлая работа уже не была случайной. Поэтому она была и активной.

Граждане судьи, мне, которого обвинитель в своем обвинении назвал бандитом, сравнив меня, как и моих соратников по скамье подсудимых и по действиям, с теми, кто на большой дороге стоит с кистенем и финкой, причем это название явилось следствием не случайно подобранного слова обвинителем, а явилось результатом тех преступных действий, которые я совершал, очень тяжело, конечно, просить у пролетарского суда, а по существу через него у советского народа, как изменнику, как бандиту снисхождения. Но я должен заявить вам, что я не всю свою жизнь вел борьбу с партией, а тем более встал на явно контрреволюционный путь.

Из 20 лет моего пребывания в партии я 14 лет честно и преданно служил делу революции. Я активно участвовал в гражданской войне, я имел правительственные награды. Конечно, граждане судьи, я не хочу сказать, и это было бы чудовищным думать, что эти мои заслуги в прошлом, в какой бы то ни было мере, перекрывают те чудовищные преступления, которые я совершил и по которым я сейчас сужусь. Но эти мои небольшие заслуги говорят о том, что я все-таки могу просить

у вас снисхождения, которое бы дало мне возможность умереть не как агенту фашизма. А если бы мне была дарована жизнь, я своим упорным и честным трудом сумел бы вернуться обратно в лоно строителей социализма. Я и прошу, граждане судьи, учесть это мое заявление. Я дал самые беспощадные и самые откровенные показания как о своей деятельности, так и о деятельности той организации, в которой я состоял. Я еще раз прошу, если возможно, учесть мое заявление.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО РАТАЙЧАКА

Граждане судьи! Тяжело говорить о всех преступлениях, совершенных каждым из нас,—участников троцкистской контрреволюционной организации. Особенно тяжело говорить сейчас, после исчерпывающей и правильной характеристики, данной государственным обвинителем всем действиям, совершенным этой контрреволюционной организацией, всеми сидящими здесь на скамье подсудимых и каждым в отдельности.

На следствии я дал исчерпывающие и искренние показания о всей той работе, которая проведена людьми по моим заданиям. Я указал всех известных мне участников этой подлой организации для того, чтобы не оставить никаких хвостов или остатков, не оставить людей, которые хотя бы в малейшей мере были заражены гнилью этого троцкистского болота. Я не занимался никогда, до связи с троцкистской организацией, ни шпионажем, ни авантюризмом. Связав свою судьбу с этой контрреволюционной организацией, я стал агентом Троцкого, стал агентом фашизма. Грань здесь поставить очень трудно, ибо грани между агентами Троцкого и агентами фашизма нет.

Я провел целый ряд актов, и по моим заданиям их проводили люди, связанные со мною, чудовищных актов преступлений против партии, против советской власти, против советского народа. Уже в 1935 году стало совершенно ясным, что вся эта борьба не есть борьба против руководителей партии и правительства, не есть борьба за изменение политики партии и правительства, это есть борьба, самая настоящая борьба со всем русским народом, строящим свою новую жизнь. Мы нашими руками фактически разрушали то, что создавалось честными строителями социализма. Мы подрывали, разрушали то, что русский народ создавал в течение многолетней жестокой борьбы за изменение жизни, за строительство социализма в Советском Союзе. Совершенно ясно стало, что эта борьба совершенно никчемна, и что наши действия, преступные контрреволюционные действия, ни в коей мере не могут изменить борьбу честных трудящихся Советского Союза за завершение социалистического строительства.

Каждый наш акт, совершенный на том или другом предприятии, вызывал лишь новый энтузиазм в рабочем коллективе, каждый совершенный акт вызывал новую реакцию в работе предприятий, приводил к новым достижениям. Я в 1935 году фактически прекратил всякую активную работу в этой контрреволюционной организации. Но этого

мало. Освободившись от своих соучастников, перестав фактически проводить активную борьбу с партией и правительством и с народом, я не нашел в себе достаточно мужества для того, чтобы рассказать, вскрыть всю грязь и всю контрреволюционную работу, для того, чтобы с ней раз навсегда покончить. Я искал выхода, чтобы самому уйти от всякой связи с людьми, которые были связаны со мной и с которыми я был связан. Повторяю, что этого мало,—до дня ареста я об участниках своей организации и своих преступлениях не рассказал.

Моя вина, также как и многих из нас, сидящих на скамье подсудимых, усугубляется тем, что я занимал довольно ответственный пост, руководящий пост в одной из наиболее важных отраслей промышленности. Моя вина усугубляется еще и тем, что я пользовался несомненно и постоянно исключительным доверием со стороны нашего наркома тяжелой промышленности, со стороны партии и правительства. Я должен, естественно, как человек, занимавший ответственное положение, нести бóльшую ответственность, чем рядовой член или участник всех этих преступлений.

Я хочу только, граждане судьи, сказать — я еще не окончательно потерянный человек. Я еще способен к труду, и если суд найдет возможным сохранить мою жизнь, дать возможность честным трудом искупить вину перед Советской страной, работать над тем, чтобы в какой-то мере искупить все те преступления, которые мною совершены, я искренне и честно заявляю, что смогу честным трудом в значительной мере свою вину искупить. Об этом я и прошу суд.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ГРАШЕ

Граждане судьи! Я отказался от своего права на защиту, и в своем последнем слове тоже не хочу распространяться о том, как я дошел до жизни такой, как скатился к предательству интересов трудящихся. Факты моей преступной работы слишком ярки, и всякие попытки хотя бы объяснить их могут, понятно, лишь отягчить мою участь. Я прошу суд поверить мне, что я полностью и целиком сознался в своих преступлениях перед трудящимися Советского Союза, что я ничего не скрыл и не старался преуменьшить своей вины.

Я прошу лишь разрешить мне попытаться внести одну поправку в ту характеристику, которую дал мне здесь государственный обвинитель. У меня в моей преступной работе были разные хозяева, в том числе—и фашистская разведка и троцкисты. Была у меня, прошу поверить, попытка стать на другой путь, но одна разведка цеплялась за другую, я переходил из одних цепких лап в другие, и, наконец, троцкист, фашистский разведчик Мейеровитц передал меня в руки троцкиста Ратайчака. Но все же я не был Иудушкой-троцкистом. Я сам перед собою должен был стыдиться своего гнусного предательства и не мог, как это делают троцкисты, прикрывать его какой-то идеологической надстройкой, какой-то политической платформой.

Прошу суд учесть это, равно, как и мое полное и чистосердечное сознание в моих преступлениях и, если возможно, дать мне возможность честным трудом хотя бы частично смягчить тот вред, который я принес своей преступной деятельностью.

Прошу еще раз поверить, что мои признания как на суде, так и на следствии были исчерпывающие и правдивые, хотя бы потому, что я не мог не желать освободиться от кошмара неминуемой ответственности, который надо мной тяготел в течение ряда лет.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ПУШИНА

Граждане судьи! С полной откровенностью я рассказал на следствии и суде все, что известно мне о работе контрреволюционной троцкистской организации, рассказал и о своих собственных тяжких преступлениях. Я не утаил ничего от суда, желая в своем искреннем рассказе дать выход мучительному чувству моей вины перед моей родиной, чувству, которое накапливалось во мне по мере того, как я начал понимать истинную сущность и цели контрреволюционной троцкистской организации, и которое вылилось в чистосердечное признание.

И если я сейчас прошу суд о снисхождении, то только для того, чтобы, если суд найдет возможным сохранить мне жизнь, отдать эту жизнь на честное служение на пользу моей родины и моего народа, доказав это не только словами признания и раскаяния, но и живым делом, практической работой.

В 19 часов 15 минут суд удаляется на совещание.

В 3 часа 30 января председательствующий тов. Ульрих оглашает приговор.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда СССР в составе:

Председательствующего — Председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюриста В. В. Ульрих

Членов: Заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР корвоенюриста И. О. Матулевич и

Члена Военной коллегии Верховного суда Союза ССР диввоенюриста Н. М. Рычкова

при Секретаре военном юристе 1-го ранга А. Ф. Костюшко,

с участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского и членов Московской коллегии защитников тт. И. Д. Брауде, Н. В. Коммодова и С. К. Казначеева — в открытом судебном заседании, в городе Москве, 23—30 января 1937 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. **Пятакова,** Юрия (Георгия) Леонидовича, 1890 г. рождения, служащего;
2. **Сокольникова,** Григория Яковлевича, 1888 г. рождения, служащего;
3. **Радека,** Карла Бернгардовича, 1885 г. рождения, журналиста;
4. **Серебрякова,** Леонида Петровича, 1888 г. рождения, служащего;
5. **Лившица,** Якова Абрамовича, 1896 г. рождения, служащего;
6. **Муралова,** Николая Ивановича, 1877 г. рождения, служащего;
7. **Дробниса,** Якова Наумовича, 1891 г. рождения, служащего;
8. **Богуславского,** Михаила Соломоновича, 1886 г. рождения, служащего;
9. **Князева,** Ивана Александровича, 1893 г. рождения, служащего;
10. **Ратайчака,** Станислава Антоновича, 1894 г. рождения, служащего;
11. **Норкина,** Бориса Осиповича, 1895 г. рождения, служащего;
12. **Шестова,** Алексея Александровича, 1896 г. рождения, служащего;
13. **Строилова,** Михаила Степановича, 1899 г. рождения, служащего;

14. **Турок**, Иосифа Дмитриевича, 1900 г. рождения, служащего;
15. **Граше**, Ивана Иосифовича, 1886 г. рождения, служащего;
16. **Пушина**, Гавриила Ефремовича, 1896 г. рождения, служащего и
17. **Арнольда**, Валентина Вольфридовича, он же Васильев Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащего —

— всех в преступлениях, предусмотренных ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного кодекса РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

В 1933 году, по прямому указанию высланного в 1929 году за пределы СССР врага народа Л. Троцкого, наряду с существовавшим, так называемым, «объединенным троцкистско-зиновьевским террористическим центром» в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова и других, был создан в Москве подпольный параллельный антисоветский троцкистский центр, в состав которого вошли подсудимые по настоящему делу Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и Л. П. Серебряков.

На основании указаний врага народа Л. Троцкого, параллельный антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР.

В полном соответствии с этой основной задачей враг народа Л. Троцкий за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице Радека и Сокольникова — в Москве — вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа Л. Троцкий во время переговоров с одним из руководителей национал-социалистской партии Германии Рудольфом Гесс обещал, в случае прихода к власти троцкистского правительства, в результате поражения Советского Союза, сделать Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР, вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии. Одновременно враг народа Л. Троцкий обязался, в случае захвата власти, ликвидировать совхозы, распустить колхозы, отказаться от политики индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капиталистические отношения. Кроме того, враг народа Л. Троцкий дал обязательство оказывать всемерную помощь агрессорам путем развития пораженческой агитации, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности как в мирное время, так и, в особенности, во время их военного нападения на Советский Союз.

Члены антисоветского троцкистского параллельного центра Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков,

во исполнение указаний врага народа Л. Троцкого, неоднократно получаемых Радеком, а также лично полученных Пятаковым при его свидании с врагом народа Л. Троцким в декабре 1935 года близ города Осло, — развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность.

Для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах, в некоторых крупных городах Советского Союза были созданы местные троцкистские центры. В частности, в Новосибирске, по прямому указанию Пятакова, был организован западно-сибирский антисоветский троцкистский центр в составе подсудимых по настоящему делу Н. И. Муралова, М. С. Богуславского и Я. Н. Дробниса.

Диверсионная и вредительская работа в промышленности, главным образом, на предприятиях оборонного значения, а также на железнодорожном транспорте, проводилась подсудимыми по настоящему делу по указаниям врага народа Троцкого и по заданиям и при прямом участии агентов германской и японской разведок и заключалась в срыве планов производства, ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, в организации крушений поездов, порче подвижного состава и железнодорожного пути.

При организации диверсионных актов подсудимые исходили из указаний врага народа Троцкого — «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», дополненных указаниями Пятакова, Лившица и Дробниса — не останавливаться перед человеческими жертвами, ибо «чем больше жертв, тем лучше, так как это вызовет озлобление рабочих».

В химической промышленности, по заданиям Пятакова, подсудимыми Ратайчак и Пушиным проводилась вредительская работа, направленная на срыв государственного производственного плана, на задержку строительства новых заводов и предприятий и на недоброкачественное строительство новых предприятий.

Кроме того, обвиняемые Ратайчак и Пушин в 1934—1935 гг. организовали три диверсионных акта на Горловском азотнотуковом комбинате, причем два из них со взрывами, что повлекло за собой гибель рабочих и причинило большие материальные убытки.

Диверсионные акты были также организованы, по предложению подсудимого Ратайчака, на Воскресенском химическом комбинате и Невском заводе.

В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна подсудимые Дробнис, Норкин, Шестов и Строилов, по указаниям Пятакова и Муралова, проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задержке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию, путем загазования забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября 1936 года участниками местной троцкистской организации, по заданию Дробниса, был организован взрыв на шахте «Центральная»

Кемеровского рудника, повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих.

На железнодорожном транспорте диверсионная и вредительская деятельность подсудимых Серебрякова, Богуславского, Лившица, Князева и Турок, в соответствии с установками антисоветского троцкистского центра, была направлена на срыв государственного плана погрузки, особенно по важнейшим грузам (уголь, руда, хлеб), на порчу подвижного состава (вагоны, паровозы), железнодорожного пути и на организацию крушений поездов, особенно воинских.

Подсудимым Князевым, по указанию Лившица и заданию агента японской разведки г-на Х., в 1935—1936 гг. был организован и совершен ряд крушений товарных, пассажирских и воинских поездов с человеческими жертвами, причем крушение воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 года повлекло смерть 29 красноармейцев и ранение 29 красноармейцев.

По прямому указанию врага народа Л. Троцкого, членами антисоветского троцкистского центра Пятаковым и Серебряковым, на случай военного нападения на СССР, подготовлялся ряд диверсионных актов в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших магистралях железнодорожного транспорта.

Подсудимый Норкин, по указанию Пятакова, подготовлял поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Подсудимый Князев, по поручению Лившица, принял к исполнению задание агента японской разведки г-на Х. организовать во время войны взрывы железнодорожных сооружений, поджоги воинских складов и пунктов питания войск, крушения воинских поездов, а также проводить умышленное заражение бактериями острозаразных болезней подаваемые под войска эшелоны, а также пункты питания и санобработки частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Наряду с диверсионной и вредительской деятельностью подсудимые Лившиц, Князев, Турок, Строилов, Шестов, Ратайчак, Пушин и Граше, по поручению троцкистского антисоветского центра, занимались сбором и передачей агентам германской и японской разведок секретных сведений, имеющих важнейшее государственное значение.

Подсудимые Ратайчак, Пушин и Граше были связаны с агентами германской разведки Мейеровитц и Ленц, которым в 1935—1936 гг. передавали особо секретные материалы о состоянии и работе химических заводов, причем Пушин в 1935 году передал агенту германской разведки Ленц секретные сведения о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза ССР за 1934 год, программу работ всех химических предприятий на 1935 год и план строительства азотных комбинатов, а подсудимый Ратайчак передал тому же Ленц совершенно секретные материалы о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам.

Подсудимые Шестов и Строилов были связаны с агентами германской разведки Шебесто, Флесса, Флорен, Зоммерэггер и др. и передавали им секретные сведения по угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна.

Подсудимые Лившиц, Князев и Турок систематически передавали агенту японской разведки г-ну Х. совершенно секретные сведения о техническом состоянии и мобилизационной готовности железных дорог СССР, а также о воинских перевозках.

По прямым указаниям врага народа Л. Троцкого антисоветским троцкистским центром было создано несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске, Сочи и других городах СССР, которые занимались подготовкой террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Ежова, Жданова, Косиора, Эйхе, Постышева и Берия, причем некоторыми террористическими группами (в Москве, Новосибирске, на Украине, в Закавказье) непосредственно руководили члены антисоветского троцкистского центра подсудимые Пятаков и Серебряков.

Организуя террористические акты, антисоветский троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Так, осенью 1934 года Шестов, по указанию Муралова, пытался осуществить террористический акт против председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова во время его пребывания в Кузбассе, для чего участник местной троцкистской террористической группы подсудимый Арнольд пытался совершить катастрофу с автомашиной, в которой ехал тов. В. М. Молотов.

Кроме того, подсудимый Шестов, по заданию Пятакова и Муралова, подготовлял террористический акт против секретаря западно-сибирского краевого комитета ВКП(б) тов. Р. И. Эйхе, а подсудимый Арнольд, по подстрекательству того же Шестова, подготовлял террористический акт против тов. Г. К. Орджоникидзе.

Таким образом, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР установила, что:

I. Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников состояли членами антисоветского троцкистского центра и по прямым указаниям находящегося за границей врага народа Л. Троцкого, в целях ускорения военного нападения на Советский Союз, содействия иностранным агрессорам в захвате территорий Советского Союза, свержения советской власти, восстановления капитализма и власти буржуазии, руководили изменнической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью антисоветской троцкистской организации в Советском Союзе, т. е. совершили

преступления, предусмотренные ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного кодекса РСФСР.

II. Указанные в пункте I Пятаков и Серебряков, а также являвшиеся участниками антисоветской троцкистской организации Муралов, Дробнис, Лившиц, Богуславский организовали и непосредственно направляли изменническую, шпионскую, диверсионно-вредительскую и террористическую деятельность членов антисоветской троцкистской организации, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного кодекса РСФСР.

III. Князев, Ратайчак, Норкин, Шестов, Турок, Пушин и Граше, являясь участниками антисоветской троцкистской организации, привели в исполнение задания антисоветского троцкистского центра по изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельности, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст. ст. $58^{1а}$, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного кодекса РСФСР.

IV. Арнольд, будучи участником антисоветской троцкистской организации, по подстрекательству подсудимых Муралова и Шестова, пытался осуществить террористические акты против товарищей Молотова и Орджоникидзе, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 19, 58^{8} и 58^{11} Уголовного кодекса РСФСР.

V. Строилов — частично выполнил несколько отдельных заданий по шпионажу и вредительству, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{6} и 58^{7} Уголовного кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА:

1. **Пятакова,** Юрия (Георгия) Леонидовича,
2. **Серебрякова,** Леонида Петровича, как членов антисоветского троцкистского центра, организовавших и непосредственно руководивших изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельностью — к высшей мере уголовного наказания — расстрелу;
3. **Муралова,** Николая Ивановича;
4. **Дробниса,** Якова Наумовича;
5. **Лившица,** Якова Абрамовича;
6. **Богуславского,** Михаила Соломоновича;
7. **Князева,** Ивана Александровича;
8. **Ратайчак,** Станислава Антоновича;
9. **Норкина,** Бориса Осиповича;
10. **Шестова,** Алексея Александровича;

11. **Турок,** Иосифа Дмитриевича;

12. **Пушина,** Гавриила Ефремовича и

13. **Граше,** Ивана Иосифовича — как организаторов и непосредственных исполнителей указанных выше преступлений — к высшей мере уголовного наказания — расстрелу;

14. **Сокольникова,** Григория Яковлевича и

15. **Радека,** Карла Бернгардовича — как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности — к заключению в тюрьме сроком на 10 лет каждого;

16. **Арнольда,** Валентина Вольфридовича — к заключению в тюрьме на 10 лет;

17. **Строилова,** Михаила Степановича, ввиду обстоятельств, указанных в пункте V резолютивной части настоящего приговора, — к заключению в тюрьме на 8 лет.

Осужденных к тюремному заключению Сокольникова, Радека, Арнольда и Строилова лишить политических прав сроком на пять лет каждого.

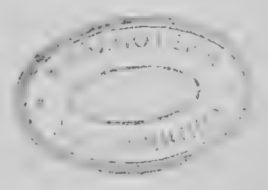
Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, — конфисковать.

Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишенные постановлением ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа **Троцкий** Лев Давыдович и его сын **Седов** Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых Ю. Л. Пятакова, К. Б. Радека, А. А. Шестова и Н. И. Муралова, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей В. Г. Ромма и Д. П. Бухарцева и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, — подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист — *В. Ульрих.*

Члены: Заместитель Председателя Военной коллегии Верховного суда СССР корвоенюрист — *И. Матулевич.*

Член Военной коллегии Верховного суда СССР диввоенюрист — *Н. Рычков.*

Ответственный за выпуску *А. Н. Подковский*
Техн. редакторы *Л. Т. Васильев* и *А. З. Сокольский*
Ответств. корректоры *А. М. Маркова* и *В. А. Машукова*
Переплет работы худ. *К. П. Яницкого*

★

Сдано в производство 8 февраля 1937 г.
Подписано к печати 12 февраля 1937 г.

★

I кв. 1937 г. Инд. Ю—4. Изд. № 7. Зак. № 790.
Формат 62 × 94 в 1/16 долю. Тираж 75 000 экз.
16 1/2 п. л. 19,2 уч.-авт. л. В 1 б. л. 102 тыс. зн.

★

Уполномоченный Главлита № Б-5033

★

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР
треста „Полиграфкнига"
Москва, Валовая, 28

★

Цена 2 р. 75 к. Переплет 1 р. 50 к.

